Щеголев П.Е

П.Г. Каховский.

88287

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

Тип. им. Котлякова. 14 — 5 000 000. 5/1 72 г.

1994 г.

Д 1/30

ДЕКАБРИСТЫ

КАХОВСКІЙ

МОСКВА ~ 1919 ~ АЛЬЦІОНА

18288

1962 г.

Печатается съ разрѣшенія Отдѣла Издательства и Книжной Торговли Московскаго Совѣта Раб. и Кр. Депутатовъ.

Вторая Государственная типография. Трехпрудный пер., 9.

РЭ
Щ-341 II-321
Щ-23
306-Щ

Петръ Григорьевичъ КАХОВСКІЙ

СОЧИНЕНІЕ

П. Е. ЩЕГОЛЕВА

Библиотека
Т-кума
Сценических Искусств

МОСКВА
«АЛЬЦІОНА»
1919

Включена
в каталог

9С
К-306-Щ

БИБЛИОТЕКА
Института
театра, музыки
и
Кинематографии

88287

Когда думаешь о декабристахъ, вниманіе мучительно и настойчиво тянется къ тѣмъ пяти, «кои, по жесткому выраженію протокола Верховнаго Уголовнаго Суда, по тяжести ихъ злодѣяній поставлены внѣ разрядовъ, внѣ сравненія съ другими»,—къ тѣмъ пяти, чья жизнь оборвалась 13 іюля 1826 года на висѣлицахъ Петропавловской крѣпости. Павелъ Пестель, Кондратій Рылѣевъ, Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, Михаилъ Бестужевъ-Рюминъ и Петръ Каховскій — вотъ кого смертный жребій выдѣляетъ изъ массы декабристовъ, но и до сихъ поръ мы не можемъ сказать, что мы знаемъ ихъ, умѣемъ нарисовать ихъ нравственный образъ, понимаемъ всю сложность психологическихъ мотивовъ ихъ жизни и дѣятельности. Правда, у насъ есть до извѣстной степени опредѣленное представленіе о крупнѣйшей личности политика и революціонера Пестеля, о поэтѣ и энтузіастѣ гражданинѣ Рылѣевѣ, о вождѣ военнаго возстанія Муравьевѣ, о его другѣ и помощникѣ, находящемся въ непрерывномъ нервномъ возбужденіи, Бестужевѣ-Рюминѣ; но одно имя изъ этихъ пяти не вызываетъ въ насъ никакихъ ассоціацій, никакого опредѣленнаго представленія. Это—Каховскій. И когда мы смотримъ на его портретъ, какимъ-то чудомъ дошедшій до насъ,

мы видимъ чужое намъ лицо, и черты портрета не согрѣваются огнемъ интимнаго знакомства, не воскресаютъ.

Странная судьба, странное молчаніе! О немъ, повѣшенномъ, декабристы, оставившіе свои воспоминанія, говорятъ одну-двѣ незначительныхъ фразы, а вспоминая о Рылѣевѣ, С. Муравьевѣ, Пестелѣ, они возвышаются иногда до настоящаго паѳоса. Каховскій—какой-то чужой, неизвѣстный имъ человѣкъ! Онъ чуждъ имъ и физически—до смѣшного. Они не знаютъ его настоящаго имени. Даже добросовѣстный Розенъ въ своихъ запискахъ послѣдовательно называетъ его Петромъ Андреевичемъ Каховскимъ, а онъ былъ Петръ Григорьевичъ.

Но у насъ есть драгоцѣнные матеріалы для характеристики П. Г. Каховскаго — его собственноручныя признанія въ слѣдственной комиссіи, его замѣчательныя письма изъ крѣпости къ имп. Николаю I и, наконецъ, многочисленнѣйшія показанія о немъ, сдѣланныя его товарищами. На основаніи этихъ данныхъ мы попытаемся набросать обликъ революціонера-романтика и разсказать его судьбу [1].

ЛИЧНОСТЬ. — МІРОСОЗЕРЦАНІЕ.

Скудны данныя о внѣшней жизни Петра Григорьевича Каховскаго.

По формулярному списку, составленному въ 1821 году, онъ—«изъ дворянъ Московской губерніи, въ коей за нимъ состоитъ 230 душъ крестьянъ». Но самъ Каховскій сообщалъ комиссіи въ 1826 году о томъ, что «послѣ смерти родителей его ему съ братомъ досталось 30 душъ крестьянъ въ Смоленскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи; это имѣніе въ казнѣ не заложено, а лежитъ на немъ партикулярный долгъ» [2]. Послѣ осужденія, правительство собрало всѣ свѣдѣнія о родственникахъ, имѣніяхъ и капиталахъ осужденныхъ декабристовъ. О Каховскомъ въ его распоряженіи оказались слѣдующія данныя. «Родной братъ его отставной капитанъ-лейтенантъ Никаноръ Каховскій проживаетъ Велижскаго повѣта въ имѣніи генеральши Марковой и находится въ болѣзненномъ положеніи и хотя имѣетъ во владѣніи своемъ Смоленской губерніи и уѣзда въ сельцѣ Тифеневскомъ имѣніе, состоящее въ 15 душахъ, но оно послѣ нашествія непріятеля и по случаю неурожая хлѣбовъ въ совершенномъ разстройствѣ, черезъ что онъ задолжалъ разнымъ людямъ

значительнымъ для него капиталомъ. Послѣ смерти брата Петра Каховскаго осталось имѣніе, заключающееся въ 13 душахъ крестьянъ, но оно подвержено залогу маіоромъ Гернгроссомъ въ 6.000 руб.; и сверхъ того съ онаго имѣнія взыскивается по заемному обязательству смоленскаго купца Дементія Нольчина 2.300 руб.» [3].

Немудрено, что, обладая такимъ незначительнымъ состояніемъ и не состоя на службѣ, Каховскій нуждался въ деньгахъ и одолжался у Рылѣева. Въ 1825 году онъ не могъ даже заплатить портному за сшитое платье 295 рублей, и Рылѣевъ за него поручился [4].

Каховскій родился, по собственному своему показанію, въ 1797 году. Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній ни о семейной обстановкѣ, его окружавшей, ни о его родителяхъ. Въ роковомъ для него году Каховскій уже не имѣлъ родителей. Изъ родственниковъ его мы знаемъ только объ одномъ его братѣ. Судя по тому, что за все время производства слѣдствія до самой казни Каховскій не получилъ ни одного письма отъ родныхъ, ни самъ не написалъ и не имѣлъ ни одного свиданія, можно думать, что его отношенія къ родственникамъ были совсѣмъ не родственны: въ то время, какъ чуть не за всѣхъ остальныхъ заключенныхъ хлопотали ближніе и дальніе родственники, родные Каховскаго не проявляли никакой заботливости. По крайней мѣрѣ въ офиціальныхъ документахъ мы не нашли доказательствъ противнаго, а вѣдомости разрѣшеннымъ свиданіямъ и пропущеннымъ письмамъ велись весьма тщательно. *Каховскій не имѣлъ никакихъ родственныхъ связей; онъ былъ совсѣмъ одинокъ.* Эта подробность имѣетъ важное біографическое зна-

ченіе, и для того, чтобы понять психологію Каховскаго, нужно помнить о его полнѣйшемъ одиночествѣ, о какой-то заброшенности.

Онъ учился въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ. Быть-можетъ, онъ былъ здѣсь одновременно съ Владимиромъ Ѳедосеевичемъ Раевскимъ: послѣдній родился въ 1795 году, Каховскій—въ 1797 году. Н. И. Гречъ передаетъ слѣдующій интересный разсказъ самого Каховскаго о приключеніяхъ дѣтства. «Онъ былъ въ какомъ-то пансіонѣ (должно-быть, университетскомъ) въ Москвѣ въ 1812 году, когда вступили туда французы. Пансіонъ разбѣжался, и Каховскій остался гдѣ-то на квартирѣ. Въ этомъ домѣ поселились французскіе офицеры и съ мальчикомъ ходили на добычу. Однажды пріобрѣли они нѣсколько склянокъ варенья. Должно было откупорить. За это взялся Каховскій, но какъ-то неосторожно засунулъ палецъ въ горлышко склянки и не могъ его вытащить. Французы смѣялись и спрашивали, какъ онъ освободитъ свой палецъ. «А вотъ какъ!» сказалъ мальчикъ и, размахнувшись, разбилъ склянку объ голову одного француза. Его приколотили за эту дерзость и выгнали». Къ этому разсказу Гречъ присоединяетъ свою сентенцію: «это начало обѣщало многое, и онъ сдержалъ обѣщанное» [5]. Эпизодъ съ французами, во всякомъ случаѣ, ярко иллюстрируетъ одну черту въ характерѣ Каховскаго — *безпредѣльную дерзость*. Онъ былъ не только дерзокъ въ бытовомъ, житейскомъ смыслѣ, но и дерзновененъ. Мы увидимъ дальше, что въ намѣреніяхъ онъ зашелъ гораздо дальше всѣхъ декабристовъ и, кромѣ того, онъ былъ и искреннѣе и рѣшительнѣе ихъ. Вообще о немъ можно сказать, что онъ дѣй-

ствовалъ безъ оглядки и удержу. И когда онъ переживалъ всю тоску тюремнаго заключенія, пытку допросовъ и признаній, забывая о предѣлахъ осторожности, онъ оставался вѣренъ своему характеру.

Итоги его образованія казенный языкъ формуляра опредѣляетъ такъ: «по-русски, по-нѣмецки и французски читать, писать и говорить умѣетъ, исторіи, географіи и ариѳметикѣ знаетъ». Приходится думать, что образованіе Каховскій пріобрѣлъ не на школьной скамьѣ, а позже. Онъ побывалъ и за границей и внимательно приглядѣлся къ тамошнимъ порядкамъ. Въ письмахъ изъ крѣпости о недостаткахъ русской жизни и мѣрахъ ихъ исправленія Каховскій показалъ себя образованнѣйшимъ человѣкомъ, вполнѣ на уровнѣ своего вѣка. Бросается въ глаза хорошее знакомство съ экономическими науками, государственнымъ правомъ и политической исторіей. Но самыя сильныя доказательства своихъ положеній онъ беретъ изъ матеріаловъ своего наглядnаго знакомства съ западноевропейскимъ бытомъ. На вопросъ комиссіи, какими науками онъ больше всего занимался, онъ отвѣчалъ: «политическими», а на вопросъ, откуда появился у него вольный образъ мыслей, Каховскій написалъ: «мысли формируются съ лѣтами; опредѣлительно я не могу сказать, когда понятія мои развернулись. Съ дѣтства изучая исторію грековъ и римлянъ, я былъ воспламененъ героями древности. Недавніе перевороты въ правленіяхъ Европы сильно на меня дѣйствовали.—Наконецъ чтеніе всего того, что было извѣстнымъ въ свѣтѣ по части политической, дало наклонность мыслямъ моимъ. Будучи въ 1823 и 1824 годахъ за границею, я имѣлъ много способовъ

читать и учиться: уединеніе, наблюденія и книги были мои учителя».

Для пониманія психологіи Каховскаго необходимо отмѣтить въ этомъ показаніи свидѣтельство о вліяніяхъ изученія древности. *Воспламенен героями древности* — черта, свойственная не одному декабристу. «Въ это время, — пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ И. Д. Якушкинъ, — мы страстно любили древнихъ: Плутархъ, Титъ Ливій, Цицеронъ, Тацитъ и другіе были у каждаго изъ насъ почти настольными книгами» [6]. Возрожденіе античности характеризуетъ романтическую эпоху и идетъ навстрѣчу свободолюбивому настроенію. Въ античности искали бодрящихъ мотивовъ, подъема революціонной энергіи.

Возвращаясь къ внѣшней исторіи Каховскаго, мы должны ограничиться данными формуляра. 24 марта 1816 года онъ вступилъ въ военную службу, въ лейбъ-гвардіи егерскій полкъ юнкеромъ. Изъ временъ его службы въ л.-г. егерскомъ полку его товарищъ Новицкій сообщаетъ слѣдующій эпизодъ, который необходимо находится въ біографіяхъ всѣхъ роковыхъ лицъ. «По просьбѣ родныхъ Каховскаго, командиръ 1 баталіона л.-г. егерскаго полка полк. Свѣчинъ пріютилъ Каховскаго у себя на квартирѣ, въ одномъ изъ нумеровъ дома Гарновскаго. Я помѣщался въ одной комнатѣ, скромно меблированной. Это было въ Великомъ посту. Тогда къ Свѣтлому празднику гвардейскіе офицеры, имѣвшіе, по большей части, собственные экипажи, заказывали новые, покупали лошадей, сбруи... И къ полковнику Свѣчину пришелъ каретникъ, высокій мужчина, брюнетъ, съ живыми черными глазами. Помню, какъ теперь, когда онъ, не

заставъ полковника дома, вошелъ въ нашу комнату, мы съ Каховскимъ лежали на своихъ кроватяхъ: онъ читалъ книгу, я былъ тогда юнкеръ, готовилъ урокъ къ завтрашнему дню; было тутъ еще два-три человѣка посторонних. Каретникъ стоялъ нѣсколько времени недвижно, всматриваясь поперемѣнно то въ меня, то въ Каховскаго, и вдругъ произнесъ: «вотъ что я вамъ скажу: одинъ изъ васъ будетъ повѣшенъ, другой — пойдетъ своею дорогою» [7].

Но уже въ декабрѣ 1816 года Каховскій былъ разжалованъ въ рядовые и переведенъ изъ гвардіи въ армію; по сообщенію того же Новицкаго, былъ сосланъ на Кавказъ въ линейные баталіоны за какую-то шалость. Мы не могли документально установить причины разжалованья, но можно предполагать именно «дерзость» Каховскаго. По предписанію командира дивизіи ген.-маіора Жемчужникова 7 февраля 1817 года онъ былъ опредѣленъ на службу въ 7 егерскій полкъ и за отличіе по службѣ по Высочайшему повелѣнію въ ноябрѣ этого же года вновь произведенъ юнкеромъ, а въ январѣ слѣдующаго года повышенъ въ портупей-юнкеры. Въ октябрѣ онъ былъ переведенъ въ Астраханскій кирасирскій полкъ и въ этомъ полку получилъ чинъ: въ маѣ 1819 года—корнета и въ ноябрѣ того же года — поручика. Въ походахъ Каховскому быть не пришлось, а въ штрафахъ онъ бывалъ «за разныя шалости въ арміи, по повелѣнію великаго князя Константина Павловича». Эти штрафы отличаютъ Каховскаго отъ другихъ декабристовъ, формуляры которыхъ безукоризненны.

24 апрѣля 1821 года Каховскій по болѣзни получилъ отставку. Изъ показанія его передъ генераломъ

Левашевымъ мы знаемъ, что онъ дѣйствительно былъ боленъ и ѣздилъ лѣчиться на Кавказъ вмѣстѣ съ ген.-маіоромъ Свѣчинымъ; по возвращеніи жилъ нѣкоторое время въ Смоленской губерніи, въ своемъ имѣніи. Въ 1823—1824 годахъ Каховскій путешествовалъ за границей и въ 1825 году онъ появился въ Петербургѣ. Въ это время онъ собирался ѣхать въ Грецію и принять участіе въ борьбѣ за освобожденіе грековъ.

Каховскій былъ сыномъ своего вѣка. Если бы вдругъ исчезли тѣ немногія свидѣтельства современниковъ, тѣ показанія въ официальномъ дѣлѣ, по которымъ только мы и можемъ возсоздать образъ Каховскаго, то мы не потеряли бы Каховскаго. Стоило бы только обратиться къ литературѣ и поэзіи, вдохновлявшей декабристовъ, къ западно-европейскому романтизму, соціальному и протестующему, къ античности, возродившейся въ романтическихъ формахъ, и мы могли бы нарисовать образъ героя, революціонера-романтика двадцатыхъ годовъ. Чтобъ отчетливѣе представить себѣ духовную личность Каховскаго, необходимо исходить изъ гражданской поэзіи того времени, изъ романтизма 20 годовъ.

Остановимся на произведеніяхъ Рылѣева и Пушкина. Пламенная любовь къ отечеству, благо родины, священнѣйшія права человѣка, святая вольность, свобода, гнетъ власти, борьба съ самовластіемъ и тиранами— вотъ общія мѣста гражданской поэзіи и Рылѣева и Пушкина, термины, которыми пестритъ чуть не каждая строка ихъ политическихъ стихотвореній.

«Подъ гнетомъ власти роковой
Нетерпѣливою душой
Отчизны внемлемъ призыванья;
Мы ждемъ съ томленьемъ упованья
Минуты вольности святой» и т. д.

Для блага родины должно жертвовать не только родными и близкими, но и честью.

«Любя страну своихъ отцовъ,
Женой, дѣтями и собою
Ты ей пожертвовать готовъ...
Но я, но я, пылал местью,
Ее спасая отъ оковъ,
Я жертвовать готовъ ей честью».

Намъ трудно теперь понять всю *дѣйственность* этой пламенной любви къ родинѣ, которой пылали декабристы. И слова «пылали», «пламенный» отдаютъ для насъ какимъ-то риторизмомъ, а въ то время они точно выражали переживанія декабристовъ. Чувство любви къ родинѣ, обостренное внѣшними войнами, было реальной движущей силой, оно переживалось интимно и необыкновенно сильно. Оно проникало и обнимало всю психику человѣка и было такимъ же мощно дѣйственнымъ, какъ у народниковъ — любовь къ народу, у искренно вѣрующихъ людей—любовь къ Богу. Сейчасъ мы готовы употребить прозаическій терминъ, говорить объ *экзальтированности* декабристовъ теперь, когда понятія любви къ Богу и любви къ родинѣ какъ-то опустѣли, выцвѣли, стали безжизненно вялыми.

Но благо родины требуетъ и высшаго самоотверженія: родина ждетъ своего Брута, своего Ріэго. Оживаютъ классическіе образцы, и имя Брута становится почти нарицательнымъ. И въ политической поэзіи

раздаются пламенные призывы къ убійству тирана, поработителя свободы.

«Чтить Брута съ дѣтства я привыкъ:
Защитникъ Рима благородный,
Душою истинно свободный».

Или:

«Они (юноши) раскаются, когда народъ, возставъ,
Застанетъ ихъ въ объятьяхъ праздной нѣги,
И въ бурномъ мятежѣ ища свободныхъ правъ,
Въ нихъ не найдетъ ни Брута, ни Ріэги».

Русскій Брутъ или Ріэго долженъ былъ свергнуть тирана, уничтожить самовластительнаго злодѣя. Всѣмъ былъ вѣдомъ этотъ самовластительный злодѣй, и сверженіе его казалось подвигомъ высшей нравственности, необыкновеннымъ. Ненависть къ тирану вызывала стихи, полные какой-то кровожадности и въ то же время силы.

«И въ Цицеронѣ мной не консулъ, самъ онъ чтимъ,
За то, что имъ спасенъ отъ Катилины Римъ...
О мужъ! достойный мужъ! Почто не можешь снова,
Родившись, согражданъ спасти отъ рока злова?
Тиранъ, вострепещи! Родиться можетъ онъ!
Иль Кассій, или Брутъ, иль врагъ царей Катонъ!
О, какъ на лирѣ я потщусь того прославить,
Отечество мое кто отъ тебя избавитъ!»

Еще ярче — у Пушкина.

«Самовластительный злодѣй!
Тебя, твой родъ я ненавижу,
Твою погибель, смерть дѣтей
Съ свирѣпой радостью я вижу!
Читаютъ на твоемъ челѣ
Печать проклятія народы;
Ты—ужасъ міра, срамъ природы,
Упрекъ ты Богу на землѣ!»

И, наконецъ, — «Кинжалъ», это поразительное по силѣ изображенія, яркости и прозрачности настроенія стихотвореніе Пушкина. «Свободы тайный стражъ, карающій кинжалъ, послѣдній судія позора и обиды! Гдѣ Зевса громъ молчитъ, гдѣ дремлетъ мечъ закона, свершитель ты проклятій и надеждъ... Вышній судъ тебя послалъ». Кинжалъ, какъ орудіе вышняго суда, возстановленія попраннаго права личности, — идея, родившаяся еще въ античномъ мірѣ и воскресшая въ концѣ XVIII вѣка въ Европѣ. Къ намъ она перешла тогда же, и у Радищева мы находимъ патетическія страницы о правѣ возстанія.

И Брутъ, и Ріэго, и Зандъ были героями, волновавшими людей двадцатыхъ годовъ. Пушкинъ воспѣвалъ Занда, убійцу Коцебу, въ увлекательной и дразнящей строфѣ:

«О юный праведникъ, избранникъ роковой,
О Зандъ! Твой вѣкъ угасъ на плахѣ;
Но добродѣтели святой
Остался слѣдъ въ казненномъ прахѣ».

Рылѣевъ формулировалъ этическую оцѣнку:

«Но тотъ, кто съ сильными въ борьбѣ
За край родной иль за свободу,
Забывши вовсе о себѣ,
Готовъ всѣмъ жертвовать народу,
Противъ тирановъ лютыхъ твердъ,
Онъ будетъ и въ цѣпяхъ свободенъ,
Въ часъ казни правотою гордъ
И вѣчно въ чувствахъ благороденъ».

Литература и поэзія питали пылкій патріотизмъ, будили мечты о благѣ родины, о святой вольности, о

сладкой свободѣ. Чудилась борьба съ тиранами и поработителями, открывалась возможность подвига, безпредѣльно дерзновеннаго. Когда друзья отговаривали Якушкина отъ цареубійства, онъ говорилъ: «если въ самомъ дѣлѣ ничто не можетъ быть счастливѣе Россіи, какъ прекращеніе царствованія императора Александра, то вы отнимаете у меня возможность совершить самое прекрасное дѣло» [8]. Чувствовалось какое-то безумное влеченіе къ дерзновенной безпредѣльности. Якубовичъ, вызывавшійся на цареубійство, впослѣдствіи указывалъ на то, что побуждало его къ этому акту «желаніе казаться необыкновеннымъ», а самый актъ представлялся «*необыкновеннымъ, романическимъ*» [9].

Русская литература и поэзія не успѣли воплотить всѣхъ этихъ чертъ въ одномъ героѣ, но пытались создать его, воспользовавшись старой темой о Вадимѣ. Въ то время, какъ, по изображенію Екатерины II, Вадимъ является дерзкимъ бунтовщикомъ противъ верховной власти Рюрика, представителя просвѣщеннаго абсолютизма,—Княжнинъ въ своей трагедіи выводитъ Вадима, новгородскаго гражданина, борца за свободу своихъ гражданъ, русскаго Брута. Въ изображеніи Муравьева и Жуковскаго Вадимъ является сентиментально-романтическимъ ревнителемъ національной свободы. Для Рылѣева и его товарищей Вадимъ является желаннымъ героемъ, русскимъ Брутомъ. Этотъ типъ удовлетворялъ и ихъ стремленіямъ къ самобытности и чувству, требовавшему героя. Вадимъ сталъ своего рода паролемъ для радикаловъ Александровской эпохи, подобно тому, какъ Псковъ и Новгородъ были синонимами *древне-славянской свободы* [10]. Тему о Вадимѣ пытались обработать Рылѣевъ, Пушкинъ и В. Ф.

Раевскій. Въ «Думѣ» Рылѣева Вадимъ былъ мощнымъ и сильнымъ борцомъ за свободу, съ крѣпкой вѣрой въ успѣхъ своего дѣла. Любопытенъ внѣшній обликъ героя...

«Страсти пылкія рисуются
На челѣ его младомъ;
Перси юныя волнуются,
И глаза блестятъ огнемъ».

Вадимъ думаетъ о борьбѣ съ поработителями родины, и конечный эффектъ борьбы—все тотъ же, сверженіе тирана.

«Грозенъ князь самовластительный!
Но наступитъ мракъ ночной;
И настанетъ часъ рѣшительный,
Часъ для гражданъ роковой!..»

И по этимъ краткимъ литературнымъ свидѣтельствамъ можно представить себѣ образъ революціонера-романтика 20 годовъ. Обратимся къ характеристикѣ Каховскаго на основаніи доступныхъ намъ матеріаловъ, и романтическія черты проступятъ яснѣе и красочнѣе.

Когда Каховскій въ своихъ письмахъ и признаніяхъ начинаетъ говорить о любви къ родинѣ и свободѣ, рѣчь его становится жгучей и возбуждающей, трогательной и красивой, и въ то же время романтически эффектной. «Не о себѣ хочу говорить я, но о моемъ отечествѣ, которое, пока не остановится біеніе моего сердца, будетъ мнѣ дороже всѣхъ благъ міра и самаго неба... Я за первое благо считалъ не только жизнью—честью жертвовать пользѣ моего отечества. Умереть на плахѣ, быть растерзану и умереть въ самую ми-

БИБЛИОТЕКА Института театра, музыки и кинематографии
Т-кума
957

нуту наслажденія, не все ли равно? Но что можетъ быть слаще, какъ умереть, принеся пользу? Человѣкъ, исполненный чистотой, жертвуетъ собой не съ тѣмъ, чтобы заслужить славу, строчку въ исторіи, но творитъ добро для добра безъ возмездія. Такъ думалъ я, такъ и поступалъ. Увлеченный пламенною любовью къ родинѣ, страстью къ свободѣ, я не видалъ преступленія для блага общаго. Для блага отечества я готовъ бы былъ и отца моего принести въ жертву. Согрѣтъ пламенной любовью къ отечеству: одна мысль о пользѣ онаго питаетъ душу мою. Я прихожу въ раздраженіе, когда воображаю себѣ всѣ бѣды, терзающія мое отечество».

Полны истиннаго паѳоса восклицанія Каховскаго о свободѣ. Чувство свободы—изначально. Человѣкъ рожденъ для свободы. «Народы, почувствовавъ сладость свободы и просвѣщенія, стремятся къ ней. Правительства же, огражденныя милліонами штыковъ, силятся оттолкнуть народы въ тьму невѣжества. Но тщетны ихъ всѣ усилія: впечатлѣнія, разъ полученныя, никогда не изглаживаются. *Свобода, сей свѣточъ ума, теплотворъ жизни,* была всегда и вездѣ достояніемъ народовъ, вышедшихъ изъ глубокаго невѣжества. И мы не можемъ жить подобно предкамъ нашимъ ни варварами, ни рабами. Пока будутъ люди, будетъ и желаніе свободы. Свобода обольстительна: я, распаленный ею, увлекъ другихъ». Во имя чего звать къ возстанію? Во имя свободы! вѣдь чувство свободы прирождено человѣку. За свободу — вотъ лозунгъ, который съ восторгомъ подхватятъ всѣ. «Несправедливо говорили, будто бы при возстаніи 14 декабря кричали: «да здравствуетъ конституція», и будто народъ спрашивалъ:

«что такое конституція? Не жена ли его высочества?» Это—забавная выдумка. Мы очень знали бы замѣнить конституцію закономъ и имѣли слово, потрясающее сердца равно всѣхъ сословій въ народѣ: Свобода! Но нами ничто не было провозглашаемо, кромѣ имени Константина».

Страстная любовь къ родинѣ, воодушевленіе свободы, естественно, вызывали въ Каховскомъ ненависть къ поработителямъ родины и переходили въ жажду отмщенія, жажду самоотверженнаго подвига. Въ показаніяхъ и письмахъ Каховскій не договаривается до конца, но мы можемъ между строкъ читать о призваніи Каховскаго и знаемъ о немъ со словъ современниковъ. По общему признанію, онъ хотѣлъ и долженъ былъ быть Брутомъ, Зандомъ, кинжаломъ, орудіемъ пораженія тирана. Но на этомъ призваніи мы остановимся подробнѣе, когда будемъ говорить о роли Каховскаго въ тайномъ обществѣ.

Если собрать эпитеты, присвояемые Каховскому, то со стороны слѣдователей они исчерпываются словами «дерзкій, отчаянный, неистовый»[11], а со стороны товарищей по дѣлу—«пылкій и рѣшительный», «пылкая душа, второй Зандъ» (Оболенскій); «пылкій характеръ, готовый на самоотверженіе» (Рылѣевъ); «готовый на обреченіе» (Штейнгель). Нечего говорить, что къ этимъ чертамъ духовной личности Каховскаго нужно присоединить и ту, которая въ то время называлась «истиннымъ благородствомъ духа».

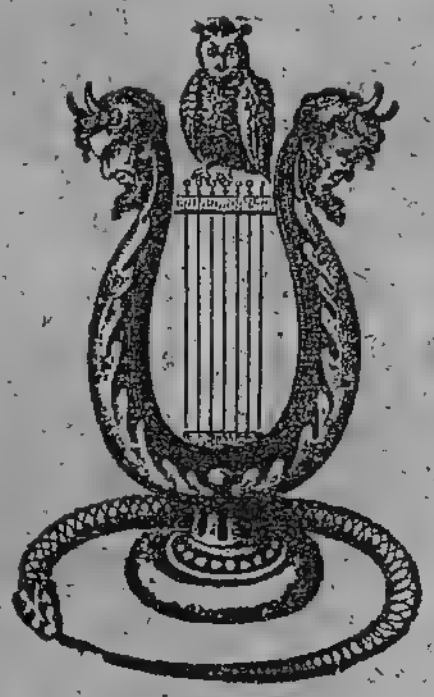
Всѣ эти душевныя особенности Каховскаго были на виду у всѣхъ, но есть еще и интимныя. При огромномъ самолюбіи, онъ былъ нѣсколько чувствителенъ, сентименталенъ; романтику 20 годовъ нельзя было

и быть безъ этого свойства. «Я, приговоренный къ каторгѣ, лишусь немногаго; если тягостна, то одна разлука съ милыми моему сердцу». У Каховскаго неудачно сложилась жизнь; онъ былъ одинокъ, заброшенъ; съ извѣстной долей пренебреженія относился къ жизни, а разочарованіе, модное въ то время и вполнѣ понятное у Каховскаго, вызывало его и на рисовку: «жить и умереть—для меня одно и то же. Мы всѣ на землѣ не вѣчны; на престолѣ и въ цѣпяхъ смерть равно беретъ свои жертвы. Человѣкъ съ возвышенной душой живетъ не роскошью, а мыслями—ихъ отнять никто не въ силахъ»... «Мнѣ ненужна и свобода; я и въ цѣпяхъ буду вѣчно свободенъ: тотъ силенъ, кто позналъ въ себѣ силу человѣчества» [12].

И этотъ человѣкъ съ возвышенной душой, мечтавшій жить въ памяти потомства, какъ русскій Брутъ иль Зандъ, былъ необыкновенно чутокъ ко всякому знаку вниманія. Разбивались цѣпи одиночества, и его замкнутая, гордая и самолюбивая душа вдругъ растворялась; онъ становился довѣрчивымъ и искреннимъ и платилъ взрывами благодарности. Эту черту подмѣтили Рылѣевъ и Николай Павловичъ. Въ свое время мы узнаемъ, какъ воспользовался ею послѣдній.

Таковъ былъ духовный человѣкъ въ Каховскомъ, но мы были бы не правы, если бы забыли въ немъ гражданина. При нашемъ трезвомъ отношеніи къ романтизму, мы, пожалуй, не прочь обвинить Каховскаго въ придуманности настроеній, поверхностности, но эти обвиненія были бы величайшей ошибкой. Каховскій оставилъ письма, адресованныя имъ изъ крѣпости къ царю и генералу Левашову, члену комиссіи. Въ этихъ письмахъ онъ излагаетъ свое политическое міросозер-

даніе. Познакомившись съ ними, мы должны будемъ поставить его на ряду съ самыми выдающимися декабристами; вдумчивость, наблюдательность и правильная оцѣнка положенія — вотъ отличительныя черты его взглядовъ. Для полноты характеристики Каховскаго необходимо очертить и его міросозерцаніе, хотя бы кратко изложивъ его. Выясненіе его имѣетъ и общее значеніе для исторіи идейной стороны въ движеніи декабристовъ.



Основной пунктъ воззрѣній Каховскаго, конечно,—уничтоженіе самодержавной власти и введеніе народнаго правленія, введеніе конституціи, постановительныхъ законовъ. Ниже мы еще будемъ цитировать его горячія и страстныя мольбы передъ Николаемъ I о необходимости дать Россіи конституцію, а сейчасъ перейдемъ къ частностямъ въ міросозерцаніи Каховскаго. Нужно отмѣтить, что въ письмахъ Каховскаго къ царю и къ Левашову мы не найдемъ систематическаго изложенія общественныхъ и политическихъ взглядовъ Каховскаго: это—безсистемный рядъ мыслей и замѣчаній, касающихся, правда, весьма многихъ сторонъ нашей общественной жизни. Наблюденія, проекты и мысли Каховскаго по общественнымъ вопросамъ являются результатомъ не только теоретическаго, книжнаго изученія, но и непосредственнаго знакомства съ жизнью русскаго народа и съ жизнью Европы. Съ положеніемъ Россіи Каховскій имѣлъ возможность ознакомиться во время путешествія изъ Петербурга на Кавказъ. Всюду онъ слышалъ народный стонъ и ропотъ. Это—не стереотипная фраза, потому что Каховскій узналъ жизнь народа не изъ окна кибитки, а изъ живыхъ сближеній съ представителями

народа. Вопросъ непосредственнаго соприкосновенія съ народомъ ставился и въ обществѣ декабристовъ. Такъ, Митьковъ пробовалъ вести политическіе разговоры съ крестьянами и «замѣтилъ въ нихъ столько здравыхъ мыслей и истины въ сужденіяхъ, что если только сообразоваться съ ихъ языкомъ, то они скоро и легко поймутъ какъ права, такъ и обязанности свободнаго крестьянства»[13]. Каховскій оставилъ любопытное свидѣтельство о своихъ сближеніяхъ съ русскимъ народомъ. Его впечатлѣнія проникнуты восторженнымъ сентиментализмомъ, предвозвѣщающимъ позднѣйшее увлеченіе народомъ. «Хитрость и обманъ — свойства рабовъ; самое тяжкое бремя, гнетущее земледѣльцевъ нашихъ, образовало ихъ. Нѣкоторымъ изъ нихъ, чтобы сохранить для себя что-нибудь отъ насилія помѣщиковъ, нужно прибѣгать къ изобрѣтеніямъ вымысла и хитрости. Во внутреннихъ губерніяхъ государства имѣнія, принадлежащія богатымъ помѣщикамъ, пользуются довольною свободою, хотя и зависятъ совершенно отъ владѣльцевъ своихъ, но образованное дворянство не гнететъ себѣ подобныхъ, и земледѣльцы управляются мірскими сходками. Я былъ на многихъ изъ сихъ совѣщаній, маленькихъ республикъ. Сердце цвѣло во мнѣ, видя умъ и простое убѣдительное краснорѣчіе добраго народа русскаго».

«О, какъ хорошо они понимаютъ и обсуживаютъ нужды свои! На сихъ сходкахъ я въ первый разъ слышалъ изреченіе изъ Наказа Великой Екатерины. Пусть обуянные своекорыстіемъ враги родной страны, враги добра смѣются съ неправильнаго выговора или съ неловкихъ оборотовъ въ обращеніи нашихъ добрыхъ землепашцевъ; но я, безъ пристрастія говорю, зная

народъ Франціи и народъ Россіи, отдаю преимущество и во нравахъ и въ образованіи нашимъ. Пусть кто поспоритъ со мной: я уличу и готовъ доказать правду словъ на самомъ опытѣ. Не лепечутъ наши краснорѣчиваго вздора; но въ разсужденіяхъ умъ русскій ясенъ, гибокъ и твердъ».

Съ наибольшимъ вниманіемъ Каховскій останавливается на положеніи судебной части въ Россіи. Отсутствіе точнаго и яснаго законодательства, вопіющіе недостатки судопроизводства его просто разстраивали. «Постановительные непремѣнные законы прекращаютъ всѣ злоупотребленія въ судопроизводствѣ. Ясность и краткость оныхъ не допускаетъ запутывать дѣла; они легко запечатлѣваются въ памяти и дѣлаются извѣстными всѣмъ; чрезъ нихъ каждый знаетъ свою обязанность, свои права, и чему подвергается, не соблюдал предписанныхъ ими правилъ. Мы симъ похвалиться не можемъ; у насъ указъ на указѣ, одно разрушаетъ, другое возобновляетъ и къ каждому случаю и предмету найдутся нѣсколько узаконеній, одни съ другими несогласныя. Сильные и сутяги торжествуютъ, бѣдность и невинность страдаетъ». Каховскій умолялъ Николая улучшить законодательство: «Милосердный Государь! Займитесь внутреннимъ устройствомъ государства. Отсутствіе закона — ужасный вредъ для насъ; вредъ физическій и моральный. Служба замѣнилась прислугой, общая польза забыта, своекорыстіе грызетъ сердца, и любовь къ отечеству уже для иныхъ стала смѣшнымъ чувствомъ».

Образцомъ законодательства Каховскому казался кодексъ Наполеона. По мнѣнію Каховскаго, съ небольшими измѣненіями этотъ кодексъ годился бы для

всѣхъ народовъ. Но въ немъ былъ существеннѣйшій недостатокъ, который Каховскій находилъ крайне вреднымъ: примѣненіе смертной казни. Любопытны мотивы, по которымъ онъ считалъ недопустимой смертную казнь. Оставляя въ сторонѣ вопросъ, содѣйствуетъ ли эта мѣра наказанія прекращенію преступленій, онъ обращалъ вниманіе на самую природу смертной казни, какъ наказанія. «Можетъ ли смерть быть наказаніемъ, когда она есть необходимое условіе человѣческаго бытія, и не каждый ли изъ насъ при самомъ еще рожденіи приготовленъ къ оной?» говорилъ Каховскій и подчеркивалъ то, что смертная казнь не удовлетворяетъ цѣлямъ исправленія, которыя преслѣдуетъ наказаніе. «Законы должны наказывать виновныхъ, но не убивать, и въ самомъ наказаніи стараться не заграждать пути преступнику къ исправленію». Въ этомъ смыслѣ Каховскій считалъ достигающей своихъ цѣлей американскую пенитенціарную систему и предлагалъ примѣнить ее въ Россіи. «Благодѣтельное устройство тюремное въ Соединенныхъ Штатахъ Америки можетъ служить и для насъ и для всѣхъ народовъ Европы образцомъ. Въ нашихъ тюремныхъ острогахъ, гдѣ всѣ преступленія смѣшаны вмѣстѣ, гдѣ нѣтъ никакихъ занятій, ни трудовъ, ни порядка, ни чистоты; гдѣ обитаетъ развратъ, гдѣ самый воздухъ душный зараженъ смрадомъ; гдѣ содержащіеся, истлѣвая душой и тѣломъ, питаются мірскимъ лишь подаяніемъ, гдѣ часто надзирающіе за преступниками—преступники еще большіе; въ таковыхъ заведеніяхъ, конечно, не исправится заключенный, но лишь ожесточится или развратится совершенно. Для образованія тюремъ, подобно какъ существуютъ опѣ

въ Соединенныхъ Штатахъ, нужна значительная сумма денегъ; можно ли ихъ жалѣть въ такомъ случаѣ (тѣмъ болѣе—это единовременная издержка) и зато навсегда содержаніе тюремное правительству ничего не будетъ стоить; да и самая истраченная сумма для образованія временемъ изъ трудовъ содержащихся уплачена быть можетъ».

Процессъ судебный, по мнѣнію Каховскаго, долженъ быть гласнымъ и устнымъ, съ допущеніемъ присяжныхъ и адвокатовъ. Онъ предлагалъ уменьшить число судебныхъ инстанцій и ввести раздѣленіе суда, кассаціоннаго и апелляціоннаго. Въ уѣздныхъ городахъ должны бы быть учреждены два мѣста: слѣдственное и судебное; въ губернскихъ — уголовныя палаты по образцу палатъ французскихъ и англійскихъ, съ присяжными засѣдателями; и наконецъ главный судъ, кассаціонный или, какъ выражался Каховскій, палата разбирающая. «Палатѣ разбирающей—допустить право не рѣшать и не пересуживать дѣла, а лишь разбирать, законно ли производились оныя (при постановительныхъ законахъ отъ производства зависитъ дѣло, опредѣленіе законное каждому извѣстно, ибо оно непремѣнно); найдя упущенія, возвращать дѣла по предмету ихъ въ уѣздный судъ или уголовную палату, оштрафовавъ оныя и предписавъ имъ пополнить, изслѣдовать и перерѣшить». Въ случаѣ несправедливыхъ жалобъ Каховскій предлагалъ взыскивать съ просителей установленную пеню. Предвидя уменьшеніе гербоваго сбора при устномъ процессѣ, Каховскій проектировалъ введеніе судебныхъ издержекъ.

По вопросу о личной неприкосновенности взгляды Каховскаго не были подробно разработаны. Онъ

пытался реставрировать и утвердить явно не отмѣненный законъ: «безъ суда никто да не накажется», возставалъ противъ нарушенія правъ гражданъ, освященныхъ вѣками. Съ особеннымъ краснорѣчіемъ онъ говорилъ о нарушеніи правъ личности генералъ-губернаторами и гражданскими губернаторами. Онъ приводилъ въ примѣръ аресты дворянъ, производимые смоленскимъ генералъ-губернаторомъ Хованскимъ. Генералъ-губернаторскій институтъ вообще казался ему безцѣльнымъ и нелѣпымъ. Его соображенія остаются вѣрными и для нашего времени. Пользы отъ генералъ-губернаторовъ нигдѣ не видно, они тяготятъ лишь населеніе лично собой, какъ лишней, безполезной властью: «Если же генералъ-губернаторы учреждены для новаго образованія присутственныхъ мѣстъ въ губерніяхъ, то выборъ сдѣланъ весьма неудачно: и отличный дивизіонный начальникъ можетъ быть весьма плохимъ генералъ-губернаторомъ».

Юридическіе взгляды Каховскаго, лишь вкратцѣ нами изложенные, показываютъ, что онъ въ вопросахъ права далеко опередилъ своихъ современниковъ и во многомъ предвосхитилъ идеи судебной реформы шестидесятыхъ годовъ.

Въ своихъ экономическихъ взглядахъ Каховскій былъ сыномъ времени. Онъ вѣрно оцѣнивалъ финансовое и экономическое положеніе Россіи: указывалъ на истощеніе страны, вызываемое непосильными налогами, прямыми и косвенными, къ тому же взыскиваемыми иногда вдвойнѣ. Каховскій находилъ, что «балансъ потерянъ». Запретительная система, обиліе казенныхъ монополій являются причиной отсутствія торговли, внѣшней и внутренней. Считаясь съ зада-

чами фиска, правительство совершенно забываетъ о пользѣ народа. «Выгоды казны совершенно несогласны съ выгодами народа. Для казны можетъ быть полезна запретительная система, но для народа убійственна; ею онъ лишенъ столь необходимой ему внѣшней торговли. Всѣ откупы прибыльны казнѣ и очень, видимо, вредны народу. Всѣ налоги, возложенные казной, ей прибыльны и изсушаютъ источникъ богатства народнаго. Займы, казной сдѣланные въ иностранныхъ государствахъ, для нея выгодны; она не несетъ тягости долга; но для народа, уплачивающаго оные—отяготительны. Скупъ въ портахъ нашихъ звонкой иностранной монеты для нея выгоденъ, но отнюдь не народу. Наконецъ всѣ тарифы, таможни, гильдіи, цехи полезны казнѣ и обременительны народу. Казна все отымаетъ у гражданъ, не оставляя имъ ничего, кромѣ тягости и нищеты. Жадная, ненасытная, всѣ выгоды присваиваетъ себѣ и ничѣмъ не хочетъ подѣлиться. Можетъ ли такимъ образомъ существовать правительство, и могутъ ли подъ его тяжкимъ бременемъ народы благоденствовать? Правительство, удерживающее власть свою страхомъ, а не любовію подвластныхъ ему народовъ, не можетъ быть ни сильно, ни счастливо».

Не будемъ останавливаться на мнѣніяхъ Каховскаго по крестьянскому вопросу. Онъ очень хорошо зналъ экономическое положеніе крестьянъ и оставилъ по этому предмету въ наставленіе генералу Левашову подробныя записки, но во взглядахъ по крестьянскому вопросу онъ не былъ оригиналенъ и раздѣлялъ убѣжденія, принятыя всѣми декабристами; обстоятельное изложеніе ихъ взглядовъ читатель найдетъ въ статьѣ В. И. Семевскаго [14].

Политическіе взгляды Каховскаго покоятся на слѣдующемъ положеніи. Самодержавная власть враждебна истинной свободѣ и истинному просвѣщенію. «Народы, почувствовавъ сладость просвѣщенія и свободы, стремятся къ нимъ, а правительства, огражденныя штыками, силятся оттолкнуть народы въ тьму невѣжества». Вотъ смыслъ совершающагося историческаго процесса. Но вѣдь не народы существуютъ для правительства, а правительства для народовъ. Отсюда—непримиримая борьба, тѣмъ болѣе непримиримая, что при всѣхъ соглашеніяхъ народъ всякій разъ неукоснительно былъ обманываемъ царями. Нѣтъ договора съ царями. Такова схема политическихъ воззрѣній Каховскаго. Она создана ходомъ событій въ Западной Европѣ, совершившихся передъ взорами Каховскаго и его современниковъ. Такіе взгляды свойственны и другимъ декабристамъ, но никто изъ нихъ—ни въ показаніяхъ, ни позднѣе въ воспоминаніяхъ—не выразилъ такъ ярко процесса отторженія власти отъ народа, какъ Каховскій, и не подчеркнулъ съ такой силой вліяній западноевропейской исторіи на міросозерцаніе декабристовъ. Не нужно забывать и того, что Каховскій разсыпалъ свое краснорѣчіе передъ Николаемъ Павловичемъ и генераломъ Левашовымъ.

Обращая вниманіе читателей на письма Каховскаго, позволяемъ себѣ привести здѣсь наиболѣе яркую выдержку. Она дастъ представленіе о литературныхъ талантахъ Каховскаго и познакомитъ насъ съ тѣми впечатлѣніями, которыя вызывалъ въ декабристахъ ходъ событій западно-европейской исторіи. Читатель не посѣтуетъ на насъ за длинноту цитаты.

«Предки наши, менѣе насъ просвѣщенные, пользовались большей свободой гражданственности. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ еще существовали въ важныхъ дѣлахъ государственныхъ великіе Соборы, въ которыхъ участвовали различныя сословія государства. Въ царствованіе его ихъ было пять. Петромъ I, убившимъ въ отечествѣ все національное, убита и слабая свобода наша. Она сокрылась наружно, а жива внутри сердецъ гражданъ добрыхъ: медленны были успѣхи ея въ государствѣ нашемъ. Мудрая Екатерина II нѣсколько ее распространила. Ея Величествомъ уже былъ заданъ вопросъ Петербургскому вольному экономическому обществу: о пользѣ и слѣдствіяхъ свободы крестьянъ въ Россіи. Великая, благодѣтельная мысль обитала во сердцѣ любимой народомъ государыни. И кто изъ русскихъ безъ умиленія прочтетъ наказъ, ею данный; онъ одинъ собой искупаетъ всѣ недостатки того времени и вѣку тому свойственные. Императоръ Александръ многое обѣщалъ намъ; онъ, можно сказать, исполински двинулъ умы народа къ священнымъ правамъ, принадлежащимъ человѣчеству. Впослѣдствіи онъ перемѣнилъ свои правила и намѣренія. Народы ужаснулись, но уже сѣмена проросли и глубоко пустили корни. Послѣдняя половина прошлаго столѣтія и событія нашего вѣка столь богаты различными переворотами въ правленіяхъ, что мы не имѣемъ нужды ссылаться въ вѣка отдаленные. Мы—свидѣтели великихъ происшествій. Образованіе новаго свѣта, Сѣверо-Американскіе Штаты своимъ устройствомъ подвигнули Европу къ соревнованію. Они будутъ сіять въ примѣръ и отдаленному потомству. Имя Вашингтона, друга, благодѣтеля народнаго, пройдетъ изъ

рода въ родъ; при воспоминаніи его закипитъ въ груди гражданъ любовь къ благу отечества.

«Революція Франціи, столь благодѣтельно начатая, къ несчастію, наконецъ, превратилась изъ законной въ преступную. Но не народъ былъ сему виною, а пронырства дворовъ и политики. Революція Франціи сильно потрясла троны Европы и имѣла на правленіе и на народъ оный еще большее вліяніе, чѣмъ самое образованіе Соединенныхъ Штатовъ. Владычество Наполеона, война 1813 и 1814 годовъ, въ которую соединились всѣ народы Европы, призванные монархами, воспламененные воззваніемъ къ свободѣ и гражданскому бытію. Посредствомъ чего собраны несчетныя суммы съ гражданъ, чѣмъ руководились войска? Свободу проповѣдывали намъ и манифесты, и воззванія, и приказы! Насъ манили—и мы, добрые сердцемъ, повѣрили, не щадили ни крови своей, ни имуществъ.—Наполеонъ низринутъ! Бурбоны, призванные на престолъ Франціи, покоряясь обстоятельствамъ, дали конституцію народу храброму, великодушному! И присягнули ему забыть все прошлое. Монархи соединились въ Священный союзъ; составились конгрессы, возвѣстили народамъ, что они съѣзжаются для совѣщанія о уравновѣшеніи классовъ и водворенія политической свободы. Но скоро цѣль конгрессовъ открылась; скоро увидѣли народы, сколь много они обмануты. Монархи лишь думали о удержаніи власти неограниченной, о поддержаніи расшатавшихся троновъ своихъ, о погубленіи и послѣдней искры свободы и просвѣщенія. Оскорбленные народы потребовали обѣщаннаго, имъ принадлежащаго — и цѣпи и темницы стали ихъ достояніемъ!—Цари преступили клятвы свои; конституту-

ція Франціи нарушена въ самомъ своемъ основаніи: Мануэль, представитель народа, изъ палаты депутатовъ извлеченъ жандармами! Свобода книгопечатанія утѣснена; войска Франціи противъ желанія ея рѣзали законную вольность Испаніи. Карлъ X, забывъ присягу, данную Людовикомъ XVIII, вознаграждаетъ эмигрантовъ и обременяетъ для того народъ новыми налогами. Въ выборы депутатовъ вмѣшивается правительство, и въ послѣднемъ выборѣ, въ числѣ депутатовъ только тридцать три человѣка не состоятъ на службѣ и жалованьи короля; всѣ прочіе принадлежатъ министрамъ. Мужественный, твердый народъ Испаніи, отстоявшій кровью своей независимость и свободу отечества, спасъ королю и тронъ, и честь, имъ потерянную; всѣмъ самому себѣ обязанный, принялъ на престолъ свой Фердинанда. Король присягнулъ хранить права народныя. Императоръ Александръ I еще въ 1812 году призналъ конституцію Испаніи; впослѣдствіи она была утверждена всѣми монархами Европы. Фердинандъ скоро забылъ благодѣянія народныя, нарушилъ клятву, нарушилъ права гражданъ, своихъ благодѣтелей. Возсталъ народъ на клятвопреступника; и Священный союзъ забылъ, что Испанія первая стала противъ насилій Наполеона, и императоръ Александръ презрѣлъ признанное имъ правленіе, сказалъ, что въ 1812 году обстоятельства требовали, чтобъ онъ призналъ конституцію Испаніи. И союзъ содѣйствовалъ, что войска Франціи обезславили себя вторженіемъ въ Испанію. Арестованный Фердинандъ въ Кадиксѣ былъ приговоренъ къ смерти. Онъ призываетъ Ріего, клянется вновь быть вѣрнымъ конституціи, выслать войска Франціи изъ предѣловъ отечества и

просить о сохраненіи себѣ жизни. Честные люди бы-
ваютъ довѣрчивы. Piero ручается кортесамъ за короля;
его освобождаютъ. И что-же? Какой первый шагъ
Фердинанда? Piero приказаніемъ его схвачень, аре-
стованъ, отравленъ и, полумертвый, святой мученикъ,
герой, отрекшійся отъ престола, ему предлагаемаго,
другъ народа, спаситель жизни короля, по его прика-
занію, на позорной телѣгѣ, ослом запряженной, ве-
ленъ былъ чрезъ Мадридъ и повѣшенъ, какъ пре-
ступникъ! Какой поступокъ Фердинанда! Чье сердце
есть него не содрогнется? Народы Европы вмѣсто
обѣщанной свободы увидали себя утѣсненными, про-
свѣщеніе сжатымъ. Тюрьмы Пьемонта, Сардиніи, Неаполя,
вообще всей Италіи, Германіи наполнились окованными
гражданами. И судьба народовъ стала столь тягостной,
что они пожалѣли время прошлое и благословляютъ
память завоевателя Наполеона!—Вотъ случаи, въ кото-
рыхъ образовались умы и познали, что съ царями
народамъ дѣлать договоръ невозможно. Противно раз-
судку винить націи предъ правительствомъ. *Прави-
тельство, не согласное съ желаніемъ народа, всегда
виновно; ибо въ здравомъ смыслѣ законъ есть воля на-
родная.* Цари не признаютъ сей воли, считаютъ ее
буйствомъ, народы—своей вотчиной; стараются разо-
рвать самыя священныя связи природы. Давно ли мы,
русскіе, не смѣли написать и произнести слово «оте-
чество?» Въ царствованіе императора Павла I оно
было запрещено; слово «государство» замѣняло его
и полковникъ Тарасовъ, не вѣдая запрещенія, упомя-
нувъ въ одномъ письмѣ къ императору отечество,
сидѣлъ за то въ крѣпости. Я не думаю, чтобы и са-
мые цари въ глубинѣ сердца своего не сознали себя

виповными Отъ кого же зависитъ примириться имъ съ народами: пусть дадутъ свободу законную, чтобы народы не стремились буйно къ ней. Кровь братій драгоцѣнна для гражданъ добрыхъ; цари могутъ удержать потокъ ея, и народы благословятъ ихъ.

«Мы, русскіе, внутри своего государства кичимся, величая себя спасителями Европы! Иноземцы не такъ видятъ насъ; они видятъ, что силы наши есть резервъ деспотизму Священнаго союза. Пруссія нами возвеличена; но пруссаки не любятъ насъ. Они говорятъ: «Штыки ваши мѣшаютъ взять намъ обѣщанное, принадлежащее. Ваши военныя формы, ваши пріемы, ваши маневры душатъ насъ». Въ послѣднемъ они не правы: Пруссіи обязаны мы и прочія государства Европы страстію монарховъ къ разводамъ и ученію солдатъ. Фридрихъ Великій, будучи великимъ государемъ, былъ и страстнымъ капраломъ. Отъ него перешла страсть сія и распространилась.

«Силезія и часть Саксоніи, отторгнутыя отъ добраго правленія короля Саксонскаго, ропщутъ и на насъ и на правительство прусское. Ограбленное королевство Саксонское можетъ ли быть довольно союзниками? Зарейнскія области Пруссіи ждутъ лишь удобной минуты свергнуть иго, ихъ утѣсняющее. Дряхлая глыба Австріи столь ненадежна, что малѣйшій вѣтръ способенъ разнести ее. Держава, составленная изъ клочковъ разноплеменныхъ народовъ, ненавидящихъ правленіе свое и не любящихъ другъ друга, можетъ ли быть прочной? Вѣнцы, варвары среди просвѣщенной Европы, гордятся своимъ мнимымъ преимуществомъ и старшинствомъ, равно ненавистны какъ нѣмцамъ такъ и иноплеменникамъ. Бѣдная, раздробленная, об

нищалая Италія оплакиваетъ горе свое и жаждетъ соединенія. Франція еще нѣсколько богата и счастлива, но честолюбіе ея обижено, и тайное желаніе мщенія гнететъ ее. Несчастная Испанія! Въ ней опять водворяются права святой, благодѣтельной инквизиціи; и изнеможенный народъ согбенно тащитъ бревна сооружать костеръ для своего сожженія.

«Гдѣ же, кого спасли мы, кому принесли пользу? За что кровь наша упитала поля Европы? Можетъ быть, мы принесли пользу самовластію—но не благу народному. Націю ненавидѣть невозможно, и народы Европы не русскихъ не любятъ—но ихъ правительство, которое вмѣшивается во всѣ ихъ дѣла и для пользы царей утѣсняетъ народы.

«Университеты Германіи довольно чувствуютъ и помнятъ Коцебу и Стурзу. Коцебу постигло достодолжное возмездіе. Стурза ушелъ отъ онаго; онъ былъ вызываемъ къ оправданію университетами въ Германію и не устыдился объявить, что все, имъ писанное, было не отъ него, но по повелѣнію правительства нашего.

«Нѣкоторое время Императоръ Александръ казался народамъ Европы ихъ миротворцемъ и благодѣтелемъ; но дѣйствія открыли намѣренія, и очарованіе исчезло! Сняты золотыя цѣпи, увитыя лаврами, и тяжкія, ржавыя, желѣзныя давятъ человѣчество.

«Обманутая Англія, истощившая свои гинеи для уничтоженія запретительной системы, умильно смотритъ на святой союзъ!

«Единовѣрные намъ греки, нѣсколько разъ нашимъ правительствомъ возбуждаемые противъ тиранства магометанскаго, тонутъ въ крови своей; цѣлая нація истребляется, и человѣколюбивый союзъ равнодушно смотритъ

на гибель человѣчества! Сербы, вѣрные наши союзники, стонутъ подъ игомъ безчеловѣчія турецкаго. Черногорцы, не дающіе никому войскъ своихъ, столь усердно намъ служившіе во время кампаніи флота нашего, въ Средиземномъ морѣ, подъ начальствомъ адмирала Сенявина, забыты, покинуты на произволъ судьбы. Одинаковое чувство одушевляетъ всѣ народы Европы, и сколь ни утѣснено оно, но убить его невозможно. Сжатый порохъ сильнѣе дѣйствуетъ! и пока будутъ люди, будетъ и желаніе свободы. Нѣкая тишина лежитъ теперь на пространствѣ твердой земли просвѣщенной Европы; но кто знаетъ, чему она предвозвѣстница? Не гремитъ оружіе, но умы дѣйствуютъ! Народы не пошатнулись, твердо идутъ впередъ къ просвѣщенію; несмотря на всѣ заклепы, жажда свѣдѣній распространяется и находитъ источникъ къ утоленію. Строгая цензура со всѣми способами полиціи и таможни никакъ и нигдѣ не можетъ остановить ни ввоза книгъ, ни внутреннихъ сочиненій. И стоитъ только какое сочиненіе запретить, то оно сдѣлается для всѣхъ интереснымъ и даже писанное разойдется по рукамъ. Во Франціи запретится книга—и въ самомъ скоромъ времени въ Россіи она явится. Разумноженное шпіонство доказываетъ лишь слабость правительствъ и что они сами чувствуютъ, сколь они не правы предъ народами. Посредствомъ шпіонства прекращаются ли толки и сужденія? Мѣры берутся противъ мѣръ и утончаются способы скрывать желанія, дѣйствія и надежды».

Можно только удивляться поразительно мѣткой оцѣнкѣ историческихъ событій первой четверти XIX вѣка. Характеристика русской публики зла и вѣрна. Роль императора Александра I выяснена въ необык-

новенно рѣзкихъ чертахъ. Не нужно забывать при этомъ, что все это писалось для брата покойнаго Александра I. Вѣрность общихъ соображеній не подлежитъ сомнѣнію и по сіе время.

РУССКІЙ БРУТЪ.

Міросозерцаніе Каховскаго сложилось раньше, чѣмъ онъ узналъ объ обществѣ. Но развѣ нужно принадлежать къ обществу, чтобъ исповѣдывать его міросозерцаніе? «Мы не составлялись въ обществѣ, но совершенно готовые въ него лишь соединялись,—писалъ генералу Левашову Каховскій 24 февр. 1826.— Начало и корень общества должно искать въ духѣ времени и положеніи, въ которомъ мы находимся. Я съ немногими членами тайнаго общества былъ знакомъ и вообще, думаю, число ихъ не велико. Но изъ большого числа моихъ знакомыхъ, не принадлежащихъ ни къ какимъ тайнымъ обществамъ, очень немногіе были противнаго со мной мнѣнія. Смѣло говорю, что изъ тысячи молодыхъ людей не найдется ста человѣкъ, которые бы не пылали страстію къ свободѣ. И юноши, пламенѣя чистой, сильной любовью къ благу отечества, къ истинному просвѣщенію, дѣлаются мужами» [15].

Съ опредѣленнымъ міросозерцаніемъ, съ опредѣленнымъ настроеніемъ появился Каховскій въ столицѣ. Онъ жаждалъ принести жертву за дѣло свободы. Изъ Петербурга онъ разсчитывалъ отправиться въ Грецію и,

подобно Байрону, принять участіе въ борьбѣ за греческое освобожденіе. Появленіе его было замѣчено декабристами. «Незамѣтно протекалъ 1825 годъ, — пишетъ Е. П. Оболенскій въ своихъ запискахъ.— Помню изъ этого времени появленіе Каховскаго, бывшаго офицера лейбъ-гренадерскаго полка, пріѣхавшаго въ Петербургъ по какимъ-то семейнымъ дѣламъ. Рылѣевъ былъ съ нимъ знакомъ, узналъ его короче и, находя въ немъ душу пылкую, принялъ его въ члены общества. Лично я его мало зналъ, но, по отзыву Рылѣева, мнѣ извѣстно, что онъ высоко цѣнилъ его душевныя качества. Онъ видѣлъ въ немъ второго Занда. Знаю также, что Рылѣевъ ему много помогалъ въ средствахъ къ жизни и не щадилъ для него своего кошелька»[16].

Дѣйствительно, съ Рылѣевымъ Каховскій былъ знакомъ уже давно. Еще въ 1820 году между ними происходили разговоры объ общественномъ служеніи. Сохранились датированные 1820 годомъ стихи Рылѣева, посвященные Каховскому и написанные въ отвѣтъ на стихи послѣдняго, въ которыхъ онъ совѣтовалъ ему навсегда остаться въ Украйнѣ. Рылѣевъ отвѣчалъ:

«Чтобъ я младые годы
Лѣнивымъ сномъ убилъ!
Чтобъ я не поспѣшилъ
Подъ знамена свободы!
Нѣтъ, нѣтъ, тому во вѣкъ
Со мною не случиться...
Тотъ жалкій человѣкъ,
Кто славой не плѣнится
Кумиръ младой души,
Она меня, трубою

Будя въ нѣмой глуши,
Вслѣдъ кличетъ за собою
На берега Невы» [17].

Въ первыхъ своихъ показаніяхъ Каховскій отрицался отъ продолжительнаго знакомства съ Рылѣевымъ, настаивая на томъ, что онъ познакомился съ нимъ въ послѣдній пріѣздъ въ Петербургъ въ домѣ Глинки; но въ послѣднемъ признаніи онъ заявилъ рѣшительно: «я не познакомился съ Рылѣевымъ у Глинки». Завязанныя нѣсколько лѣтъ тому назадъ отношенія упрочились на почвѣ политическихъ разговоровъ и предпріятій. «Скоро я съ нимъ,—писалъ въ этомъ признаніи Каховскій,—сошелся довольно коротко, бывалъ часто у него, онъ у меня, и всегда, при свиданіяхъ, разговоръ нашъ большею частью былъ о правительствѣ. Согласіе въ мнѣніяхъ насъ подружило. Онъ открылъ мнѣ о тайномъ обществѣ, принялъ меня въ оное и при самомъ принятіи открылъ мнѣ и цѣль онаго: истребленіе царствующей фамиліи и водвореніе правленія народнаго. Я съ нимъ во всемъ былъ согласенъ. Онъ просилъ меня распространять свѣдѣнія, стараться усиливать общество надежными и полезными людьми, сказавъ: «особливо старайся принимать офицеровъ гвардіи, но будь остороженъ въ выборѣ и не открывай цѣль настоящую, а лишь возбуждай ненависть къ правительству и стремленіе къ свободѣ; до прочаго каждый самъ дойдетъ. Рисковать намъ много не надо. Мнѣ съ тобой скрываться не нужно, ты самъ столько же готовъ, какъ и я; ты многое узнаешь, но пожалуйста при пріемѣ не открывай членовъ и береги общество». Я нимало не скрываюсь. Рылѣевъ мнѣ не сказалъ ничего новаго. Точно и давно былъ го-

товъ. Онъ меня не составилъ — черезъ него я лишь соединился съ обществомъ. Насчетъ распространенія свѣдѣній, я ихъ и безъ него дѣлалъ».

Рылѣевъ о знакомствѣ съ Каховскимъ далъ 24 апрѣля нѣсколько различающееся показаніе. «Каховскій пріѣхалъ въ Петербургъ съ намѣреніемъ отправиться отсюда въ Грецію и совершенно *случайно познакомился* со мной [18]. Примѣтивъ въ немъ образъ мыслей совершенно республиканскій и готовность на всякое самоотверженіе, я послѣ нѣкотораго колебанія рѣшился его принять, что и исполнилъ, сказавъ, что цѣль общества есть введеніе самой свободной монархической конституціи. Болѣе я ему не сказалъ ничего: ни силъ, ни средствъ, ни плана общества къ достиженію преднамѣренія онаго. Пылкій характеръ его не могъ тѣмъ удовлетвориться, и онъ при каждомъ свиданіи докучалъ мнѣ своими нескромными вопросами; но это самое было причиною, что я рѣшился навсегда оставить его въ невѣдѣніи» [19].

Каховскій утверждаетъ, что Рылѣевъ съ самаго начала открылъ ему двѣ цѣли общества: водвореніе правленія народнаго и истребленіе царствующей фамиліи. Рылѣевъ отрицалъ это и стоялъ на томъ, что Каховскій самъ вызвался быть цареубійцей.

Различіе въ показаніяхъ Каховскаго и Рылѣева объясняется тѣмъ, что ни тотъ, ни другой не посмѣли сказать всей правды до конца.

Каховскій долженъ былъ бы сказать, что онъ, дѣйствительно, обрекалъ себя въ жертву родинѣ, бралъ на себя крайній эффектъ революціонной энергіи, обѣщалъ поразить тирана. А онъ до конца жизни не сказалъ этого: быть можетъ, потому, что сказать это

значило бы обнажить свою душу, открыть сокровеннѣйшіе замыслы. Быть можетъ также, ему было чрезчуръ тяжело разсказать царю, отъ котораго онъ скрылъ это и расположеніе котораго—такъ казалось ему—онъ завоевалъ. Въ своихъ признаніяхъ онъ доходилъ до утвержденій, что онъ непремѣнно выстрѣлилъ бы «по Государю», если бы тотъ подъѣхалъ къ каре. Онъ даже иногда проговаривался: говоря о томъ, какъ наканунѣ 14 декабря заговорщики умоляли его рѣшиться на цареубійство, онъ высказывалъ удивленіе: «зачѣмъ меня было уговаривать, когда я самъ вызвался?» Онъ сознавался въ томъ, что когда ему открыли цѣль общества — истребленіе фамиліи, онъ былъ согласенъ; и все же онъ не рѣшался открыть своей инціативы, оригинальности своего замысла.

Въ своихъ отвѣтахъ Каховскій не одинъ разъ повторяетъ о своемъ самоотверженіи, о своей готовности пожертвовать жизнью, ради блага отечества поразить родного отца, принести на алтарь любви къ родинѣ не только жизнь, а даже и честь. «Для блага общаго я не видалъ преступленія». И во всѣхъ этихъ фразахъ есть недоговоренное: онъ умалчиваетъ о крайней цѣли, о конечномъ эффектѣ своего самоотверженія: истребленіи тирана. «Человѣкъ, чѣмъ-то огорченный, одинокій, мрачный, готовый на обреченіе; однимъ словомъ Каховскій. Онъ самъ предложилъ себя на случай надобности въ режициды» — такъ характеризуетъ его наблюдательный Штейнгель. Такъ онъ и остался въ памяти всѣхъ декабристовъ, какъ режицида, какъ обрекшій самъ себя на жертву.

Не сказалъ всей правды и Рылѣевъ. Онъ не посмѣлъ сказать того, что Каховскому съ самаго начала была открыта цѣль общества—истребленіе фамиліи и водвореніе народнаго правленія. Впрочемъ, эта градація, пущенная въ ходъ Каховскимъ, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности: это не двѣ равнозначущія цѣли—истребленіе и водвореніе новаго строя; это соподчиненныя одна другой—переворотъ, необходимо связанный съ истребленіемъ. Каховскій не случайно употребилъ эту градацію: она-то и могла заинтересовать его и привлечь его вниманіе къ обществу. И нѣтъ сомнѣнія, что, открывая ему о тайномъ обществѣ и зная его за человѣка, распаленнаго любовью къ отечеству, Рылѣевъ указалъ, что его «способности» найдутъ приложеніе въ обществѣ, а мечты воплотятся. А обществу были необходимы такіе люди, какъ Каховскій. Самъ Рылѣевъ, гражданскій поэтъ, звавшій къ борьбѣ съ самовластительнымъ тираномъ и воспѣвавшій Брута, понималъ необыкновенность самоотреченія; и его отношеніе къ подвигу, какъ поэта, шло навстрѣчу желаніямъ вождя и организатора тайнаго общества. Но онъ былъ слишкомъ мягкій и добрый человѣкъ, и при малѣйшей попыткѣ мысленно представить воплощеніе идеи онъ сейчасъ же отказывался отъ фактическаго осуществленія. Давая во время слѣдствія отчетъ въ своихъ отношеніяхъ къ цареубійству, Рылѣевъ по временамъ отказывался даже вѣрить, что въ его головѣ родились мысли о цареубійствѣ. Онъ все время провѣрялъ себя и мѣнялъ свои показанія. Его послѣднее признаніе: «дабы совершенно успокоить себя, я долженъ сознаться, что послѣ того, какъ я узналъ о намѣреніяхъ Якубовича и Каховскаго,

мнѣ самому часто приходило на умъ, что для прочнаго введенія новаго порядка вещей необходимо истребленіе всей царствующей фамиліи. Я полагалъ, что убіеніе одного императора не только не произведетъ никакой пользы, но, напротивъ, можетъ быть пагубнымъ для самой цѣли общества, что оно раздѣлитъ умы, составитъ партіи, взволнуетъ приверженцевъ августѣйшей фамиліи и что все это совокупно неминуемо породитъ междоусобіе и всѣ ужасы народной революціи. Съ истребленіемъ же всей императорской фамиліи я думалъ, что поневолѣ всѣ партіи должны будутъ соединиться или, по крайней мѣрѣ, ихъ легче можно будетъ успокоить. Но сего преступнаго мнѣнія, сколько могу припомнить, я никому не открывалъ»... У Рылѣева хватило силъ сознаться въ томъ, что онъ думалъ и соображалъ о цареубійствѣ но не хватало смѣлости признать, что онъ высказывался по этому поводу въ разговорахъ съ другими. И тутъ же объ этихъ разговорахъ онъ самъ сообщаетъ!

Каховскій понималъ умерщвленіе тирана, какъ актъ высшей нравственности; Рылѣевъ, совершенно согласный съ такой точкой зрѣнія въ своей поэзіи, въ жизни не могъ даже представить себѣ убійства и, вынужденный своею ролью вождя тайнаго общества, смотрѣлъ на умерщвленіе тирана, какъ на актъ крайней необходимости. Актъ высшей нравственности и актъ крайней необходимости—вотъ двѣ точки зрѣнія, исчерпывающія взгляды декабристовъ на моментъ цареубійства. На первой стоятъ индивидуалисты (Якушкинъ, Якубовичъ, Каховскій), на второй—партійные люди, организаторы общества. Но послѣдніе не разработали

своей точки зрѣнія въ приложеніи къ партійной организаціи: они много говорили по этому поводу, но въ программу своихъ дѣйствій не ввели. Поэтому-то съ положеніями «Донесенія Слѣдственной Комиссіи» объ отношеніи общества къ цареубійству никоимъ образомъ нельзя согласиться.

Идея умерщвленія тирана отвѣчала романтическому строю души Каховскаго, ибо это обреченіе на смерть другого человѣка и самого себя представлялось высшимъ подвигомъ жизни. Этотъ подвигъ поднималъ на необыкновенную высоту свершителя въ его собственномъ сознаніи и въ мнѣніяхъ другихъ. Манило и въ то же время оправдывало безкорыстіе подвига, полнѣйшее отсутствіе личныхъ мотивовъ. Однимъ лишь благомъ родины мотивировался этотъ подвигъ, и возникало ревнивое отношеніе ко всякой возможности истолковать, использовать это дѣло какъ-нибудь иначе. Ревность была даже по отношенію къ обществу: «для отечества, но не для общества». Появлялось чувство враждебнаго противоположенія себя обществу, и самая мысль, что общество, входя въ сношеніе съ обреченнымъ, сознательно въ своихъ цѣляхъ воспользуется этимъ актомъ, сознательно готовитъ себѣ *орудіе*, казалась неизмѣримо обидной и тяжелой. Вѣдь идея самопожертвованія была украшеніемъ жизни Каховскаго. Онъ, такой «невзрачный съ виду, съ обыкновеннымъ лицомъ и оттопырившейся губой, придававшей ему видъ дерзости»; человѣкъ съ неудавшейся жизнью, пролетарій, не имѣвшій средствъ къ существованію, одинокій, безъ родственныхъ и дружескихъ связей, таитъ въ себѣ необыкновенныя богатства духа: онъ принесетъ себя въ жертву родинѣ, обнаружитъ неизмѣ-

римую щедрость души, заходя въ своемъ дерзновеніи безпредѣльно далеко, дальше всѣхъ. Эти мечтанія создавали мистическое отношеніе къ идеѣ умерщвленія тирана и наполняли жизнь мистическими переживаніями. Не представлялось возможности совершить сейчасъ же сокровенный замыселъ, приходилось ждать, и длительность только обостряла эти переживанія.

Всѣ эти соображенія нужно имѣть въ виду для того, чтобы понять самый процессъ взаимодѣйствія между Каховскимъ и Рылѣевымъ на почвѣ раздумья о цареубійствѣ.

Мысль о цареубійствѣ, объ истребленіи фамиліи страннымъ образомъ связывала Рылѣева и Каховскаго. Членъ тайнаго общества былъ нуженъ Каховскому, потому что при его содѣйствіи онъ легче могъ реализировать сокровенную мечту; русскій Зандъ былъ необходимъ Рылѣеву, потому что въ расположеніи общества оказывался человѣкъ, который сдѣлаетъ въ концѣ концовъ то, что такъ идетъ навстрѣчу цѣлямъ общества, и о чемъ среднему члену страшно подумать. Къ мысли объ устраненіи фамиліи чаще всего направлялось ихъ соединенное вниманіе. Вокругъ ихъ разговоровъ о цареубійствѣ создавалась душная атмосфера. Ихъ нервы находились въ напряженномъ состояніи, и отношенія были порывисты: то улучшались, то ухудшались. Они сближались и расходились: то Каховскій начиналъ подозрѣвать Рылѣева въ нечистотѣ намѣреній и заявлялъ о своемъ выходѣ изъ общества, то Рылѣевъ, вдругъ уставая отъ его бездѣйствованія, начиналъ бояться, что несвоевременнымъ покушеніемъ онъ испортитъ дѣло общества, и уда-

лялъ Каховскаго изъ числа членовъ. А потомъ они опять сходились и разсуждали все о томъ же. До Каховскаго доходили льстившіе ему, быть-можетъ, слухи о томъ, что Рылѣевъ указываетъ на него, какъ на Запда, но онъ горѣлъ отъ негодованія, когда чувствовалъ, что на него смотрятъ, какъ на орудіе Рылѣева. Его нѣсколько обижало отношеніе къ нему Рылѣева. Послѣдній не прочь былъ разгласить о немъ, какъ объ обреченномъ, но не поспѣшилъ сблизить его съ другими членами общества и посвятить въ тайны организаціи. Кажется, Рылѣевъ немного мистифицировалъ молодыхъ членовъ «думой»: въ сущности, вся «дума» была въ немъ самомъ, а онъ выдавалъ ее за необыкновенно авторитетное учрежденіе, въ которомъ будто бы находились самые важные люди государства. Такая же игра была и съ диктаторомъ Трубецкимъ. Трубецкой только показывался, мало или совсѣмъ почти не разговаривалъ съ недавними членами, и для нихъ онъ дѣйствительно былъ диктаторомъ, держащимъ въ своихъ рукахъ судьбы общества и въ нужный моментъ диктующимъ дѣйствія. Каховскій очень тонко подмѣчалъ подкладку дѣйствій Рылѣева: «Рылѣевъ все и отъ всѣхъ скрывалъ, всѣмъ распоряжался, все бралъ на себя и, сколько я знаю, то по его отрасли совѣщаній никакихъ не было... И члены собирались лишь спорить: но онъ дѣлалъ все по-своему; имъ выбранъ въ диктаторы князь Трубецкой; насъ всѣхъ въ частныхъ разговорахъ заставлялъ молчать, объявлялъ свои мнѣнія волею диктатора; а диктаторъ я не знаю, едва ли не былъ игрушкой тщеславія Рылѣева». «Трубецкого,—говоритъ Каховскій въ другомъ своемъ отвѣтѣ,— я даже никогда не слыхал

говорящимъ. Онъ, кн. Оболенскій, кн. Одоевскій, Николай Бестужевъ, Пущинъ всегда запирались. Сіе мнѣ разъ даже замѣтилъ Сутгофъ, сказавъ: «насъ, братъ, баранами считаютъ». И правда его. О чемъ они толковали, это имъ извѣстно; намъ не сдѣлали никакихъ распоряженій; согнали на площадь, какъ барановъ, а сами спрятались». Какъ сильно въ этихъ отзывахъ, данныхъ много спустя (май 1826 г.) послѣ роковыхъ событій, чувство обиды на незаслуженное имъ недовѣріе, невниманіе! Онъ—обреченный, а отъ него имѣютъ тайны. Все это настраивало крайне возбужденно.

Въ показаніяхъ декабристовъ переданы многочисленнѣйшіе разговоры ихъ о цареубійствѣ, отдѣльныя фразы. Противорѣчіе между ними очень значительно, каждый изъ нихъ утверждалъ, что онъ не сказалъ тѣхъ словъ, которыя ему приписаны другимъ; одинъ ссылается на другого. Одинъ говоритъ, что это тотъ-де говорилъ о цареубійствѣ и изобрѣлъ такой-то методъ истребленія фамиліи, а тотъ сваливалъ на перваго. Всѣ эти разговоры, разсѣянные въ различныхъ показаніяхъ, конечно, не имѣютъ никакого значенія для выясненія тактики декабристовъ въ вопросѣ о цареубійствѣ: вѣдь въ программу дѣйствій общества этотъ актъ введенъ не былъ. Самое большее—передъ 14 декабря предоставляли разрѣшеніе этого вопроса случаю или ждали дѣйствій отъ «обреченныхъ», какъ это было съ Каховскимъ. Но всѣ эти разговоры, не имѣющіе никакой юридической цѣны, важны для выясненія психологіи декабристовъ: они вскрываютъ ихъ душевное отношеніе къ этому акту. И ихъ нужно взять всѣ цѣликомъ, *во всей ихъ полнотѣ со всѣми*

противорѣчіями и взаимными отрицаніями. Вотъ этито противорѣчія именно и характерны.

Пользуясь этими показаніями, мы нарисуемъ нѣсколько моментовъ изъ исторіи отношеній Каховскаго и Рылѣева на почвѣ главной идеи, ихъ соединявшей. Воображеніе воскреситъ нѣсколько сценъ, разыгравшихся въ Петербургѣ въ достопамятный годъ. Вотъ разсказъ Рылѣева (24 апрѣля 1826 г.).

«Въ началѣ прошлаго года Каховскій входитъ ко мнѣ и говоритъ:

— Послушай, Рылѣевъ! Я пришелъ тебѣ сказать, что я рѣшилъ убить царя. Объяви объ этомъ Думѣ. Пусть она назначитъ мнѣ срокъ.

«Я, въ смятеніи вскочивъ съ софы, на которой лежалъ, сказалъ ему:

— «Что ты, сумасшедшій! Ты вѣрно хочешь погубить общество! И кто тебѣ сказалъ, что Дума одобритъ такое злодѣяніе? — За симъ старался я отклонить его отъ его намѣренія, доказывая, сколь опое можетъ быть пагубно для цѣли общества; но Каховскій никакими моими доводами не убѣждался и говорилъ, чтобы я насчетъ общества не безпокоился, что онъ никого не выдастъ, что онъ рѣшился и намѣреніе свое исполнитъ непремѣнно. Опасаясь, дабы въ самомъ дѣлѣ того не совершилъ, я наконецъ рѣшился прибѣгнуть къ чувствамъ его. Мнѣ нѣсколько разъ удалось помочь ему въ его нуждахъ. Я замѣтилъ, что онъ всегда тѣмъ сильно трогался и искренно любилъ меня, почему я и сказалъ ему:

— Любезный Каховскій! Подумай хорошенько о своемъ намѣреніи. Схватятъ тебя, схватятъ и меня потому что ты у меня часто бывалъ. Я общества не

откроюсь, но вспомни, что я отецъ семейства. За что ты хочешь погубить мою бѣдную жену и дочь?

«Каховскій прослезился и сказалъ:

— Ну, дѣлать нечего. Ты убѣдилъ меня!

— Дай же мнѣ честное слово, — продолжалъ я, — что ты не исполнишь своего намѣренія. Онъ мнѣ далъ оное. Но послѣ сего разговора онъ часто сталъ задумываться; я охладѣлъ къ нему; мы часто стали спорить другъ съ другомъ и, наконецъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ онъ снова обратился къ своему намѣренію и постоянно требовалъ, чтобы я его представилъ членамъ Думы. Я рѣшительно отказалъ ему въ томъ и сказалъ, что я жестоко ошибся въ немъ и раскаиваюсь, принявъ его въ общество. Послѣ сего мы разстались въ сильномъ неудовольствіи другъ на друга. Засимъ узналъ я, что его нѣсколько дней не было въ городѣ. Я спѣшилъ съ нимъ увидѣться, чтобы узнать, не ѣздилъ ли онъ въ Царское Село, боясь, что не тамъ ли онъ хочетъ исполнить свое предпріятіе, но подозрѣнія мои оказались ложными. Онъ ѣздилъ въ деревню, въ которой была расположена рота Сутгофа. Съ самаго того дня, какъ я узналъ о намѣреніи Каховскаго, я сталъ стараться о удаленіи его изъ Петербурга, и, наконецъ, совѣтовалъ ему опять вступить въ военную службу, представляя, что онъ въ мундирѣ полезнѣе будетъ обществу, нежели во фракѣ. Онъ согласился и подалъ прошеніе объ опредѣленіи его въ какой-то пѣхотный полкъ, но ему отказали, потому что онъ служилъ въ кавалеріи. Я склонялъ его вступить въ прежній полкъ, но какъ уже онъ совершенно обмундировался въ пѣхоту, то и сталъ снова домогаться объ опредѣленіи въ оную. Между тѣмъ при свиданіяхъ

мы продолжали спорить и даже ссориться. И, наконецъ, видя его непреклонность, я сказалъ однажды ему, чтобы онъ успокоился, что я извѣщу Думу о его намѣреніи, и что если общество рѣшится начать дѣйствія свои покушеніемъ на жизнь государя, то никого, кромѣ его, не употребитъ къ тому. Онъ этимъ удовлетворился. Это происходило за мѣсяцъ до кончины покойнаго государя императора».

Зная пылкость и рѣшимость Каховскаго, его нетерпѣливое желаніе пожертвовать жизнью дѣлу свободы, мы можемъ не сомнѣваться, что разсказъ Рылѣева соотвѣтствуетъ дѣйствительности; но въ то же время онъ кое-что замалчиваетъ. Мы понимаемъ положеніе Рылѣева, застигнутаго врасплохъ вызовомъ Каховскаго: какъ, покушеніе въ сентябрѣ мѣсяцѣ, когда общество было бы просто не въ состояніи использовать это покушеніе! Рылѣевъ-то вѣдь зналъ, что представляло то таинственное общество, которое Каховскому казалось могучимъ и властнымъ! Но Рылѣевъ умолчалъ о томъ, что, удерживая Каховскаго въ обществѣ, онъ непремѣнно долженъ былъ выставлять истребленіе фамиліи, какъ цѣль общества. Онъ и обнадежилъ Каховскаго, сообщивъ ему, что на маскарадѣ въ новый годъ или на петергофскомъ праздникѣ можно будетъ привести въ исполненіе ихъ взаимный замыселъ, истребить фамилію. Когда Каховскому были предъявлены показанія Рылѣева, онъ былъ крайне возмущенъ ими и, должно быть, въ особенности отрицаніемъ своей собственной роли въ процессѣ обдумыванія цареубійства. Выходило такъ, что онъ напрашивался съ своимъ замысломъ, а общество собиралось только

лоумнѣе воспользоваться актомъ Каховскаго! Въ своихъ
твѣтахъ онъ не пощадилъ Рылѣева.

«Обстоятельства мои не позволили мнѣ надолго
оставаться въ Петербургѣ; братъ мой уѣхалъ, и я
вслѣдъ за нимъ хотѣлъ выѣхать. Переѣхалъ изъ трак-
тира «Лондонъ», гдѣ я жилъ, въ домъ Энгельгардта,
въ Коломну, и въ продолженіе двухъ или болѣе не-
дѣль не видался съ Рылѣевымъ. За день передъ отъ-
ѣздомъ моимъ я пошелъ къ нему проститься, и онъ
о отъѣздѣ моемъ не зналъ; со мной вмѣстѣ изъ дому
вышелъ и Энгельгардтъ; сколько я помню, кажется,
онъ пошелъ къ графу обѣдать. Въ переулкѣ отъ Мойки
въ Офицерскую улицу намъ встрѣтился Рылѣевъ съ
Сомовымъ; я остановился съ нимъ, и Энгельгардтъ тоже.
Рылѣевъ сталъ мнѣ выговаривать, что мы давно не
видались, и сказалъ:

— А мнѣ до тебя есть дѣло.—Я отвѣчалъ ему, что
былъ у него нѣсколько разъ, но не заставалъ его и
теперь шелъ къ нему.

— Да, хорошо ко мнѣ!

— Спроси Энгельгардта, что къ тебѣ шелъ.—Энгель-
гардтъ при семъ сказалъ: «точно, онъ шелъ къ вамъ
проститься: онъ завтра ѣдетъ» и съ симъ поклонился
и ушелъ. Рылѣевъ сталъ спрашивать, куда я ѣду и
зачѣмъ? Я сказалъ ему, что ѣду домой, въ Смоленскъ.
Онъ сталъ меня уговаривать остаться, но я сказалъ
ему откровенно, что не могу остаться, не имѣю де-
негъ, чтобы жить въ Петербургѣ. Онъ возразилъ
на сіе.

— Э, братецъ! Какъ же тебѣ не стыдно, зачѣмъ ты
мнѣ не сказалъ? Возьми денегъ у меня, сколько тебѣ
надо. — Пригласилъ меня итти вмѣстѣ къ нему объ-

дать. Ввечеру просилъ меня зайти къ нему, говоря, что ему нужно со мной переговорить: «и я думаю, я успѣю уломать тебя остаться здѣсь». Ввечеру пришелъ къ нему; онъ сталъ мнѣ говорить, что я необходимо нуженъ, что общество скоро начнетъ свое дѣйствіе, и упрашивалъ меня остаться, говоря, что черезъ меня соединяется лейбъ-гренадерскій полкъ. На слова мои:—зачѣмъ я останусь, когда вы еще начнете дѣйствовать?—онъ поклялся мнѣ, взглянувъ на образъ, что непремѣнно въ 1826 году; что все почти готово, членовъ достаточно, что лишь остается приготовить солдатъ. Тутъ онъ мнѣ сказалъ, что положено истребить царствующую фамилію или въ маскарадѣ на новый годъ, или на праздникѣ въ Петергофѣ. Онъ совѣтовалъ мнѣ вступить въ службу въ новгородское поселеніе, говоря, что обществу нужно тамъ имѣть людей надежныхъ, и что я въ нѣсколько мѣсяцевъ успѣю тамъ приготовить нѣсколько къ возстанію и что мнѣ въ томъ тамъ будутъ помощники. Я согласился съ нимъ остаться въ Петербургѣ, но въ новгородское поселеніе итти служить не рѣшился. Онъ совѣтовалъ мнѣ подать въ какой-нибудь полкъ, говоря, что въ мундирѣ я буду виднѣе и болѣе буду въ силахъ дѣйствовать на солдатъ при возстаніи, и что при опредѣленіи найдутъ средства оставить меня въ Петербургѣ. Совѣтовалъ мнѣ опредѣлиться въ учебный карабинерный полкъ, но я и на сіе не согласился. Подалъ просьбу въ елецкій пѣхотный полкъ, куда я и прежде сего думалъ опредѣлиться. Я занялъ у Рылѣева денегъ, и онъ поручился за меня портному (все сіе было въ началѣ прошлаго года). Въ принятіи меня въ пѣхоту

мнѣ отказали. Я остался въ Петербургѣ ждать предполагаемаго возстанія.

. . . . . .

«Рылѣевъ, видя во мнѣ страстную любовь къ родинѣ и свободѣ, пылкость и рѣшительность характера, сталъ дѣйствовать такъ, чтобы приготовить меня быть кинжаломъ въ рукахъ его. Но онъ не умѣлъ себя хорошо вести и очень во мнѣ ошибся. Я не буду говорить всего, какъ онъ мнѣ представлялъ въ примѣры Брута, даже Соловьева, который убилъ Батурина. Просто скажу вашему превосходительству, что Рылѣевъ потерялъ разсудокъ, склоняя меня. Онъ думалъ, что онъ очень тонокъ, но былъ такъ грубъ, что я не знаю, какой бы невѣжа его не понялъ. По пріѣздѣ Якубовича изъ Москвы Рылѣевъ разсказывалъ мнѣ, что будто Якубовичъ рѣшался убить императора въ парадѣ на Царицыномъ лугу. Вы изволили слышать, какъ онъ себя оправдывалъ; я разскажу вамъ весь о семъ разговоръ мой съ нимъ, чтобы вы могли судить, какъ онъ изворачивался. Онъ говорилъ:

— Не правда ли, Каховскій, славный бы поступокъ былъ Якубовича?

— Ничего, братъ Рылѣевъ, нѣтъ здѣсь славнаго: просто мщеніе оскорбленнаго безумца; я разумѣю славнымъ то, что полезно.

— Да, я съ тобой согласенъ, потому и удержалъ Якубовича до время; но я говорю, что какой бы урокъ царямъ. Тиранъ палъ среди тысячи опричниковъ.

— Что же такое, что палъ! завтра будетъ другой. Хорошо, если можно поразить тиранство; а уроковъ— разверни исторію и найдешь ихъ много.

— Я тебя знаю, ты только, чтобъ спорить, а самъ защищаешь Занда.

— Да, Рылѣевъ, противъ безсмысленныхъ невѣждъ.

— Ты такъ завистливъ, что вѣчно все то осуждаешь, чего самъ не можешь сдѣлать. Ну, а не говорилъ ли ты, что и Соловьевъ сдѣлалъ дѣло?

— Да, говорилъ, потому что Соловьевъ ничего не могъ болѣе сдѣлать; но намъ руководствоваться личнымъ мщеніемъ гадко и жертвовать собой надо знать для чего. Итти убить царя—мудренаго ничего нѣтъ:— и всѣхъ зарѣзать не штука; но, низвергнувъ правленіе, надо имѣть возможность возстановить другое; а иначе, братъ, безумно приступать. Завидовать, право, мнѣ нечему: я готовъ сейчасъ собой пожертвовать, но хочу, чтобъ изъ того была польза.

— Однако скажи, что можетъ ли положеніе Россіи, при какомъ бы то ни было переворотѣ, быть хуже, чѣмъ теперь?

— Потому я много не разсуждаю и соглашаюсь съ тобой».

Оцѣнивая этотъ разсказъ, мы должны принять во вниманіе, что это былъ, очевидно, одинъ изъ многихъ душныхъ разговоровъ о цареубійствѣ, происходившій—надо полагать—сейчасъ же по возобновленіи ихъ сношеній, когда Рылѣевъ испытывалъ «чистоту» Каховскаго и нащупывалъ почву. Быть можетъ, раздраженный Каховскій обострилъ тутъ роль Рылѣева и исказилъ дѣйствительность, но мы останавливаемся лишь на мелькающихъ тутъ аргументахъ цареубійства, несомнѣнно высказанныхъ по тому или иному поводу: тутъ и восхваленіе самоотверженія Якубовича, и выясненіе чистоты его намѣреній, и осторожная (вы-

сказанная въ маѣ 1826 г.) похвала Занда — какъ разъ вся характерная по тому времени обстановка.

Приведемъ еще одинъ разговоръ, переданный Каховскимъ.

«Одинъ разъ осенью, зайдя къ Александру Бестужеву, нашелъ его собирающимся итти ходить. Онъ пригласилъ меня итти съ нимъ; дорогой говорили о дѣлахъ общества, и между прочимъ онъ сказалъ мнѣ:

— Представь, Рылѣевъ воображаетъ, что найдутся люди, которые не только рѣшатся собою пожертвовать для цѣли общества, но и самую честь принесутъ для нея въ жертву. — Я просилъ его истолковать мнѣ слова сіи. Онъ разсказалъ мнѣ предложеніе Рылѣева. Тѣмъ, которые рѣшатся истребить царствующую фамилію, дадутъ всѣ средства бѣжать изъ Россіи, но если они попадутся, то должны показать, что не были въ обществѣ, потому что общество чрезъ то можетъ пострадать. Цареубійство, для какой бы то цѣли ни было, всегда народу кажется преступленіемъ. На сіе я говорилъ, и Бестужевъ былъ того же со мной мнѣнія, что если убить царя есть преступленіе и теперь, и во время свободы также будетъ видѣться (считаться), то лучше къ сему не приступать, и что вѣрно не найдутся на сіе люди. Бестужевъ сказалъ мнѣ:

— А Рылѣевъ все толкуетъ о тебѣ, что ты на все рѣшишься. — Я отвѣчалъ:

— Напрасно сіе говоритъ Рылѣевъ; если онъ разумѣетъ меня кинжаломъ, то пожалуйста скажи ему, чтобы онъ не укололся; я давно замѣчаю Рылѣева: онъ только меня склоняетъ, но обманется. Я готовъ собой жертвовать отечеству, но ступенькой ему или другому къ возвышенію не лягу». — На другой день

я занемогъ, просилъ Рылѣева ко мнѣ прійти, и когда пришелъ онъ, я ему разсказалъ мой разговоръ съ Александромъ Бестужевымъ. Онъ ужасно разсердился, наговорилъ мнѣ, что *я весь во фразахъ и что онъ въ чистотѣ моей обманулся*, и что Бестужевъ лгалъ обо мнѣ, и что и безъ меня есть много желающихъ, и чище меня. Скоро потомъ пришелъ Бестужевъ, сказалъ мнѣ, что Рылѣевъ на меня сердится, затѣмъ онъ мнѣ сказалъ:

— Я не хочу обманывать и иду прямо.

Послѣ всего мной узнаннаго я требовалъ настоятельно, чтобъ было представлено Думѣ написанное къ членамъ оной письмо, но Рылѣевъ сжегъ его и отказалъ мнѣ представить меня въ оную, за что я съ нимъ поссорился и отказался отъ общества.

Александръ Бестужевъ даетъ слѣдующій комментарій къ этому разговору.

«Я уже и прежде сказалъ, что Рылѣевъ назначалъ Каховскаго для нанесенія удара и говорилъ не однажды, что онъ чистъ, и что если тѣ, которые нанесутъ ударъ, не уйдутъ, то должно будетъ ихъ наказать. Желая какъ-нибудь удалить Каховскаго, ибо думалъ, что онъ могъ бы на сіе рѣшиться, я старался подстрекать его любопытство и, наконецъ, имѣлъ точно разговоръ, показанный Каховскимъ, гдѣ тонко показалъ ему, что его хотятъ употребить низкимъ орудіемъ убійства. Это средство подѣйствовало, Каховскій разсердился и просилъ меня сказать Рылѣеву, что онъ не ступенька для ихъ умниковъ. Когда я разсказалъ Рылѣеву, онъ взбѣсился на меня, говоря, что я для того только, чтобъ показать силу своего убѣжденія, порчу членовъ, и что я могъ бы беречь такія мнѣ-

нія про себя. На что я и сказалъ, что я не обманщикъ и людей въ западню ловить не хочу; надо, чтобы всякій вполнѣ видѣлъ, что онъ дѣлаетъ... Что же касается до ссоры нашей съ Рылѣевымъ, а его съ Каховскимъ, она дѣйствительно была, и мнѣ казалось за то, что я (говорилъ) К. не такъ рѣзко. («Ты считаешь К. чистымъ,—говорилъ я Рылѣеву,—а онъ честолюбецъ, и когда я сказалъ ему, что ждетъ цареубійцъ—онъ твердитъ, что не ступенька для другихъ. Право, кажется, онъ мѣтитъ въ воеводы». Тутъ-то Рылѣевъ возразилъ, что «вѣрно я вселилъ въ него такія мысли, что порчу человѣка и проч...» И вѣрно онъ забылъ этотъ случай, если противорѣчитъ»). Но статься можетъ, къ тому присоединялись и другія причины, и Рылѣевъ, точно сердясь на Каховскаго, мнѣ говорилъ, что онъ любопытствомъ своимъ нарушаетъ законы общества. (Я говорилъ Каховскому: «странно, право, что Рылѣевъ съ вами таится, такому человѣку можно бы открыть и Думу» и проч. Вслѣдствіе чего онъ и надоѣлъ Рылѣеву). Послѣ сего не разъ Каховскій говаривалъ шутя, что Якубовичъ у него отбиваетъ первое мѣсто».

Конечно, нѣкоторыя изъ этихъ фразъ и не были сказаны, но онѣ хорошо передаютъ нервную, напряженную атмосферу, окружавшую всѣ такіе разговоры, и какъ бы хранятъ еще слѣды тончайшихъ переживаній... Нельзя не остановить вниманія на единогласно подтверждаемомъ фактѣ непрерывныхъ ссоръ и споровъ, схожденій и расхожденій. И на дому у Рылѣева, и въ залахъ трактира «Лондонъ», и гостиницы «Неаполь» идутъ нескончаемые возбужденные разговоры все о томъ же. Приведемъ еще одинъ разсказъ Ка-

ховскаго, иллюстрирующій сомнѣнія, обуревавшія декабристовъ: «Рылѣевъ прежде разговора моего съ Бестужевымъ былъ со мной искренен и въ одно время сказалъ мнѣ, что Дума на нѣкоторое время должна будетъ удержать правленіе за собой, въ чемъ я съ нимъ не согласился и, напротивъ, представлялъ ему, что общество все должно сдѣлать для блага отечества, но ничего не брать на себя и по успѣхѣ въ предпріятіи; стараться избрать людей, извѣстныхъ въ государствѣ, которые бы составляли временное правленіе, пока изберутся депутаты, и имъ представить конституцію, которую они въ правѣ принять или что въ ней перемѣнить или совершенно отвергнуть. Рылѣевъ съ этого смѣялся, говоря:

— Ты хочешь отъ аристократовъ чего добраго? Что, Мордвинова что ли сдѣлать правителемъ? Пожалуйста не мѣшайся, ты ничего болѣе, какъ рядовой въ обществѣ, да и отъ меня немного зависитъ; какъ опредѣлитъ Дума, такъ и будетъ.—Много сему подобнаго, что дало мнѣ подозрѣвать Рылѣева, и я того не скрывалъ отъ него. Никогда я не вызывался убить покойнаго императора, но въ разговорѣ и самоотверженіи сказалъ Рылѣеву: «для блага моего отечества я готовъ бы былъ и отцомъ моимъ пожертвовать». Я помню очень: сей разговоръ былъ лѣтомъ. Мимо окна шелъ князь Одоевскій, я зазвалъ его и при немъ говорили, что необходимо нужно, кто рѣшится собой жертвовать, знать, для чего онъ жертвуетъ, чтобы не пасть для тщеславія другихъ. Рылѣевъ и въ семъ меня оспаривалъ и прозвалъ: «ходячая оппозиція». Онъ всегда ставилъ въ примѣръ мнѣ Якубовича, что онъ безъ дальнихъ разсужденій вѣритъ чести людей и готовъ

всячески собой жертвовать, и что будто Якубовичъ рѣшался убить покойнаго императора при бывшемъ парадѣ на Царицыномъ Лугу».

Всѣ эти свѣдѣнія мы почерпнули изъ показаній, данныхъ на слѣдствіи, но для насъ дошелъ одинъ любопытный документъ, рисующій положеніе Каховскаго въ началѣ ноября 1825 года — его письмо къ Рылѣеву отъ 6 ноября. «Сдѣлай милость, Кондратій Ѳедоровичъ, спаси меня! Я не имѣю силъ болѣе терпѣть всѣхъ непріятностей, которыя ежедневно мнѣ встрѣчаются. Оставя скуку и неудовольствія, я не имѣю даже, чѣмъ утолить голодъ: вотъ со вторника до сихъ поръ я ничего не ѣлъ. Мнѣ мучительно говорить съ тобой объ этомъ, и тѣмъ болѣе, что съ тѣхъ поръ я очень вижу твою сухость; одна только ужасная крайность вынуждаетъ меня. Даю тебѣ честное слово, что по пріѣздѣ моемъ въ Смоленскъ употреблю всѣ силы, какъ можно скорѣе выслать тебѣ деньги, и надѣюсь, что, конечно, черезъ три мѣсяца заплачу тебѣ. Я не имѣю никакихъ способовъ здѣсь достать, а то вѣдь не сталъ бы тебѣ надоѣдать» [20].

ВЪ ТАЙНОМЪ ОБЩЕСТВѢ

Но споры прекратились по полученіи извѣстій о смерти Александра и смѣнились разнообразнѣйшими проектами дѣйствій. «По кончинѣ покойнаго императора—показывалъ Каховскій—общество стало сильнѣй дѣйствовать, я опять соединился съ нимъ, не будучи въ силахъ удержаться не участвовать въ дѣлѣ отечества».

Каховскій принялъ участіе и въ организаціонной работѣ: онъ долженъ былъ приготовить лейбъ-гренадерскій полкъ. Пропагандой идей тайнаго общества онъ занимался уже давно: по его объясненіямъ, еще лѣтомъ или ранней осенью 1825 года онъ принялъ поручика л.-гренадерскаго полка Сутгофа [21] и прапорщика Палицына [22]. Позднѣе осенью, быть можетъ, въ ноябрѣ, онъ принялъ офицеровъ лейбъ-гренадерскаго полка поручика Панова [23], подпоручика Кожевникова [24] и прапорщика Жеребцова [25]. Наконецъ наканунѣ 14 декабря онъ посвятилъ въ замыслы общества и подпоручика Измайловскаго полка Фока, а немного раньше Глѣбова [26]. Можно повѣрить увѣреніямъ Каховскаго, что онъ открылъ имъ, какъ цѣль общества, введеніе конституціи и совершенно умолчалъ объ истребленіи фамиліи. «Никому изъ нихъ не открылъ объ убійствѣ царствующей фамиліи, но возбуждалъ ихъ сильно,—признавался Каховскій генералу

Левашову.—Ваше превосходительство, вамъ извѣстно, много ли надобно разгорячить воображеніе молодыхъ людей? Свобода сладка, и въ сердцѣ молодомъ любовь къ отечеству, какъ и всѣ чувства, живетъ сильнѣй. Мы въ молодости болѣе управляемся сердцемъ, чѣмъ разсудкомъ. Истинно говорю, я одинъ причиною возстанія лейбъ-гренадерскаго полка». Любопытно отмѣтить совпаденіе показаній увлеченныхъ Каховскимъ въ вопросѣ о способахъ «обольщенія». *Къ общему благу* побуждалъ ихъ Каховскій. И всѣ они, за исключеніемъ Жеребцова, честно выполнили задачи, возложенныя на нихъ тайнымъ обществомъ. Сначала всѣ сношенія тайнаго общества съ офицерами лейбъ-гренадерскаго полка шли чрезъ Каховскаго, и онъ правъ, считая себя причиною возстанія лейбъ-гренадерскаго полка. Потомъ къ концу движенія Рылѣевъ велъ сношенія непосредственно чрезъ Суттофа.

Каховскій присутствовалъ при многочисленнѣйшихъ совѣщаніяхъ у Рылѣева. «При мнѣ,—показывалъ Трубецкой,—Каховскій никогда ничего не говорилъ, и я съ нимъ никогда не разговаривалъ; большею частью, когда я бывалъ у Рылѣева, то онъ выходилъ въ другую комнату, но во время нѣкоторыхъ совѣщаній я примѣтилъ, что онъ сиживалъ въ той компатѣ, гдѣ они происходили, въ окошкѣ, въ углу; къ этому же, у котораго совѣщанія бывали, не подходилъ и въ разговоры не вмѣшивался» [27]. Но когда Каховскій высказывался, то онъ говорилъ весьма рѣшительно. Сохранившіеся обрывки рѣчей опять касаются главнаго предмета — истребленія фамиліи. Правда, среди возбужденныхъ и нервныхъ фразъ другихъ слова Каховскаго не самыя жестокія. Штейнгель нарисовалъ

въ своихъ показаніяхъ слѣдующую жизненную картинку: «Я замѣтилъ, что А. Бестужевъ и Каховскій, котораго я въ это время узналъ, были пламенными террористами. Помнится мнѣ, что именно 12 числа, пришедъ къ Рылѣеву, я засталъ Каховскаго съ Николаемъ Бестужевымъ говорящими у окошка, и первый сказалъ: «съ этими филантропами ничего не сдѣлаешь; тутъ просто надобно рѣзать, да и только; иначе, если не согласятся, то я первый пойду и самъ на себя объявлю». Я въ тотъ же вечеръ сказалъ о семъ Рылѣеву съ укоризною, и онъ мнѣ отвѣчалъ: «не безпокойся, онъ такъ только говоритъ. Я его уйму; онъ у меня въ рукахъ»... Противу особы государя примѣтно возстали опять кн. Оболенскій, Бестужевы, Каховскій, и потомъ князь Трубецкой требовалъ, какъ необходимости, чтобы принести его на жертву. Наконецъ онъ, Трубецкой, именно полагалъ, что надобно оставить Александра Николаевича, чтобъ его объявить императоромъ. Другіе говорили, что можно ограничиться арестомъ, а Рылѣевъ и Оболенскій твердили, чтобъ истребить всѣхъ. Князь же Одоевскій твердилъ только: «умремъ! ахъ, какъ славно мы умремъ» [28].

Каховскій въ послѣднемъ своемъ признаніи передаетъ самые невозможные проекты, которые только возникали среди этихъ бесѣдъ. «Положено было, какъ я уже сказалъ, если при взятіи дворца въ замѣшательствѣ не истребить царствующую фамилію, заключить ее въ крѣпость и потомъ, убивъ цесаревича въ Варшавѣ, будто освобождая царскую фамилію, умертвить ее. Все сіе говорилъ Рылѣевъ. Такъ было и положено. Николай Бестужевъ спросилъ Рылѣева: «да кто же убьетъ цесаревича въ Варшавѣ?» Рылѣевъ от-

вѣчалъ: «Развѣ ты не знаешь, что наши тамъ есть», и назвалъ какого-то конной гвардіи артиллерійскаго офицера. Предполагалось въ первыхъ дняхъ по извѣстіи о кончинѣ императора, если цесаревичъ не откажется отъ престола, или если здѣсь не успѣютъ, то истребить царствующую фамилію въ Москвѣ въ день коронаціи; сіе тоже говорилъ Рылѣевъ, а баронъ Штейнгель сказалъ:

— Лучше передъ тѣмъ днемъ захватить ихъ всѣхъ у всенощной въ церкви у Спаса за золотой рѣшеткой.—Рылѣевъ подхватилъ:

— Славно! опять народъ закричитъ: любо, любо! Въ Петербургѣ всѣ перевороты происходили тайно ночью.—Я на сіе сказалъ:

— Да я думаю и теперь, если начинать здѣсь, то лучше ночью всѣми силами итти къ дворцу; а то смотрите, господа, пока мы соберемся на площадь, да вы знаете, и присяга не во всѣхъ полкахъ въ одно время бываетъ, а около дворца полкъ Павловскій, батальонъ Преображенскій; да и за конную гвардію не отвѣчаю; я не знаю, что тамъ успѣлъ Одоевскій, такъ, чтобъ насъ всѣхъ не передъ ротами (?) прежде чѣмъ мы соединимся.—Рылѣевъ на сіе сказалъ:

— Ты думаешь, солдаты выйдутъ прежде объявленія присяги? Надо ждать, пока имъ ее объявятъ.— Также Рылѣевъ говорилъ мнѣ, что если цесаревичъ не откажется отъ престола, то убить его всенародно, и тотъ, кто на сіе рѣшится и когда его схватятъ, чтобы закричалъ, что онъ наученъ къ сему Николаемъ Павловичемъ: «знаешь, братъ, какое это дѣйствіе сдѣлаетъ въ народѣ; тогда разорвутъ великаго князя» (теперешняго императора). Я сіе разсказывалъ Нико-

лаю Бестужеву, Александру Бестужеву и Штейнгелю (въ самое то время, когда Штейнгель показываетъ на меня, что будто я согласился рѣзать). Александръ Бестужевъ сказалъ ему на сіе:

— Ахъ ты штукарь!

— А я ему отвѣчалъ: — Нѣтъ, господа, я не беру этого на себя; это изобрѣтеніе Рылѣева.

Были запрошены по поводу «извѣтовъ» Каховскаго Рылѣевъ, Бестужевы, Александръ и Николай, и Штейнгель. Всѣ они, кромѣ Штейнгеля, рѣшительно отрицали истину всѣхъ сообщеній Каховскаго. Каховскій былъ въ послѣдней степени раздраженія, когда открывалъ суду эти слова и фразы. Очевидно, это были фразы, сказанныя и въ ту же минуту забытыя. Онѣ были такъ мимолетны, что потомъ сказавшіе ихъ совершенно искренно могли усомниться въ томъ, что онѣ были сказаны. Въ дѣлахъ есть много другихъ фразъ, доложенныхъ комитету, но мы не приводимъ ихъ отчасти потому, что считаемъ недостовѣрными, а главнымъ образомъ потому, что и приведенныхъ нами совершенно достаточно для характеристики настроенія.

Повторяемъ, всѣ эти «извѣты» цѣнны только съ психологической точки зрѣнія и не имѣютъ никакого значенія при выясненіи дѣйствительныхъ плановъ общества. Реальнымъ могъ быть только одинъ планъ— самоотверженное согласіе Каховскаго нанести ударъ въ день 14 декабря.

Наканунѣ 14 вечеромъ 13 разыгралась поразительная сцена. По показаніямъ, диктованнымъ осторожностью, трудно представить тотъ восторженный подъемъ, который переживали въ этотъ моментъ заговорщики. «13 декабря ввечеру, — показывалъ

14 марта Каховскій,—Рылѣевъ сказалъ, когда я спрашивалъ его о распоряженіи, что надо видѣть прежде силы наши и что на Петровской площади всѣмъ распорядится Трубецкой. Предположено было занять Сенатъ, крѣпость, но кому именно, не было назначено. Мнѣ же сказалъ онъ, обнимая меня:

— Я знаю твое самоотверженіе; ты можешь быть полезнѣе, чѣмъ на площади: истреби императора.

«Я совершенно не отказывался, возражалъ ему, что сего сдѣлать невозможно, какія я найду къ сему средства; онъ представлялъ, чтобъ я вошелъ во дворецъ рано поутру, прежде возстанія, въ офицерскомъ мундирѣ; или на площади, если выѣдетъ императоръ, убилъ его».

Объ этой сценѣ нѣсколько иначе разсказываетъ кн. Оболенскій въ своемъ показаніи отъ 14 марта. «При пріѣздѣ моемъ я засталъ Пущина, Каховскаго и, кажется, Александра Бестужева. Я спросилъ у Рылѣева, какой же планъ дѣйствій? Онъ объявилъ мнѣ, что Трубецкой намъ сообщитъ, но что собраться должно на площади всѣмъ съ тою ротой, которая выйдетъ первая. Послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора онъ и Пущинъ надѣли шпели, чтобъ ѣхать. Я самъ уже прощался съ нимъ, когда Рылѣевъ при самомъ разставаніи нашемъ подошелъ къ Каховскому и, обнявъ его, сказалъ:

— Любезный другъ, ты спръ на сей землѣ; ты долженъ собою жертвовать для общества; убей завтра императора.

«Послѣ сего обняли Каховскаго Бестужевъ, Пущинъ и я. На сіе Каховскій спросилъ насъ, какимъ образомъ сіе сдѣлать ему? Тогда я подалъ мысль[29] надѣть ему л.-гренадерскій мундиръ и во дворецъ сіе испол-

пить, но онъ нашелъ сіе невозможнымъ, ибо его въ то же мгновеніе узнаютъ. Послѣ сего предложилъ, не помню кто изъ предстоящихъ, на крыльцѣ дождаться проѣзда государя, но и сіе было отринуто, какъ невозможное [30].

Восторгъ преклоненія предъ подвигомъ, послѣднія объятія, прощальные поцѣлуи, данные обреченному— впослѣдствіи казались декабристамъ какимъ-то видѣніемъ, отъ котораго нужно открещиваться, сномъ, который такъ нужно было бы забыть. Но несомнѣнно, если идея цареубійства была когда-нибудь близка къ реализаціи за все время жизни общества, такъ именно въ этотъ моментъ; и если когда-либо декабристы задумывались надъ фактическимъ осуществленіемъ своихъ замысловъ и предпринимали переходъ отъ словъ къ дѣлу, такъ именно теперь. Правда, кн. Оболенскій постарался ослабить впечатлѣніе этого порыва. «Мы всѣ опомнились отъ минутнаго энтузіазма сказавъ: «нельзя и такъ... Нечего дѣлать». Вотъ единственная минута, въ которую я помню, чтобы упомянуто было нами объ августѣйшей особѣ государя. Я сознаюсь, что единая мысль о семъ есть уже преступленіе, но прошу Комитетъ милостиво воззрѣть на людей, которые, разставаясь наканунѣ того дня, который долженъ рѣшить судьбу отечества или повергнуть ихъ самихъ на послѣднюю степень бѣдствія, въ изступленіи чувства обращаютъ мысль къ поступку ужасному, но, опомнясь, оставляютъ оный»... Но никто другой не показываетъ, что мысль эта была оставлена заговорщиками. Можно считать достовѣрнымъ, что заговорщики, давъ послѣднимъ поцѣлуемъ благословеніе Каховскому, разошлись съ твердою увѣренностью въ

томъ, что судьба царя отнынѣ въ рукахъ Каховскаго. Что онъ сдѣлаетъ, то и будетъ. И Каховскій на допросѣ, какъ бы испугавшись нарисованной имъ картины послѣдняго прощанія, не имѣетъ смѣлости, давъ сознаніе, не съуживать его и старается оправдать себя въ глазахъ Комитета. «Признаюсь откровенно, увлеченный бѣдствіями отечества и, можетъ быть, заблуждаясь въ цѣли и намѣреніяхъ, я для общей пользы не видалъ преступленія. Но соглашеніе Рылѣева на убійство мнѣ показалось гадкимъ, и притомъ я давно его подозрѣвалъ въ нечистотѣ правилъ. Дружба его съ Александромъ Бестужевымъ, хотя и вовлеченнымъ въ преступленіе по некорыстности, не алчущимъ своей прибыли, и принятые мной люди въ члены общества удерживали меня въ ономъ». Опять та же двойственность: признавая себя принципіально не только способнымъ, но и желавшимъ выполнить актъ цареубійства, онъ не имѣлъ силы сознаться въ реальности своего намѣренія. Каховскій въ свое оправданіе показывалъ, что ночью на 14 онъ заходилъ къ А. Бестужеву и заявилъ ему, будто онъ не рѣшается на предложеніе Рылѣева; искавши же случай нанести ударъ императору, онъ можетъ остаться праздным, а не раздѣлить общей опасности онъ считаетъ преступленіемъ. А. Бестужевъ совсѣмъ иначе разсказываетъ объ этомъ посѣщеніи Каховскаго. По его объясненію, оно было сдѣлано не поздно ночью, а рано утромъ, по его приглашенію сейчасъ же послѣ сцены у Рылѣева. «Васъ Рылѣевъ посылаетъ на площадь дворцовскую?» сказалъ я. Онъ отвѣчалъ: «Да, но мнѣ что-то не хочется». «И не ходите, возразилъ я, это вовсе не нужно». «Но что скажетъ Рылѣевъ?» «Я беру

то на себя; будьте со всѣми на Петровской площади». Каховскій попросилъ меня еще разъ извинить его передъ Рылѣевымъ и ушелъ». Фальшь этого показанія чувствуется сама собою. Бестужевъ разсказываетъ такъ, какъ будто рѣчь идетъ о неисполненіи ничтожнаго порученія:... «Каховскій имѣетъ честь просить Рылѣева извинить его въ томъ, что онъ не можетъ исполнить даннаго ему порученія убить его императорское величество» [31]. Скорѣе всего, въ разговорѣ Бестужевъ и Каховскій выяснили невозможность нападенія около дворца и предоставили это случаю. Если бы Николай Павловичъ показался на Сенатской площади и подъѣхалъ поближе къ возставшимъ, Каховскій сдѣлалъ бы свое дѣло. «Слава Богу — признался царю Каховскій 19 марта,—что ваше величество не повѣрили Якубовичу, не подъѣхали къ каре мятежному; можетъ быть, въ изступленіи, я бы первый готовъ по васъ выстрѣлить». Зная образъ дѣйствій Каховскаго на площади въ день 14 декабря, можно утвердительно сказать, что такъ бы оно и было.

НА СЕНАТСКОЙ ПЛОЩАДИ

Тревожную ночь провелъ Каховскій. Казались близкими самыя затаенныя желанія. «Изступленіе», экстазъ, нервная напряженность достигли высшей степени. Поздно вечеромъ, послѣ посѣщенія Рылѣева, Каховскій побывалъ у А. Бестужева, у Панова [32], у Андреева: у послѣдняго онъ справлялся объ адресѣ Кожевникова. А рано утромъ онъ былъ уже на ногахъ. Въ 7 часовъ его видѣлъ у Рылѣева Оболенскій. При немъ его послали въ л.-гренадерскій полкъ къ Сутгофу. Рано утромъ онъ былъ, по показанію А. Бестужева, въ казармахъ Московскаго полка у Михаила Бестужева на минутку, узнать, какъ идутъ дѣла, и сказать: «Господа, не погубите лейбъ-гренадеровъ нерѣшительностью». Вслѣдъ за Якубовичемъ пріѣзжалъ въ гвардейскій экипажъ и Каховскій, чтобы узнать настроеніе общества офицеровъ. Испытывая ихъ рѣшимость, онъ сказалъ:

— Можно и отложить возстаніе до болѣе благопріятнаго времени.

Тутъ въ безумномъ энтузіазмѣ А. П. Бѣляевъ сказалъ ему:

— Нѣтъ, лучше не откладывать. если имѣются люди, могущіе вести временное правленіе: другого такого случая, можетъ-быть, и не будетъ!

— Въ такомъ случаѣ,—отвѣчалъ Каховскій,—станемъ дѣйствовать [33].

Въ гвардейскомъ экипажѣ произошелъ инцидентъ. Кюхельбекеръ показалъ, что, сходя съ крыльца офицерскихъ казармъ гвардейскаго экипажа, онъ увидѣлъ Каховскаго: онъ бѣжалъ черезъ дворъ, а за нимъ гнались солдаты, которые, какъ онъ позднѣе самъ Кюхельбекеру разсказывалъ, сорвали съ него шинель...

Затѣмъ мы видимъ его на Сенатской площади.

Въ одиннадцатомъ часу утра на Сенатской площади показались первые отряды возставшихъ войскъ—роты Московскаго полка во главѣ съ кн. Щепинымъ-Ростовскимъ и Бестужевыми. Московцы сейчасъ же построились въ каре. Пустынная до сихъ поръ площадь наполнилась народомъ. Народъ, повидимому, сочувствовалъ возставшимъ. Члены тайнаго общества, не носившіе военнаго мундира, или, какъ выражается донесеніе, люди гнуснаго вида во фракахъ были тутъ же. Тутъ былъ и пріятель Каховскаго Глѣбовъ, и Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ. Каховскій съ двумя заряженными пистолетами и кинжаломъ все время находился или передъ фронтомъ или въ рядахъ солдатъ. Онъ агитировалъ и поддерживалъ солдатъ частыми возгласами «Ура, Константинъ!» Изъ всѣхъ заговорщиковъ, бывшихъ въ этотъ день на площади, Каховскій, несомнѣнно, былъ самымъ рѣшительнымъ и однимъ изъ самыхъ энергичныхъ. Онъ не привелъ въ исполненіе главный свой замыселъ. Николай Павловичъ не подъѣхалъ къ каре возставшихъ, и Каховскій, оставаясь около каре, не имѣлъ возможности

стрѣлять «по Государю». Но зато онъ какъ будто поставилъ своимъ долгомъ устранять всякія препятствія, какія только могли помѣшать успѣху дѣла. Когда онъ увидѣлъ, что убѣжденія графа Милорадовича могли поколебать твердое настроеніе солдатъ, онъ пустилъ въ него пулю. Штейнгель оставилъ въ своихъ запискахъ описаніе смерти Милорадовича. «Едва успѣли инсургенты построиться въ каре, какъ Милорадовичъ показался скачущимъ изъ дворца въ парныхъ саняхъ, стоя, въ одномъ мундирѣ и въ голубой лентѣ. Слышно было съ бульвара, какъ онъ, держась лѣвою рукою за плечо кучера и показывая правою, приказалъ ему: «объѣзжай церковь и направо къ казармамъ». Не прошло трехъ минутъ, какъ онъ вернулся верхомъ передъ каре и сталъ убѣждать солдатъ повиноваться и присягнуть новому императору. Вдругъ раздался выстрѣлъ, графъ замотался, шляпа слетѣла съ него, онъ припалъ къ лукѣ и въ такомъ положеніи лошадь донесла его до квартиры того офицера, которому принадлежала. Увѣщая солдатъ съ самонадѣянностью стараго отца-командира, графъ говорилъ, что самъ охотно желалъ, чтобы Константинъ былъ императоромъ, но что же дѣлать, если онъ отказался; увѣрялъ ихъ, что онъ самъ видѣлъ новое отреченіе, и уговаривалъ повѣрить ему. Одинъ изъ членовъ тайнаго общества, князь Оболенскій, видя, что такая рѣчь можетъ подѣйствовать, выйдя изъ каре, убѣждалъ графа отъѣхать прочь, иначе угрожалъ опасностью. Замѣтя, что графъ не обращаетъ на него вниманія, онъ нанесъ ему штыкомъ легкую рану въ бокъ. Въ это время графъ сдѣлалъ вольтъ-фасъ, а Каховскій пустилъ въ него изъ пистолета роковую пулю, наканунѣ вылитую» [34].

Немного спустя, на площади показались лейбъ-гренадеры, приведенные сюда друзьями Каховскаго—Сутгофомъ, Пановымъ, Кожевниковымъ. Самолюбіе его, какъ заговорщика, должно быть, было удовлетворено. Почти весь лейбъ-гренадерскій полкъ былъ налицо. Въ казармахъ осталась только рота кн. Ливена да немногіе солдаты изъ другихъ ротъ[35]. Но вмѣстѣ съ лейбъ-гренадерами пришелъ и ихъ полковой командиръ Стюрлеръ, все время убѣждавшій своихъ солдатъ вернуться въ казармы, и лишь только лейбъ-гренадеры поравнялись съ Московскимъ полкомъ, пуля Каховскаго сразила Стюрлера. Сутгофъ увидалъ, какъ Стюрлеръ повернулъ назадъ, держа себя за бокъ. Сутгофъ бросился съ вопросомъ къ Каховскому: «ты ли выстрѣлилъ?» и получилъ сухой отвѣтъ: «теперь не время объ этомъ говорить». Дѣло, продиктованное логикой возстанія, коснувшись души Каховскаго, не могло не нарушать его равновѣсія. Кн. Одоевскій видѣлъ, какъ выстрѣлилъ Каховскій. У Одоевскаго былъ пистолетъ; одинъ изъ лейбъ-гренадеръ, не любившихъ своего полковника, счелъ виновникомъ выстрѣла Одоевскаго, выскочилъ изъ толпы и поцѣловалъ его, а Каховскій съ торжественнымъ видомъ показалъ свой пистолетъ и сказалъ, что онъ его ранилъ. Потомъ Каховскій сознался Одоевскому, что онъ имѣетъ на душѣ двухъ и что ему гадко мясничать, и бросилъ пистолетъ со словами: «ужъ будетъ съ меня!»[36].

Еще одно кровавое покушеніе въ этотъ день легло на душу Каховскаго. Онъ ранилъ свитскаго офицера кпт.-капитана Гастефера; трудно понять, почему: потому ли, что въ пылу возбужденія онъ заставлялъ его кричать «Ура, Константинъ!», а тотъ отказывался,

или потому, что онъ показался подозрительнымъ. Каховскій нанесъ ему рану въ лицо, но сейчасъ же опомнился. Ему стало жаль офицера, и онъ отвелъ его въ каре.

Но Каховскому пришлось быть участникомъ не только кровавыхъ происшествій. Въ числѣ другихъ онъ объяснялся съ митрополитомъ Серафимомъ, явившимся на площадь для увѣщанія мятежниковъ. Онъ встрѣтилъ пріемъ, далеко не ласковый. «Первосвятитель, — разсказываетъ діаконъ Прохоръ Ивановъ, сопровождавшій митрополита, — у первой шеренги остановился и, поднявъ крестъ, говорилъ имъ велегласно:

— Воины, успокойтесь... Вы противъ Бога, церкви и отечества поступили: Константинъ Павловичъ письменно и словесно трикраты отрекся отъ россійской короны, и онъ ранѣе насъ присягнулъ на вѣрность брату своему Николаю Павловичу, который добровольно и законно восходитъ на престолъ... Синодъ, Сенатъ и народъ присягнули; вы только одни дерзнули возстать противъ сего. Вотъ вамъ Богъ свидѣтель, что есть это истина, и что я, какъ первосвятитель церкви, умаливаю васъ оной, успокойтесь, присягните.

«Между тѣмъ изъ среды мятежниковъ составилась изъ нѣсколькихъ офицеровъ депутація, и, приблизившись къ митрополиту съ обнаженными шпагами, нѣкоторые, будучи въ нетрезвости, дерзновенно отвѣтствовали:

— Несправедливо! Гдѣ Константинъ?

«Митрополитъ отвѣчалъ:

— Въ Варшавѣ.

«Мятежники кричали:

— Нѣтъ, онъ не въ Варшавѣ, а на послѣдней станціи въ оковахъ... Подайте его сюда!.. Ура, Константинъ! Какой ты митрополитъ, когда на двухъ недѣляхъ и двумъ императорамъ присягнулъ... Ты—измѣнникъ, ты — дезертиръ Николаевскій, калугеръ, не вѣримъ вамъ, подите прочь! Это дѣло не ваше; мы знаемъ, что дѣлаемъ. Скажи своему государю, чтобы онъ послалъ къ намъ Михаила Павловича. Мы съ нимъ хотимъ говорить; а ты, калугеръ, знай свою церковь» [37].

По показанію Штейнгеля, Каховскій въ отвѣтъ на рѣчь Серафима сказалъ: «полно, батюшка, не прежняя пора обманывать насъ; поди-ка на свое мѣсто!» Серафимъ нашелся отвѣтить только: «Христіанинъ ли ты? По крайней мѣрѣ поцѣлуй хотя крестъ». Каховскій поцѣловалъ крестъ. Когда Каховскому были прочитаны показанія Штейнгеля, онъ отрицалъ, что имъ были сказаны какія-либо дерзости, и разъяснилъ, что онъ говорилъ митрополиту: «Вы такъ же можете быть обмануты, какъ и прочіе». «Митрополитъ увѣрялъ крестомъ истину словъ своихъ и, обратясь ко мнѣ, сказалъ: «повѣрь хоть ему».—Въ то время я приложился къ кресту. Митрополитъ уговаривалъ не лить крови одноземцевъ, на что я отвѣчалъ: «мы сами сего страшимся, но можемъ быть къ тому вынуждены; просилъ его уговорить противную сторону не нападать, а что мы объявили наши требованія Сенату и никакъ не хотимъ и не съ тѣмъ сошлись, чтобы лить кровь, но лишь желаемъ законнаго порядка».

Вотъ все, что мы знаемъ о дѣйствіяхъ Каховскаго на площади.

Къ вечеру возстаніе было подавлено, мятежники разбѣжались. Начались аресты. Вечеромъ у Рылѣева

еще могли собраться кое-кто изъ заговорщиковъ: Штейнгель, Каховскій, Пущинъ. Каховскій разсказывалъ о своихъ дѣйствіяхъ — объ убійствѣ Милорадовича, о нанесеніи раны свитскому офицеру. Показывая кинжалъ, еще хранившій слѣды крови, онъ обратился съ слѣдующими словами къ Штейнгелю: «Вы, полковникъ, спасетесь, а мы погибнемъ; возьмите этотъ кинжалъ на память обо мнѣ и сохраните его». И въ этотъ моментъ пораженія и подавленности духа дѣйствія Каховскаго казались необыкновенными, вызывающими поклоненіе: кинжалъ становился реликвіей...

«Свободы тайной стражъ, карающій кинжалъ,
Послѣдній судія позора и обиды».

И Штейнгель, почтенный и миролюбивый Штейнгель, взялъ кинжалъ [38].

Полиція начала розыски Каховскаго уже вечеромъ 14 декабря. Въ первомъ часу ночи полицеймейстеръ явился къ Гречу и спросилъ у него, гдѣ живетъ Каховскій. Въ рукахъ у полицеймейстера была записка, на которой былъ написанъ адресъ «у Вознесенскаго моста, въ гостиницѣ Неаполь, въ домѣ Мюссаръ». Гречъ отозвался незнаніемъ. «Знаете ли вы, кто написалъ это? Самъ государь»—сказалъ полицеймейстеръ Гречу [39].

Полиція не нашла Каховскаго дома. Въ ночь на 15 онъ ночевалъ у Кожевникова. Онъ явился домой 15 декабря и здѣсь былъ арестованъ ожидавшимъ его казакомъ и отвезенъ въ Зимній дворецъ. 15 вечеромъ или 16 утромъ Каховскій предсталъ передъ Николаемъ Павловичемъ.

МАСКИ ИМПЕРАТОРА

Первые дни, первые мѣсяцы своего царствованія императоръ всероссійскій Николай Первый всю энергію, всѣ способности своего духа употребилъ на розыски по дѣлу декабристовъ. Всю жизнь въ немъ крѣпко и прочно сидѣлъ сыщикъ и слѣдователь, вѣчно подозрительный и выслѣживающій, вѣчно ищущій кого бы предать суду и наказанію. Но въ первые мѣсяцы царствованія эта основная сущность его души раскрылась съ необычайной полнотой и зловѣщей яркостью. Въ это время въ Россіи не было царя-правителя: былъ лишь царь-сыщикъ, слѣдователь и тюремщикъ. Вырвать признанія, вывернуть душу, вызвать на оговоры и извѣты — вотъ священная задача слѣдователя; и эту задачу въ концѣ 1825 и въ 1826 годахъ исполнялъ русскій императоръ съ необыкновеннымъ рвеніемъ и искусствомъ. Ни одинъ изъ выбранныхъ имъ слѣдователей не могъ и сравниться съ нимъ. Дѣйствительно, Николай Павловичъ могъ гордиться тѣмъ, что матеріалъ, который легъ въ основу слѣдствія, былъ добытъ имъ и только имъ на первыхъ же допросахъ. Безъ отдыха, безъ сна онъ допрашивалъ въ кабинетѣ своего дворца арестованныхъ, вынуждалъ признанія, по горячимъ слѣдамъ давалъ приказы о новыхъ арестахъ, отправлялъ съ собствен-

норучными записками допрошенныхъ въ крѣпость и въ этихъ запискахъ тщательно намѣчалъ тотъ способъ заключенія, который примѣнительно къ данному лицу могъ привести къ обнаруженіямъ, полезнымъ для слѣдственной комиссіи. За ничтожнѣйшими исключеніями, всѣ декабристы перебывали въ кабинетѣ дворца, передъ ясными очами своего царя и слѣдователя. Первыя сообщенія по дѣлу каждый изъ нихъ дѣлалъ ему или генералу, сидѣвшему передъ кабинетомъ, снимавшему допросы и тотчасъ же докладывавшему ихъ государю. Иногда государь слушалъ эти допросы, стоя за портьерами своего кабинета...

Одного за другимъ свозили въ Петербургъ со всѣхъ концовъ Россіи замѣшанныхъ въ дѣлѣ и доставляли въ Зимній дворецъ. Напряженно волнуясь, ждалъ ихъ въ своемъ кабинетѣ царь и подбиралъ маски, каждый разъ новыя для новаго лица. Для однихъ онъ былъ грознымъ монархомъ, котораго оскорбилъ его же вѣрноподданный, для другихъ — такимъ же гражданиномъ отечества, какъ и арестованный, стоявшій передъ нимъ; для третьихъ—старымъ солдатомъ, страдающимъ за честь мундира; для четвертыхъ—монархомъ, готовымъ произнести конституціонные завѣты; для пятыхъ—русскимъ, плачущимъ надъ бѣдствіями отчизны и страстно жаждущимъ исправленія всѣхъ золъ. А онъ на самомъ дѣлѣ не былъ ни тѣмъ, ни другимъ, ни третьимъ: онъ просто боялся за свое существованіе и неутомимо искалъ всѣхъ нитей заговора съ тѣмъ, чтобы всѣ эти нити съ корнемъ вырвать и успокоиться.

Одинъ изъ привлеченныхъ къ дѣлу, простодушный и искренній Гангебловъ, въ нѣсколько наивныхъ вы-

раженіяхъ передаетъ впечатлѣніе, которое произвелъ на него царь-слѣдователь. Отмѣтивъ, что членъ слѣдственной комиссіи генералъ Чернышовъ не прочь былъ вслухъ прочесть то, чего не было въ бумагѣ, Гангебловъ пишетъ: «Болѣе и чаще всего мнѣ приходили на память вопросы, которые мнѣ были задаваемы самимъ государемъ. Тутъ не могло встрѣтиться ничего подобнаго тому, что при неудачѣ могло бы случиться съ Чернышовымъ. Государь прямо не уличалъ меня въ преступленіи; всѣ его дознанія предлагаемы имъ были въ формѣ вопросовъ, а вопросъ не есть улика. Нельзя не изумиться неутомимости и терпѣнію Николая Павловича. Онъ не пренебрегалъ ничѣмъ: не разбирая чиновъ, снисходилъ до личнаго, можно сказать, бесѣдованія съ арестованными, старался уловить истину въ самомъ выраженіи глазъ, въ самой интонаціи словъ отвѣтчика. Успѣшности этихъ попытокъ много, конечно, помогала и самая наружность государя, его величавая осанка, античныя черты лица, особливо его взглядъ: когда Николай Павловичъ находился въ спокойномъ, милостивомъ расположеніи духа, его глаза выражали обаятельную доброту и ласковость; но когда онъ былъ въ гнѣвѣ, тѣ же глаза метали молніи».

Внѣшними средствами, находившимися въ его распоряженіи, Николай Павловичъ воспользовался сообразно съ обстоятельствами. Онъ зналъ, кого нужно приласкать, чтобы заставить говорить, и кого напугать такъ, чтобъ онъ говорилъ, почти не останавливаясь.

Съ величайшимъ любопытствомъ слѣдишь за измѣненіями въ пріемахъ Николая Павловича.

Къ наивному молодому офицеру, пажу ея величества Гангеблову, Николай Павловичъ подходилъ съ ухватками ласковой кошки. «Что вы, батюшка, надѣлали?.. Что вы это только надѣлали?.. Вы знаете, за что вы арестованы?».. — говорилъ онъ ему. И, взявъ Гангеблова подъ руку, не сводя съ глазъ пристальнаго взора, онъ водилъ его по залѣ. «Я съ вами откровенъ, платите и вы мнѣ тѣмъ же» и т. д. [40]. И всѣ эти обороты для того, чтобы выудить признаніе въ принадлежности къ обществу.

Съ трепещущимъ отъ страха Ѳ. Н. Глинкой царь обошелся иначе. «Послѣ подробнаго вопрошенія, сдѣланнаго ему прозорливымъ испытателемъ въ императорскомъ дворцѣ, государь съ неизъяснимымъ благоволеніемъ изволилъ сказать ему: «Ты можешь оставаться спокоенъ: будь покоенъ» [41]. И этой фразы было достаточно для того, чтобы Глинка исписывалъ цѣлые листы со всевозможными подробностями объ обществѣ.

Николая Бестужева царь принялъ ласково и, замѣтивъ въ немъ чувства страстной любви къ отечеству, сказалъ ему: «Вы знаете, что все въ моихъ рукахъ, что могу простить вамъ, и если бы могъ увѣриться въ томъ, что впредь буду имѣть въ васъ вѣрнаго слугу, готовъ простить вамъ» [42].

Со Штейнгелемъ, отцомъ не малочисленнаго семейства, человѣкомъ далеко не молодымъ, Николай обошелся иначе, да такъ, что онъ на всю жизнь не забылъ подробностей своей встрѣчи съ царемъ. «Штейнгель, и ты тутъ?» — сказалъ государь. — «Я только былъ знакомъ съ Рылѣевымъ»,—отвѣчалъ я.—«Какъ ты родня графу Штейнгелю?» — «Племянникъ его ни мыслями, ни чувствами не участвовалъ въ рево

люціонныхъ замыслахъ; и могъ ли участвовать, имѣя кучу дѣтей!» — «Дѣти ничего не значатъ, — прервалъ государь, — твои дѣти будутъ мои дѣти! Такъ ты зналъ о ихъ замыслахъ?» — «Зналъ, государь, отъ Рылѣева?» — «Зналъ и не сказалъ, не стыдно ли?» — «Государь, я не могъ и мысли допустить дать кому-нибудь право назвать меня подлецомъ!» — «А теперь какъ тебя назовутъ?» — спросилъ государь саркастически, гнѣвнымъ тономъ. Я нерѣшительно взглянулъ въ глаза государя и потупилъ взоръ. «Ну, прошу не прогнѣваться, ты видишь, что и мое положеніе не завидно», сказалъ государь съ ощутительною угрозою въ голосѣ и повелѣлъ отвести въ крѣпость. Одно воспоминаніе объ этой минутѣ, чрезъ столько лѣтъ, приводитъ въ трепетъ. «Твои дѣти будутъ мои дѣти» и это «прошу не прогнѣваться» казались мнѣ смертнымъ приговоромъ. *Съ этой минуты я былъ уже не въ нормальномъ положеніи* [43]. Въ другомъ мѣстѣ своихъ записокъ Штейнгель не безъ иронiи пишетъ: «Гнѣвъ еще преобладалъ въ государѣ: укоризны, сарказмы напоминали слова Царя-пророка: «прощеніе царево подобно рыканію льва», и заставляли сожалѣть о забытіи продолженія этихъ словъ: «яко трава злаку, тако тихость есть» [44].

— Говорите всю правду, — сказалъ Николай Павловичъ Басаргину передъ допросомъ, — а если скросте что-нибудь, то пеняйте на себя [45].

»Методъ устрашенія и стремительнаго нападенія Николай Павловичъ примѣнилъ къ Лореру и Якушкину, освѣдомившись объ ихъ отказѣ назвать соучастниковъ.

«Я — вспоминалъ Лореръ — мысленно сталъ готовиться, чтобы сумѣть отвѣтить государю прилично,

но съ чувствомъ собственнаго достоинства... Оправдываться я не хотѣлъ, да и не для чего... Недолго продолжались мои приготовленія, послышался шумъ, и Левашевъ, заглянувъ ко мнѣ за ширмы, просилъ меня пожаловать. Изъ другого конца длинной залы шелъ государь въ измайловскомъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ крючки и пуговицы. Лицо его было блѣдно, волосы взъерошены... Никогда не удавалось мнѣ его видѣть такимъ. Я твердыми шагами пошелъ было ему навстрѣчу, но онъ издали еще движеніемъ руки меня остановилъ, и самъ тихо подходилъ ко мнѣ, мѣряя меня глазами... Я почтительно поклонился.

«Знаете ли вы наши законы?» началъ онъ. «Знаю, ваше величество».—«Знаете ли, какая участь васъ ожидаетъ? Смерть!» и онъ показалъ, проведя рукой по своей шеѣ. Я молчалъ.

«Чернышевъ васъ долго убѣждалъ сознаться во всемъ, что вы знаете и должны знать, а вы все финтили. У васъ нѣтъ чести, милостивый государь». Тутъ я невольно вздрогнулъ, у меня захватило дыханіе, и я невольно проговорилъ: «Я въ первый разъ слышу это слово, государь»... Государь сейчасъ опомнился и ужъ гораздо мягче продолжалъ: «Сами виноваты, сами... Вашъ бывшій полковой командиръ погибъ; ему нѣтъ спасенія... А вы должны мнѣ все сказать... Вы пользовались его дружбой и должны мнѣ все сказать, слышите ли... а не то погибнете, какъ и онъ»... «Ваше величество,—началъ я—я ничего болѣе не могу прибавить къ моимъ показаніямъ въ отвѣтныхъ моихъ пунктахъ... Я никогда не былъ заговорщикомъ, якобинцемъ, всегда былъ противникъ республики, любилъ покойнаго государя императора

и только желалъ для блага моего отечества коренныхъ правдивыхъ законовъ. Можетъ-быть, и заблуждался, но мыслилъ и дѣйствовалъ по своему убѣжденію»... Государь слушалъ меня внимательно и вдругъ, подойдя ко мнѣ быстро, взялъ меня за плечи, повернулъ къ свѣту лампы и посмотрѣлъ мнѣ въ глаза. Тогда движеніе это и дѣйствіе меня удивило, но послѣ я догадался, что государь, по суевѣрію своему, искалъ у меня глазъ черныхъ, предполагая ихъ принадлежностью истыхъ карбонаріевъ и либераловъ. Но у меня онъ нашелъ глаза сѣрые и вовсе не страшные. Государь сказалъ что-то на ухо Левашеву и ушелъ [46].

Разговоръ его съ Якушкинымъ тоже необычайно ярокъ и красоченъ.

— Вы нарушили вашу присягу?

— Виноватъ, государь.

— Что васъ ожидаетъ на томъ свѣтѣ? Проклятіе. Мнѣніе людей вы можете презирать, но что ожидаетъ васъ на томъ свѣтѣ, должно васъ ужаснуть. Впрочемъ, я не хочу васъ окончательно губить: я пришлю къ вамъ священника. Что же вы мнѣ ничего не отвѣчаете?

— Что вамъ угодно, государь, отъ меня?

— Я, кажется, говорю вамъ довольно ясно; если не хотите губить ваше семейство и чтобы съ вами обращались какъ съ свиньей, то вы должны во всемъ признаться.

— Я далъ слово не называть никого; все же, что зналъ про себя, я уже сказалъ его превосходительству, — отвѣтилъ я, указывая на Левашова, стоящаго поодаль въ почтительномъ положеніи.

— Что вы мнѣ съ его превосходительствомъ и съ вашимъ мерзкимъ честнымъ словомъ!

— Назвать, государь, я никого не могу.

Новый императоръ отскочилъ три шага назадъ, протянулъ ко мнѣ руку и сказалъ: «заковать его такъ, чтобъ онъ пошевелиться не могъ» [47].

Собственноручная записка Николая Перваго, при которой Якушкина препроводили изъ дворца въ крѣпость, была слѣдующаго содержанія: «Присылаемаго Якушкина заковать въ ножныя и ручныя желѣза; поступать съ нимъ строго и не иначе содержать, какъ злодѣя». Но Якушкинъ былъ однимъ изъ всѣхъ совсѣмъ немногихъ, на кого не подѣйствовали ухищренія Николая. Правда, примѣненному здѣсь методу нельзя отказать въ значительной долѣ грубости. Животный страхъ смертп, физическихъ мукъ былъ чуждъ декабристамъ. Этимъ страхомъ, быть можетъ, отмѣченъ только одинъ князь С. П. Трубецкой, въ слезахъ цѣловавшій руки Николая Павловича и молившій о жизни. «La vie, Sire, la vie!» [48] Трубецкой вымолилъ себѣ жизнь цѣной подробнѣйшихъ признаній. Его избраніе въ диктаторы—удивительная насмѣшка судьбы надъ декабристами.

Декабристовъ, искреннихъ и увлекающихся людей, энтузіастовъ, можно было поймать на благородство. Нужно было запрятать глубоко свою ненависть къ нимъ, разыграть роль человѣка, заботящагося только о томъ, чтобы родина избавилась, наконецъ, отъ золъ и бѣдствій. И Николай Павловичъ прекрасно разыгрывалъ эту роль. Онъ прикидывался почти ихъ единомышленникомъ. Въ разговорахъ съ ними онъ, очевидно, раздѣлялъ всѣ ихъ мнѣнія о неустройствѣ родины и средствахъ исправленія всѣхъ золъ. Онъ сумѣлъ вселить въ нихъ увѣренность, что онъ-то и

есть тотъ правитель, который воплотитъ ихъ мечтанія и облагодѣтельствуетъ Россію. Вскрывалось роковое недоразумѣніе: они шли съ оружіемъ въ рукахъ на друга своего дѣла. Вооруженное возстаніе оказывалось не нужнымъ и гибельнымъ. Нужно — это было такъ очевидно—предупредить вспышки въ другихъ мѣстахъ Россіи, лишить возможности дѣйствовать тѣхъ, кто еще оставался на свободѣ. Только такая психологія, созданная подъ впечатлѣніемъ тонкой, артистической игры царя-слѣдователя, объясняетъ буквально взрывъ признаній, раскаяній, оговоровъ, оглашавшихъ царскій кабинетъ въ Зимнемъ дворцѣ. «Опытъ показалъ — писалъ въ первомъ своемъ показаніи 14 же декабря Рылѣевъ — что мы мечтали, полагаясь на такихъ людей, какъ князь Трубецкой. Страшась, чтобы подобные же люди не затѣяли чего-нибудь подобнаго на югѣ, я *долгомъ совѣсти и честнаго гражданина* почитаю объявить, что около Кіева въ полкахъ существуетъ общество. Трубецкой можетъ пояснить и назвать главныхъ. Надо взять мѣры, дабы тамо не вспыхнуло возмущенія» [49]. И почти всѣ они на первыхъ же допросахъ спѣшили предупредить возможное возмущеніе и возможныя дѣйствія со стороны остающихся на свободѣ. Они выдавали поголовно всѣхъ соучастниковъ, казалось, забывъ объ участи, ихъ ожидающей. Правда, Николай Павловичъ усыплялъ ихъ безпокойство, представляя грядущее наказаніе незначительнымъ. Каховскій и Пестель, напримѣръ, совершенно не ждали смертной казни. Чрезвычайно характерныя подробности передаетъ Д. И. Завалишинъ объ убѣжденіяхъ, исходившихъ отъ комитета и священника и повторявшихъ, быть можетъ, рѣчи самого Николая. «Неужели

же думаете вы, — говорили обвиняемымъ, — что для государя важно наказать нѣсколько человѣкъ? Вотъ онъ не только простилъ Суворова, но и произвелъ его въ офицеры за его откровенность, потому что онъ объяснилъ ему, почему его образъ мыслей былъ республиканскій. На той высотѣ, на которой стоитъ Государь, нельзя ему не видѣть того, что признаетъ и всякій умный и образованный человѣкъ, что если отдѣльныя лица и могутъ быть виноваты, то были же общія законныя причины неудовольствія, если онѣ могли увлечь такую массу людей вопреки ихъ личнымъ интересамъ. Поэтому ясно, для Государя важнѣе знать эти общія причины, нежели виновность того или другого лица. Вы знаете, что у высокопоставленныхъ людей въ рѣшеніи государственныхъ дѣлъ политическія соображенія стоятъ выше всего. Вы знаете, что послѣ этихъ соображеній даже прямые участники въ смерти Петра III и Павла не только не подверглись отвѣтственности, но и были возведены на высшія государственныя званія. Мы увѣрены, что по раскрытіи всего дѣла будетъ объявлена всеобщая амнистія. Говорятъ уже, что Государь даже выразился, что удивитъ Россію и Европу» [50]. Такъ притуплялось острое чувство отвѣтственности передъ другими членами, чувство боязни передъ карами.

Всѣ письма декабристовъ изъ крѣпости, всѣ показанія переполнены восхваленіями милосердія государя, милосердія, не грядущаго, а настоящаго. Онъ умѣло возбуждалъ столь свойственное благороднымъ людямъ чувство благодарности.

Тѣмъ, кто смертельно тосковалъ о судьбѣ жены, дѣтей, онъ обѣщалъ свои царственныя заботы и, дѣй-

ствительно, заботился. Заканчивая свое признаніе, 16 декабря Рылѣевъ писалъ царю: «Свою судьбу вручаю тебѣ, государь: я отецъ семейства» [51]. Такъ, послѣ этихъ словъ Николай Павловичъ даже 2.000 рублей прислалъ женѣ Рылѣева, и Рылѣевъ сталъ его. «Молись Богу за императорскій домъ, — писалъ Рылѣевъ женѣ 28 декабря,—я могъ заблуждаться, могу и впередъ, но быть неблагодарнымъ не могу. Милости, оказанныя намъ Государемъ и Императрицей, глубоко врѣзались въ сердце мое. Что бы со мной ни было, буду жить и умру для нихъ» [52]. Императоръ Николай пригрѣлъ дѣтей и повѣсилъ отца.

Тѣмъ, кто страдалъ объ отцѣ или матери, онъ разрѣшалъ писать или давалъ свиданія. И онъ удивительно умѣлъ обставлять эти разрѣшенія писемъ и свиданій: заключеннымъ они казались результатомъ глубочайшаго милосердія, а не обычнымъ и должнымъ выраженіемъ человѣческаго отношенія. И опять размягчалось благодарное сердце, и развязывался языкъ. Князь Оболенскій на первыхъ допросахъ открылъ многое и многихъ, но не все и не всѣхъ. Многіе остались скрыты въ сердцѣ его. «Могъ ли я тою самою рукой, — писалъ кн. Оболенскій царю, — которая была имъ залогомъ вѣрности, предать ихъ суду, тобою назначенному... Я не въ силахъ былъ исполнить сей жестокой обязанности». Но... царь разрѣшилъ передать кн. Оболенскому письмо его престарѣлаго отца, нѣжно имъ любимаго. Тутъ благодарное сердце не выдержало. «Вѣра, примиривъ меня съ совѣстію моею, вмѣстѣ съ тѣмъ представила высшія отношенія мои; *милосердіе же твое, о Государь, меня побѣдило.* Въ то время, когда я лишился всѣхъ надеждъ, когда темница

сдѣлалась мой міръ, а голыя стѣны оной — товарищами моей жизни, маніемъ благотворной руки твоей письмо отца моего, какъ ангелъ-утѣшитель, принесло спокойствіе и отраду душѣ моей. Благодѣяніе твое, монархъ милосердный, воззрѣніе твое на мольбу семидесятилѣтняго старца — останется незабвеннымъ въ душѣ моей. И потому, видя въ тебѣ не строгаго судью, но отца милосерднаго, я, съ твердымъ упованіемъ на благость твою, повергаю тебѣ жребій чадъ твоихъ, которыя не поступками, но желаніями сердца могли заслуживать твой гнѣвъ» [53]. Но какъ актеръ, играющій короля, въ дѣйствительности не имѣетъ въ своей душѣ ничего королевскаго, такъ и Николай Павловичъ, игравшій роль благороднаго гражданина, былъ совершенно чуждъ истинному благородству. И милосердіе оказалось только на словахъ. Взявъ отъ своихъ жертвъ все, что было можно и нужно взять, онъ подвергъ ихъ жесточайшимъ наказаніямъ. Онъ, такъ много выигравшій отъ чувства благодарности, живущаго въ благородномъ сердцѣ, отстранилъ отъ самого себя малѣйшія обязательства признательности и благодарности.

Итакъ, государь выдавалъ себя не за того, кѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ: государь игралъ. Въ дни и мѣсяцы сыска надъ декабристами Николай Павловичъ показалъ свое лицо въ неожиданомъ, зловѣщемъ освѣщеніи. Царь-актеръ, искусно мѣняющій личины... Изъ этой его духовной сущности, открывшейся въ началѣ царствованія, мы должны исходить, если желаемъ понять его личность, его образъ дѣйствія во всей послѣдующей жизни. Онъ всегда умѣлъ провести наблюдателей, которые простодушно вѣрили въ его искрен-

ность, благородство, смѣлость, а вѣдь онъ только игралъ. И Пушкинъ, великій Пушкинъ, былъ побѣжденъ его игрой. Онъ думалъ въ простотѣ души, что царь почтилъ въ немъ вдохновенье, но духъ державный въ немъ не жестокъ... А для Николая Павловича Пушкинъ былъ просто шалопаемъ, требующимъ надзора. Снисходительность же объясняется исключительно желаніемъ и изъ поэта извлечь возможно большую выгоду...

Каховскій стоялъ передъ «тираномъ», котораго онъ только что собирался поразить для блага родины, передъ царемъ, въ договоръ съ которымъ онъ не вѣрилъ, передъ «врагомъ отечества». Но новый царь явился передъ нимъ какъ бы преображеннымъ, такимъ, какого онъ и встрѣтить не ожидалъ. Такъ же, какъ и Каховскій, онъ болѣлъ несчастіями родины, такъ же, какъ и первый, онъ вѣрилъ въ одни и тѣ же средства избавленія. Многоликій, онъ открылъ одинъ изъ своихъ ликовъ — ликъ царя-гражданина и реформатора. Но этотъ ликъ—лишь маска. Николай Первый въ такой же мѣрѣ могъ быть царемъ-реформаторомъ, въ какой шефъ жандармовъ Бенкендорфъ — поэтомъ и композиторомъ. Помимо гражданина и реформатора, въ Николаѣ Павловичѣ открылся для Каховскаго новый для него человѣкъ, полный благородства, истинной щедрости духа, способный понять сложнѣйшіе и интимнѣйшіе намеки его души. Вотъ тутъ-то, при столкновеніи съ живымъ человѣкомъ, терпѣлъ крушеніе идеалъ политическаго убійства. Казалось легкимъ убить отвлеченнаго человѣка, поработителя свободы, тирана, деспота, и вдругъ почувствовалась вся неизмѣримая тяжесть убійства вотъ этого, стоящаго передъ нимъ человѣка, Николая Павловича Рóманова, почти такого же,

какъ онъ самъ. И Каховскій не имѣлъ силъ даже признаться въ своихъ замыслахъ, когда услышалъ изъ устъ этого человѣка коротенькую фразу: «а насъ всѣхъ зарѣзать хотѣли!»

Между царемъ и государственнымъ преступникомъ произошелъ долгій разговоръ. Каховскій разсказывалъ о неустройствѣ родины, о всѣхъ недостаткахъ, о всякомъ злѣ, словомъ обо всемъ, что̀ явилось причиною основанія тайнаго общества. Нужно думать, что онъ былъ необыкновенно краснорѣчивъ, пылокъ и одушевленъ. Его письма къ царю и генералу Левашову, въ которыхъ онъ изложилъ, очевидно, все, что было предметомъ разговора, являются образцомъ эпистолярнаго стиля. Ему казалось, что самъ Николай Павловичъ не могъ бы поступить иначе: — «Взгляните на состояніе народное, что есть у насъ, — писалъ онъ впослѣдствіи (19 марта) царю, — безопасность лицъ и собственность ничѣмъ не ограждены; совершенное отсутствіе закона и справедливости въ судопроизводствѣ, тяжкіе налоги, взимаемые не съ пріобрѣтеній, но разрушающіе капиталы; убитая торговля, сжатое просвѣщеніе, задушенная свобода,—вотъ наше богатство, наше достояніе. Государь, станьте частнымъ лицомъ въ государствѣ нашемъ и спросите самого себя, что̀ бы вы произвели на нашемъ мѣстѣ, когда бы подобный вамъ человѣкъ могъ располагать вами по своему произволу, какъ вещью».

Слушая рѣчи Каховскаго, царь плакалъ. «Государь,— писалъ Каховскій въ томъ же письмѣ. — Что было причиной заговора нашего, спросите самого себя, что, какъ не бѣдствія отечества? Добрый государь, я видѣлъ слезы состраданія на глазахъ вашихъ. Вы—чело-

вѣкъ, вы поймете меня! Можно ли допустить человѣку, намъ всѣмъ подобному, вертѣть по своему произволу участью пятидесяти милліоновъ людей? Гдѣ, укажите мнѣ страну, откройте исторію, гдѣ, когда были счастливы народы подъ властью самодержавною, безъ закона, безъ правъ, безъ собственности?» Въ отвѣтъ на страстныя рѣчи Каховскаго, что могъ сказать Николай Павловичъ? Да только пожалѣть, почему же обо всѣхъ этихъ бѣдахъ не писали государю! «Его Величеству, — писалъ Каховскій 24 февраля генералу Левашову, — угодно было сказать мнѣ: «зачѣмъ я не писалъ къ покойному императору о извѣстныхъ мнѣ неустройствахъ? Многіе, очень многіе писали, но не внимали имъ».

Страстнымъ воплямъ Каховскаго о необходимости взяться за устройство родины Николай Первый противопоставилъ фразу и обольстилъ его фразой: «Я самъ есть первый гражданинъ отечества» — сказалъ онъ Каховскому. И черезъ день послѣ свиданія-допроса тотъ писалъ царю: «Счастливъ подданный, слышавшій отъ своего монарха: «Я самъ есть первый гражданинъ отечества». Дай Богъ, чтобы отечество было у насъ въ совокупности съ государемъ. Я, желающій блага моей милой родинѣ, благословляю судьбу, имѣя случай излить чувства и мысли мои передъ монархомъ моимъ, обѣщающимъ быть отцомъ отечества». Итакъ, царственная игра зашла далеко. Каховскій забылъ свое недовѣріе къ власти, и Николай сталъ для него отцомъ отечества, а то, что было на Сенатской площади, вдругъ оказалось такимъ ненужнымъ, братоубійственнымъ и преступнымъ.

Царь, казалось, подмѣтилъ кое-какія особенности Каховскаго. Онъ почувствовалъ его антипатію къ иностранцамъ и отозвался на нее. «Слава Богу,—писалъ тотъ въ первомъ же письмѣ къ царю, — вы не презираете именемъ русскаго. Я замѣтилъ, какъ сказали вы: «Кто можетъ сказать, что я не русскій!» Такъ, государь, вы русскій. Любите народъ свой, а народъ будетъ боготворить въ васъ отца своего». Должно быть,— мы не можемъ утверждать съ достовѣрностью, но письма даютъ право на такое заключеніе,—Каховскій разсказалъ Николаю о своей жизни, и Николай увидѣлъ, какой это былъ одинокій, заброшенный и несчастный человѣкъ, увидѣлъ и сейчасъ же воспользовался этимъ. Послѣ перваго допроса онъ отослалъ Каховскаго въ крѣпость съ слѣдующей запиской: «Присылаемаго Каховскаго посадить въ Алексѣевскій равелинъ, давъ бумагу, пусть пишетъ, что хочетъ, не давая сообщаться». Эту записку А. Я. Сукинъ, комендантъ Петропавловской крѣпости, получилъ въ половинѣ 3 пополудни 16 декабря. Послѣ второго свиданія-допроса Николай Павловичъ прислалъ слѣдующую записку: «Каховскаго содержать лучше обыкновеннаго содержанія, давать ему чай и прочее, что пожелаетъ, но съ должною осторожностью. Адъютанта герцога Александра Бестужева заковать, ибо по всѣмъ вѣроятіямъ онъ убійца штыкомъ графа Милорадовича. *Содержаніе Каховскаго я принимаю на себя* [54]. Сукинъ доносилъ комиссіи: «При Высочайшемъ Е. И. Величества повелѣніи возвращенный арестантъ Каховскій посаженъ въ прежній казематъ, гдѣ и будетъ получать повелѣнное ему лучшее содержаніе» [55]. Каховскій былъ возвращенъ 18 декабря въ $9^1/_2$ часовъ вечера. Такимъ

образомъ, послѣ 14 декабря Николай Павловичъ становился для Каховскаго до нѣкоторой степени тѣмъ же, чѣмъ былъ для него до 14 декабря Рылѣевъ: матеріальной поддержкой. И чувство благодарности было приподнято и разрѣшалось отзывчивостью...

Роль царя-реформатора была сыграна съ необыкновеннымъ успѣхомъ. Вернувшись изъ дворца въ крѣпость и получивъ бумагу, Каховскій 17 декабря набросалъ письмо государю. Онъ началъ съ изложенія причинъ, отторгнувшихъ его отъ монарха. Онъ писалъ о томъ, что страна стонетъ и ропщетъ подъ бременемъ налоговъ, прямыхъ и косвенныхъ, иногда взыскиваемыхъ даже вдвойнѣ (таковъ подорожный налогъ, уплачиваемый два раза: натурой и деньгами). Онъ указывалъ на стѣсненія торговли, причиняемыя запретительной системой, на вредъ казенныхъ монополій и тарифовъ. Онъ перечислялъ вопіющіе недостатки русскаго судопроизводства: неясность, недостаточность и противорѣчіе существующихъ законовъ, судебную волокиту, необезпеченность чиновниковъ, являющуюся причиной взяточничества. Онъ порицалъ предпочтеніе, оказываемое иностранцамъ и обижающее русскихъ, и упоминалъ о полнѣйшемъ отсутствіи просвѣщенія.

«Вотъ причины,—заканчивалъ Каховскій,—великодушный Государь, отторгнувшія меня отъ моего монарха.

«Желаю вѣрить, что вы, Государь, облегчите участь народа русскаго, вышнимъ промысломъ ввѣреннаго.

«Государь! я не умѣю, не могу и не хочу льстить; *со вчерашняго вечера я полюбилъ васъ, какъ человѣка,*

и всѣмъ сердцемъ желаю любить въ васъ моего монарха, отца отечества.

«Вы ко мнѣ милосерды, ваше великодушіе меня обезоруживаетъ: вы умѣли уже нѣсколько меня привязать къ себѣ. Но, Государь, что я? 50 милліоновъ ждутъ вашей благости, ждутъ отъ васъ своего счастія. Какое поприще для вашей славы, для вашего величія».

Для человѣка, сильно и тонко чувствующаго, великодушіе царя, котораго только что собирался предать смерти, было дѣйствительно мучительно. Оно не только обезоруживало, оно вызывало сильнѣйшія мученія совѣсти. Отмѣтимъ, что Каховскій не рѣшился съ самаго же начала признаться въ своемъ сокровенномъ замыслѣ. Онъ попстинѣ чувствовалъ себя преступникомъ передъ человѣкомъ, который въ первый же часъ разговора суѣмѣлъ привязать его къ себѣ. Каховскій былъ, по собственному его выраженію, растерзанъ милосердіемъ къ нему государя. Единственное оправданіе, единственное духовное утѣшеніе въ случившемся онъ видѣлъ лишь въ безкорыстіи и чистотѣ помысловъ, въ глубинѣ своей приверженности къ благу родины.

Царственныя заботы о Каховскомъ были вознаграждены, и сыскъ, произведенный «отцомъ отечества», принесъ благіе плоды. Преступникъ въ порывѣ благодарности и изумленія передъ мнимымъ величіемъ души не отказалъ царю въ признаніяхъ и открытіяхъ. Онъ открылъ цѣли общества. «Скрытыя намѣренія общества,—писалъ онъ въ первомъ показаніи,—заключались въ томъ, чтобы даровать каждому гражданину право собственную и личную безопасность оградить зако-

нами... Въ душѣ считалъ себя честнымъ. Личнаго намѣренія я не имѣлъ, всѣ желанія мои относились къ отечеству моему. Положеніе государства приводило меня въ трепетъ: финансы разстроенные, отсутствіе справедливости въ судахъ, корыстолюбіе, уничтоженіе внѣшней коммерціи, все сіе предшествовало въ глазахъ моихъ полному разрушенію. Одно спасеніе полагалъ я въ составленіи законовъ и принятіи оныхъ непоколебимымъ вождемъ, ограждающимъ собственность и лицо каждаго». Вспомнимъ, что подъ закономъ Каховскій разумѣлъ конституцію. «Въ здравомъ смыслѣ, — говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ,—*законъ есть воля народная!*» Каховскій открылъ ближайшіе планы общества, между прочимъ, планъ предполагавшагося занятія дворца Якубовичемъ. Наконецъ, онъ назвалъ членовъ общества, какъ принятыхъ имъ, такъ и извѣстныхъ ему. Онъ заявилъ, что имъ приняты Сутгофъ, Пановъ, Кожевниковъ, Глѣбовъ. Сохранившіеся офиціальные документы не передаютъ, очевидно, всѣхъ признаній и открытій, сдѣланныхъ Каховскимъ: часть ихъ не была положена на бумагу. Но замѣтимъ теперь же—его открытія не могли быть такъ подавляющи и всеобъемлющи, какъ, напримѣръ, сдѣланныя князьями Трубецкимъ и Оболенскимъ, Рылѣевымъ. Впрочемъ для объективной оцѣнки дѣйствій Каховскаго это указаніе не имѣетъ значенія. Но Каховскій умолчалъ объ одномъ очень важномъ обстоятельствѣ. Онъ не открылъ ничего о намѣреніяхъ общества устранить царствующую фамилію и о своей роли въ вопросѣ о цареубійствѣ. Для Николая и его слѣдователей какъ разъ этотъ пунктъ и представлялся самымъ существеннымъ.

Больнѣе всего для Каховскаго было назвать другихъ членовъ общества, въ томъ числѣ и принятыхъ имъ. 21 декабря Каховскій писалъ генералу Левашову: «Государь императоръ чрезмѣрно милосердъ ко мнѣ; я не имѣю словъ благодарить его за милостивое его ко мнѣ вниманіе. Положеніе мое облегчено: онъ позволилъ мнѣ писать къ моимъ роднымъ [56]. Ваше превосходительство! есть несчастныя жертвы, которыхъ я губитель; они меньше меня виноваты, я увлекъ ихъ, а положеніе мое облегчено, и не могу раздѣлить съ ними одной участи: это мучительно! Ваше превосходительство! я прибѣгаю къ вамъ съ моею просьбою сдѣлать милость доложить его величеству: я съ радостью отказываюсь отъ всѣхъ льготъ, отказываюсь писать къ роднымъ моимъ и прошу одной милости: чтобы облегчили судьбу Сутгофа, Панова, Кожевникова, Глѣбова. У нихъ у всѣхъ многочисленныя семейства, которыхъ я убійца. Пановъ имѣетъ невѣсту, онъ помолвленъ, посудите объ его положеніи! Ваше превосходительство, вы имѣете сердце, не отриньте мольбу мою. Государь милосердъ; если онъ сострадателенъ ко мнѣ, преступнику, то я надѣюсь, по вашему ходатайству, онъ не откажетъ облегчить положеніе менѣе меня виновныхъ».

Смертныя муки онъ переживалъ въ крѣпости, вспоминая о своихъ признаніяхъ. И они стали особенно тяжелы, когда онъ увидѣлъ, что грозятъ серьезнѣйшія кары и наказанія, о которыхъ онъ какъ-то не думалъ въ первые мѣсяцы. Нужно отмѣтить, что признанія были исторгнуты послѣ какихъ-то увѣреній и ручательствъ, данныхъ ему властями. 14 марта, отвѣчая на вопросы комитета, Каховскій писалъ: «если, что

показывалъ, показывалъ истину; не для спасенія своего' *но послѣ ручательства оберъ-полицеймейстера и нѣкоторыхъ господъ генераловъ и офицеровъ во дворцѣ;* я былъ тронутъ до глубины сердца мягкостью обхожденія господина генералъ-адъютанта Левашова и милосердіемъ государя императора». А 19 марта Каховскій писалъ Николаю: «Простите, великодушный Государь, что я преступникъ и смѣю еще просить вашей милости. *Увлеченный чувствами, я сдѣлалъ открытіе о тайномъ обществѣ, не соображаясь съ разсудкомъ, но по движенію сердца, къ вамъ благодарнаго;* и, можетъ, то сказалъ, чего бы не открыли другіе члены онаго. Я — преступникъ передъ вами, преступникъ передъ обществомъ, передъ людьми несчастными, мной въ него принятыми. Легко погибнуть самому, но быть причиной гибели другихъ — мука нестерпимая. Я, растерзанный, у ногъ вашихъ, умоляю: Государь! спасите несчастныхъ! Свобода обольстительна; я, распаленный ею, увлекъ офицеровъ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка поручиковъ: Сутгофа, Панова, подпоручика Кожевникова, прапорщика Жеребцова и генеральнаго штаба прапорщика Палицына. Коллежскій секретарь Глѣбовъ зналъ о существованіи общества, но не принадлежалъ къ оному. Всѣ сіи люди имѣютъ семейства, отцовъ, матерей, а я сталъ ихъ убійцею. Не зная меня, они были бы счастливы. Государь, вы сами отецъ, вы человѣкъ, посудите страданіе несчастныхъ, невинныхъ семействъ. Обманутый Рылѣевымъ, я и ихъ обманывалъ. Я—злодѣй ужасный, всему причиною; пусть на мнѣ кончатся ихъ мученія; а они, исполненные благодарностью, могутъ быть полезнѣе вамъ, отечеству и заслужить свое неблагора-

зуміе. Спасите ихъ, великодушный Государь! Я умру, благословляя милосердіе вашего императорскаго величества. Можетъ быть, выраженія мои неприличны, Государь; дерзокъ поступокъ, что осмѣлился писать къ вашему величеству. Простите мнѣ то: я не рожденъ у двора, а послѣдовалъ движенію сердца».

Мучительныя опасенія за судьбу выданныхъ имъ товарищей смѣнялись угрызеніями совѣсти, нечистой по отношенію къ царю. Каховскій метался во всѣ стороны. Памятникомъ этихъ душевныхъ волненій остались слѣдующія строки, набросанныя вскорѣ послѣ перваго допроса-свиданія: «Государь! я сдѣлался предъ вами преступникомъ, увлекаясь любовью къ отечеству. Я никогда не могъ принадлежать никакому обществу. Я никогда ничего не желалъ себѣ. Я принадлежу благу общему и всегда готовъ запечатлѣть любовь мою къ отечеству послѣдней каплей крови моей. Намѣренія мои были чисты, но въ способахъ я вижу заблужденіе. Не смѣю просить васъ простить мое заблужденіе; я и такъ растерзанъ вашимъ ко мнѣ милосердіемъ. Я не способенъ никому измѣнять; я не измѣнялъ и обществу, но общество само своимъ безумісмъ измѣнило себѣ...

«Государь! отъ васъ зависитъ благоденствіе наше, мы вамъ ввѣрены; я отдаюсь вамъ, я вашъ. Есть существо, проницающее въ изгибы сердецъ человѣческихъ, оно видитъ, что я говорю истину — я вашъ! И благомъ отечества клянусь, я не измѣню вамъ! Мнѣ собственно ничего не нужно; мнѣ не нужна и свобода; я и въ цѣпяхъ буду вѣчно свободенъ; тотъ силенъ, кто позналъ силу человѣчества. Честному человѣку собственное убѣжденіе дороже лепета молвы. Я

не говорю за себя: Государь! есть несчастные, которыхъ я увлекъ; спаси ихъ, великодушный монархъ! Спаси дѣтей твоихъ; клянусь, они чисты.

«Желалъ бы еще разъ, Государь, говорить съ вами. Мнѣ дорого благоденствіе отечества, я не ищу безпорядковъ и крови. Положитесь на меня, не обману вашу ко мнѣ довѣренность».

Второе свиданіе - допросъ состоялось 18 декабря. Затѣмъ потянулись долгіе мѣсяцы заключенія и нравственныхъ пытокъ. Краснорѣчивы и ярки приведенныя нами свидѣтельства о моральныхъ страданіяхъ Каховскаго. Лучи царскаго милосердія, обольстившаго его, скрылись внезапно и безвозвратно. Осталась вѣра въ искренность реформаторскихъ намѣреній Николая. Каховскій написалъ рядъ писемъ: генералу Левашову и самому царю. Левашову онъ писалъ 24 февраля, 5, 14 марта. Въ этихъ письмахъ, которыя онъ просилъ довести до свѣдѣнія государя, онъ изложилъ свои взгляды на настоящее Россіи и на мѣры къ исправленію неустройствъ. По этимъ письмамъ мы характеризовали выше общественные взгляды Каховскаго. Царю онъ писалъ на другой день послѣ перваго свиданія—16 декабря, затѣмъ—19 марта, 4 апрѣля. Общее содержаніе писемъ къ царю — рѣзкая критика существующаго строя, выясненіе причинъ, создавшихъ тайное общество, смѣлое и несомнѣнно казавшееся Николаю дерзкимъ обличеніе политики покойнаго Александра, характеристика того Николая Павловича, который былъ извѣстенъ декабристамъ, и, наконецъ, горячіе призывы о необходимости учрежденія законовъ,

о необходимости конституціи. Мы знаемъ теперь Николая Перваго, знаемъ, какъ онъ относился къ конституціямъ, ко всякому малѣйшему проявленію свободной мысли. И мы можемъ оцѣнить то неизмѣримо грустное и трогательно смѣшное положеніе, въ которое попалъ Каховскій съ своими призывами къ конституціи, обращенными къ императору Николаю. Вѣдь Каховскій хотѣлъ убѣдить царя—ни много, ни мало—въ томъ, что и онъ, царь, на его мѣстѣ не поступилъ бы иначе, а тоже сталъ бы заговорщикомъ и вышелъ на площадь. Ему, державшему подъ гнетомъ безпредѣльнаго самодержавія Россію больше четверти вѣка, Каховскій доказывалъ необходимость ограниченія абсолютизма, ссылаясь на его собственную психологію! Онъ-то не зналъ этого, мы знаемъ.

Но Каховскій говорилъ царю смѣлымъ и сильнымъ языкомъ. Больше ужъ никогда не слышалъ Николай такихъ смѣлыхъ и дерзкихъ рѣчей, такихъ горькихъ и обидныхъ истинъ. Онъ рѣшительно могъ почесть за обиду нѣкоторыя фразы Каховскаго: «Простите, Ваше Величество, я буду совершенно откровенно говорить: искренность моя есть мое къ вамъ усердіе. Вы были великимъ княземъ, мы не могли судить о васъ иначе, какъ по наружности; видимыя ваши занятія были: фрунтъ, солдаты, и мы страшились имѣть на престолѣ полковника». Каховскій задѣвалъ самое больное мѣсто Николая; дѣйствительно, весь цвѣтъ, все наслажденіе жизни для Николая Павловича—во фрунтовыхъ занятіяхъ. Онъ жизни не могъ представить безъ нихъ. И вдругъ онъ читалъ въ письмахъ Каховскаго слѣдующія тирады: «доложу Вашему Величеству, что вѣсть о смерти императора Александра поразила людей либе-

ральныхъ и благонамѣренныхъ; можно сказать, при семъ извѣстіи общія слова были: «вотъ въ какомъ мы положеніи, что императора Александра жалѣть должны!» Такъ, Государь, мы равно страшились всѣхъ его наслѣдниковъ,—причина сему вамъ должна быть извѣстна; я только доложу вамъ, что и самые люди, къ Вашему Величеству преданные, не оправдываютъ въ васъ страсти къ фронту. Сіе занятіе государей нашихъ въ глазахъ всего народа уже сдѣлалось ненавистно. Самыя войска чрезмѣрно тяготятся имъ и ужасно ропщутъ. При ученіи солдатъ иногда вырываются такія изреченія, которыя, распространяясь по государству, вооружаютъ сердца и умножаютъ ропотъ. Ваше Величество! Если бы вы знали, сколь много вы повредили себѣ въ общемъ мнѣніи симъ занятіемъ! Обиженное честолюбіе успокоить трудно — и какія вѣсти, какіе слухи носились по государству! Отъ васъ зависитъ теперь судьба пятидесяти милліоновъ людей, и я усердно желаю, Государь, чтобы вы предпочитали пріятное полезному».

Очень рѣзкой критикѣ Каховскій подвергъ личность покойнаго Александра и его политику. Онъ считалъ его настоящимъ врагомъ отечества и «истинной причиной возстанія 14 декабря». «Не имъ ли,—писалъ Каховскій,—раздуть въ сердцахъ нашихъ свѣточъ свободы, и не имъ ли она была такъ жестоко удавлена, не только въ отечествѣ, но и во всей Европѣ»... «Быстро двинувъ умы къ правамъ людей и вдругъ, перемѣнивъ свои правила, осадилъ ихъ и тѣмъ произвелъ у насъ всѣ заговоры и скопища». Александръ обманулъ свой народъ. «Въ 25-лѣтнее царствованіе покойнаго императора было время и смутное, но бо́льшая часть онаго

было время мирное. Кончилась война съ Наполеономъ; мы всѣ надѣялись, что императоръ займется внутреннимъ порядкомъ въ государствѣ; съ нетерпѣніемъ ждали закона постановительнаго и преобразованія судопроизводства нашего; ждали и что жъ? Черезъ 12 лѣтъ ожиданія лишь перемѣнилась форма мундировъ гражданскихъ». Каховскій рѣзко упрекалъ Александра въ томъ, что онъ предпочиталъ побывать у развода, чѣмъ посѣтить высшее правительственное мѣсто имперіи—сенатъ: «Обратить вниманіе на образованіе арміи и не заниматься устройствомъ государства, я нахожу столь же гибельнымъ для государя и отечества, какъ для человѣка частнаго, обратившаго все его вниманіе на одежду и наружность свою и не старающагося объ образованіи внутреннихъ своихъ качествъ». Александръ, по мнѣнію Каховскаго, совершенно не желалъ вникнуть въ положеніе народа. Онъ смотрѣлъ лишь войска и не хотѣлъ видѣть, что встрѣчи, устраиваемыя ему,—чисто декоративнаго характера. Цѣлый рядъ обвиненій высказанъ въ письмахъ Каховскаго по адресу покойнаго государя. Обвиненія были общераспространенны, но Николай, должно быть, впервые выслушивалъ ихъ въ такой яркой формѣ.

Пожеланія Каховскаго сводились къ заявленію о необходимости «постановительнаго закона» т.-е. конституціи. Въ каждомъ своемъ письмѣ Каховскій неоднократно твердилъ съ воодушевленіемъ и страстью о необходимости для блага русскаго народа дать конституцію.

«Государь!—писалъ онъ въ первомъ же своемъ письмѣ 17 декабря.—Вѣрьте, я не обману васъ! Мог

ошибиться, но говорю, что чувствую: невозможно итти противъ духа времени; невозможно націю удержать вѣчно въ одномъ и томъ же положеніи; зрѣлость даетъ ей силу и возможность; всѣ народы имѣли и имѣютъ свои возрасты. Благодѣтельные правители слѣдовали по теченію возмужалости духа народнаго и тѣмъ предупреждали зло».

19 марта Каховскій писалъ: «Цари самовластные много благъ творятъ въ частности; и покойный императоръ много раздавалъ денегъ, орденовъ, чиновъ; но составляетъ ли это пользу общую?.. Нѣтъ, Государь! Не въ частности надо благотворить, но благотворить всему народу, и правленіе будетъ счастливо и покойно, безмятежно»... «Ради Бога, ради блага человѣчества, собственнаго вашего блага, оградите себя и отечество закономъ. Вамъ предстоитъ славное поприще! Дайте права, уравновѣсьте ихъ и не нарушайте; водворите правосудіе, откройте торговлю, покровительствуйте истинное просвѣщеніе—и вы сдѣлаетесь другомъ и благотворителемъ народа добраго».

14 апрѣля Каховскій вновь взывалъ къ Николаю. «Дай Богъ, чтобы вы, милосердый государь, основали благоденствіе народное, властвовали не страхомъ, а любовью, и тогда навѣрно отечество будетъ счастливо и покойно».

Каховскій указывалъ на то, что безъ «постановительнаго закона» царь не найдетъ поддержки ни среди окружающихъ, ни въ войскахъ, ни въ церкви. Всѣ эти опоры шатки. Онъ бросалъ въ лицо Николаю ядовитые сарказмы: «какъ вы думаете, государь, если бы васъ не стало, изъ окружающихъ теперь васъ много ли бы нашлось людей, которые истинно о васъ

пожалѣли?» Съ ироніей Каховскій отмѣчалъ, что «не солдаты составляютъ силу и опору троновъ, и тѣ обманываются, которые думаютъ, что можно оградить себя штыками». «Ошибаются и тѣ, которые полагаютъ, что алтарь—опора трона вашего. 14 декабря доказало противное».

Каховскій думалъ обольстить Николая историческими перспективами, раскрывающимися передъ русскимъ монархомъ, уничтожившимъ самодержавіе. «Государь, вы одни можете не только въ отечествѣ, и во всей Европѣ перемѣнить систему правленія, спасти троны и равно принести пользу и царямъ и народамъ». Въ письмѣ къ Левашову онъ пробовалъ указать этимъ глухимъ душамъ на судъ исторіи. «Исчезъ обрядъ судить народу умершихъ царей своихъ до ихъ погребенія. Но исторія передаетъ дѣла ихъ на судъ безпристрастнаго потомства. Не всѣ историки подобны Карамзину. Дѣянія вѣка нашего заслуживаютъ имѣть своего лѣтописца—Тацита. Кто знаетъ, можетъ быть, и есть онъ, но таится въ толпѣ народа, работая для вѣковъ и потомства. Онъ возвѣститъ имъ истину: и благословенія и проклятія потомковъ обнаружатъ дѣла, поразятъ и украсятъ вѣнценосцевъ».

Гласъ вопіющаго въ пустынѣ!

Какъ относился къ письмамъ Каховскаго самъ Николай? Онъ не могъ не оцѣнить ихъ дерзости и смѣлости. Положительную часть онъ оставлялъ безъ вниманія. Впрочемъ онъ не прочь былъ послушать рѣчи о недостаткахъ государственнаго управленія, но при одномъ непремѣнномъ условіи, чтобъ эти рѣчи раздавались только для него одного, а ораторъ находился въ это время за семью замками. Такъ было съ Кахов-

скимъ и другими декабристами, писавшими ему изъ крѣпости. Но самая замѣчательная иллюстрація этого болѣзненнаго любопытства Николая выслушивать ту правду, за которую онъ посылалъ на висѣлицу и на каторгу—исторія декабриста Корниловича. Онъ былъ перевезенъ съ каторги въ Петропавловскую крѣпость и здѣсь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ давалъ письменныя разъясненія по всѣмъ вопросамъ, касающимся государственной жизни Россіи, какіе только угодно было задавать Николаю Павловичу и Бенкендорфу. Быть можетъ, Николай дѣйствительно извлекалъ изъ ихъ отвѣтовъ практическіе выводы, но о томъ, какъ онъ въ душѣ относился къ откровеннымъ и искреннимъ письмамъ декабристовъ, достаточно ярко свидѣтельствуетъ слѣдующая замѣчательная резолюція, положенная имъ на просьбѣ Г. С. Батенкова о разрѣшеніи ему писать Государю: *дозволить писать, лгать и врать по волѣ его* [57]. Необходимо отмѣтить, что резолюція положена 30 марта 1826 г., т.-е. тогда, когда весь матеріалъ слѣдственный былъ собранъ, и декабристы не нужны уже были Николаю.

Слѣдствіе—Судъ—Смерть.

Но слѣдствіе подвигалось впередъ, выяснялись помыслы декабристовъ объ истребленіи фамиліи, становились извѣстными всѣ фразы и восклицанія, когда-либо сказанныя по этому дѣлу. Для царя и его слѣдователей очень скоро выяснилось, что Каховскій не учинилъ полнаго признанія. Прикосновенность его къ неосуществленнымъ замысламъ о цареубійствѣ обнаружилась уже въ самомъ началѣ слѣдствія, рельефнѣе всего изъ показаній Штейнгеля. А относительно убійствъ, совершенныхъ Каховскимъ, комиссія получила совершенно опредѣленныя указанія отъ его товарищей въ самомъ концѣ декабря и январѣ: Одоевскій заявилъ объ убійствѣ Каховскимъ Милорадовича, Одоевскій—Стюрлера, Кюхельбекеръ—о нанесеніи ранъ свитскому офицеру.

Каховскій умолчалъ о своей роли въ замыслахъ на цареубійство и о своихъ покушеніяхъ. Причину запирательства объяснить не трудно. Мы уже выяснили, въ какое положеніе онъ былъ поставленъ царемъ. «А насъ всѣхъ зарѣзать хотѣли!»—услышалъ отъ него Каховскій. О покушеніяхъ, не оправданныхъ успѣхомъ возстанія, ему, конечно, очень тяжело было говорить. Но главное, вѣдь онъ не приносилъ раскаянія: подкупленный обращеніемъ Николая, онъ открылъ дѣла общества,

переименовалъ нѣкоторыхъ участниковъ — и только. Показанія о цареубійствѣ могли бы, какъ это и было впослѣдствіи, запутать слишкомъ многихъ, а о покушеніяхъ Каховскій могъ и не говорить, полагаясь на скромность товарищей. Мы уже освѣтили нѣсколько переживанія Каховскаго въ тюрьмѣ. Они были ужасны. Его мучительно волновало и то, что онъ сказалъ что-то, и то, что онъ не сказалъ всего о цареубійственныхъ замыслахъ. Къ этимъ ученіямъ присоединились вскорѣ еще новыя. Онъ увидалъ, что люди, столь близкіе ему по дѣлу, докладываютъ комиссіи о самомъ сокровенномъ и самомъ преступномъ. Сокровенны — эти замыслы, участниками которыхъ были многіе; преступны—убійства на площади. Когда разсказывали о цѣляхъ общества, то, кажется, вѣрили, что за это могутъ быть лишь незначительныя наказанія.

А тутъ вдругъ убійства, въ которыхъ повиненъ Каховскій, а больше никто. Можно понять, что въ разсказахъ о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ трудно было иногда удержаться отъ оговоровъ, но зачѣмъ же было оглашать дѣйствія отдѣльнаго лица. Но этого мало: на очныхъ ставкахъ, въ показаніяхъ Каховскій вдругъ увидѣлъ то, чего ужъ онъ никакъ не ожидалъ видѣть: нѣкоторые изъ товарищей передъ комитетомъ доказывали, что они гнушаются поступковъ Каховскаго: у однихъ, быть можетъ, это былъ искренній результатъ прекраснодушія, у другихъ это вызывалось желаніемъ выиграть расположеніе слѣдственной комиссіи. Но умышленное или сознательное третированіе казалось чѣмъ-то вопіющимъ Каховскому. Его, русскаго Брута, котораго братски цѣловали передъ совершеніемъ «подвига», назвать убійцей!

Такое поведеніе товарищей страшно раздражало и волновало Каховскаго. Сдержанный въ самомъ началѣ, онъ становился все нервнѣе и нервнѣе; ноты раздраженія въ его показаніяхъ слышались все чаще и чаще. Не забудемъ его особенности доводить все до предѣловъ, до конца.

Необходимо отмѣтить методъ его показаній передъ комиссіей. Онъ началъ съ полнаго отрицанія, на первомъ же допросѣ отозвался полнымъ невѣдѣніемъ. Но, настойчиво отрицая реальный фактъ, онъ не осмѣливался устранить и принципіальную возможность. Наоборотъ, въ то время, какъ его и не спрашивали о принципіальной возможности, онъ самъ выставлялъ ее на видъ. Его спрашиваютъ по поводу несомнѣнно имъ совершенныхъ поступковъ: «вы это сдѣлали?», а онъ отвѣчаетъ: «нѣтъ, совсѣмъ не я, но я могъ это сдѣлать!» «Если бы видалъ, что успѣхъ зависитъ отъ смерти Милорадовича, то не остановился бы оную произвесть». И точно въ немъ было два я, два человѣка: одинъ былъ непоколебимо убѣжденъ, что для пользы общей нѣтъ преступленія, и что убійство тирана — высшій подвигъ, а другой боялся сознаться (быть можетъ, даже самому себѣ), что на Сенатской площади декабря 14 дня онъ собственноручно умертвилъ военнаго губернатора города С.-Петербурга, Милорадовича, тяжело ранилъ командира лейбъ-гренадерскаго полка Стюрлера и нанесъ легкія поранения штабсъ-капитану Гастеферу. Одинъ Каховскій готовъ принять какое угодно наказаніе за свое принципіальное согласіе на извѣстный актъ, даже убійство, а другой Каховскій гонитъ всякую мысль о карѣ за конкретный поступокъ. Каховскій какъ-то не хотѣлъ по-

пять, что высшій подвигъ любви къ свободѣ необходимо реализуется въ конкретномъ покушеніи на опредѣленное лицо. И знаменательно то, что онъ и умеръ съ вѣрой въ силу этого подвига. Въ этомъ его отличіе отъ другихъ декабристовъ: другіе (Оболенскій, Трубецкой, Рылѣевъ) ясно ощутили эмпирическую сторону подвига и отказались отъ своихъ дерзновеній: «по человѣчеству нельзя» — такъ рѣшали они. А Каховскій призналъ, что въ данномъ случаѣ энергія была затрачена напрасно, но что «подвигъ»-то не только возможенъ, но и необходимо въ иныхъ случаяхъ и долженъ быть. «Рылѣевъ,—пишетъ Штейнгель,—объяснилъ о намѣреніи Каховскаго другимъ членамъ общества, и изъ нихъ нѣкоторые ужаснулись самой мысли». А Каховскій превзошелъ этотъ ужасъ и до конца дней своихъ остался неисправимымъ романтикомъ. Античная идея о низверженіи тирана воскресла въ Каховскомъ, но не умерла въ немъ.

Когда комиссія убѣдилась, что Каховскій не намѣренъ открывать всего, имъ совершеннаго или только извѣстнаго, она оставила его въ покоѣ, съ тѣмъ, чтобы, добывъ весь слѣдственный матеріалъ, неопровержимо уличить Каховскаго. При этомъ Николай и комиссія сочли себя, конечно, въ правѣ освободить самихъ себя отъ предупредительности по отношенію къ Каховскому. Мы уже знаемъ, что послѣ признаній Каховскаго Николай Павловичъ приказалъ «Каховскаго содержать лучше обыкновеннаго содержанія, давая ему чай и прочее, что пожелаетъ, но съ должною осторожностью», и принялъ содержаніе его на свой счетъ. Намъ извѣстно также, что на первыхъ порахъ Каховскому было разрѣшено переписываться съ род-

ными. Но, очевидно, очень скоро отношенія властей къ нему перемѣнились. Изъ списка, составленнаго въ серединѣ февраля 1826 года, видно, что Каховскій былъ однимъ изъ тѣхъ, кому *переписка была запрещена*. А когда уже въ іюнѣ Каховскаго запросили, какъ и чѣмъ онъ думаетъ заплатить свой долгъ портному, онъ въ отвѣтъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи написать къ своему родному брату о присылкѣ ему денегъ. Ему отвѣтили рѣшительнымъ отказомъ. Можно съ полной достовѣрностью думать, что за все время заключенія Каховскій не имѣлъ не только личныхъ, а даже письменныхъ сношеній съ кѣмъ бы то ни было, кромѣ своихъ слѣдователей.

Такая же исторія вышла—надо думать—и съ «повелѣннымъ ему лучшимъ содержаніемъ». Табакъ, который бы долженъ былъ быть отпускаемъ въ числѣ прочаго, что пожелаетъ Каховскій, за счетъ государя, былъ во всякомъ случаѣ пріобрѣтаемъ имъ за свой счетъ. Изъ вѣдомостей плацъ-адъютанта Подушкина, завѣдывавшаго «комиссіями» арестованныхъ и—кстати сказать—не мало при этомъ попользовавшагося, видно, что онъ получилъ изъ отобранныхъ у Каховскаго при арестѣ восьмидесяти пяти рублей на покупку для него табаку въ разное время сорокъ три рубля 50 коп [58]. Оставшаяся послѣ смерти Каховскаго сумма въ 41 руб. 50 коп. была впослѣдствіи выдана его брату. Можно повѣрить сообщенію Завалишина, что Каховскій находился какъ бы въ постоянной пыткѣ, потому что его больного держали въ сырой ямѣ [59].

Послѣ первыхъ большихъ допросовъ и признаній Каховскаго комитетъ тревожилъ его только небольшими допросами по отдѣльнымъ пунктамъ. 3 января

онъ отвѣчалъ по вопросу, что онъ зналъ и передавалъ Сутгофу о касательствѣ къ обществу высшихъ лицъ: Мордвинова, Сперанскаго, Ермолова. Затѣмъ Каховскаго спрашивали о принадлежности къ обществу Глѣбова. 14 марта на допросѣ Каховскому были предъявлены показанія Штейнгеля о его роли въ разговорахъ о цареубійствѣ, и Каховскій долженъ былъ понять, что слѣдователямъ его участіе извѣстно. Каховскій отрицалъ свою инціативу и показывалъ, что онъ «готовъ былъ всегда принести себя въ жертву и для пользы отечества не видалъ преступленія. Но никогда бы не рѣшился убить государя, въ точности не увѣрялъ въ необходимой къ тому потребности для блага общаго». Разоблаченія Штейнгеля ставили Каховскаго въ ужасное положеніе, Процессъ переходилъ съ почвы фактовъ въ область пылкихъ мечтаній, горячихъ рѣчей, страстныхъ фразъ. Приходилось или сознавать недостаточность своихъ прежнихъ показаній, или же впутывать и выдавать тѣхъ самыхъ лицъ, которыя взводили на него обвиненія. Каховскій рѣшилъ запираться; онъ готовъ былъ признать все, что ни предъявятъ ему, лишь бы его не разспрашивали и скорѣй выпесли приговоръ. Мучительно читать его отвѣты комиссіи. 14 же марта Каховскій заканчивалъ свой отвѣтъ: «Показанія мои такъ истинны, какъ святъ Богъ! Я не жилъ увертками и умру съ чистой душой. Не желаю зла и Рылѣеву; я ему нѣсколько обязанъ: онъ долго былъ моимъ пріятелемъ; но меня вынудили говорить, чего бы я не хотѣлъ. Довольно несчастныхъ! Переговаривать чужія пустыя слова, которыя были говорены, какъ говорится всякій вздоръ, я не могу. Пусть что хотятъ на меня показываютъ,

я оправдываться не буду; и если что показывалъ, показывалъ истину; не для спасенія своего, но послѣ ручательствъ оберъ-полицеймейстера и нѣкоторыхъ господъ генераловъ и офицеровъ во дворцѣ; я былъ тронутъ до глубины сердца мягкостью обхожденія господина генералъ-адъютанта Левашова и милосердіемъ государя императора. Болѣе я ничего не знаю и прошу одной милости—скораго приговора».

Слѣдующій вопросный листъ комиссіи предлагалъ отвѣтить детально, когда, съ кѣмъ и гдѣ говорилъ Каховскій о намѣреніи общества истребить царствующую фамилію; какимъ образомъ онъ предлагалъ совершить сіе, кто соглашался съ нимъ въ этомъ пунктѣ. На эти вопросы Каховскій отвѣчалъ: «Цѣль общества была: основать правленіе народное, что было извѣстно всѣмъ членамъ онаго. Выдергивать людей по одиночкѣ я не могу; каждый можетъ самъ на себя показать. Я предлагалъ, чтобъ итти прямо ко дворцу, назнача къ тому часъ въ ночи, и занять оный. Рылѣевъ съ симъ не согласился, сказавъ: «солдаты прежде объявленія присяги не пойдутъ и послѣ оной тоже». Съ занятіемъ дворца, конечно, царствующая фамилія или была бы истреблена или арестована. Въ показаніи я невольно увлекся и сталъ вдвойнѣ преступникъ. Ради Бога, дѣлайте со мной, что хотите, и не спрашивайте меня ни о чемъ. Я во всемъ виноватъ; такъ ли было говорено, иначе ли, но мое намѣреніе и согласіе было на истребленіе царствующей фамиліи».

Послѣ этихъ допросовъ и явнаго запирательства комитетъ оставилъ Каховскаго надолго въ покоѣ: очевидно, онъ хотѣлъ собрать подавляющіе противъ

него улики и обрушиться на него разомъ. 3 мая была дана очная ставка кн. Одоевскому и Каховскому. Одоевскій утверждалъ, что онъ слышалъ, какъ самъ Каховскій говорилъ, что ранилъ Стюрлера. На очной ставкѣ Каховскій рѣшительно отказывался отъ своихъ словъ. 2 мая Каховскому предъявили показаніе Штейнгеля, разсказавшаго комиссіи о сценѣ, происходившей вечеромъ 14 декабря у Рылѣева. Каховскій призналъ только то, что онъ дѣйствительно стрѣлялъ въ Милорадовича, но вмѣстѣ съ другими: чья пуля сразила Милорадовича, онъ, конечно, не можетъ сказать: «кажется я достаточно имѣлъ честь прежде сего объяснить высочайше учрежденному комитету все, что касается до убійства графа Милорадовича. Но если нужно повтореніе, повторяю: я выстрѣлилъ по Милорадовичу, когда онъ поворачивалъ лошадь; выстрѣлъ мой былъ не первый; по немъ выстрѣлилъ и весь фасъ каре, къ которому онъ подъѣзжалъ. Попалъ ли я въ него или кто другой, не знаю.— Дѣлалъ я мои показанія безъ вынужденія и не изъ боязни. Вынудить меня говорить противное никто и ничто не въ силахъ. Если я лгу, зачѣмъ меня спрашивать? Ломаться, какъ кн. Одоевскій, и не умѣю и не хочу; ему допущено было говорить на меня всякій вздоръ, и не принадлежащій къ дѣлу. Онъ меня не могъ оскорбить, не обижаетъ ли болѣе самого себя? Я хранилъ молчаніе изъ уваженія къ мѣсту; и хотя многое хотѣлъ сказать противъ словъ князя Одоевскаго, но мщеніе для меня низко. Одно лишь могу сказать, что я не узнаю его или никогда не зналъ его, хотя въ продолженіе года рѣдкій день проходилъ, чтобы мы не видались. Совѣсть моя принадлежитъ собственно мнѣ—

се вполнѣ судить можетъ одинъ Богъ. Умереть, какимъ бы образомъ ни было, я умѣю. Просилъ и еще покорнѣйше прошу не спрашивать меня ни о чемъ и дѣлать со мною все, что заблагоразсудится. Не желаю противиться нимало власти; но какъ мои слова будутъ лишь повтореніе одного и того же, я рѣшился молчать и ни на что возражать и отвѣчать ни стану».

Но на очной ставкѣ съ Штейнгелемъ (3 мая) Каховскій отрицалъ правдивость разсказа Штейнгеля. Тогда комитетъ передопросилъ Рылѣева, который подтвердилъ сказанное Штейнгелемъ. «Да, Каховскій вечеромъ 14 декабря, будучи у меня въ домѣ, говорилъ, что онъ убилъ Милорадовича и ранилъ свитскаго офицера»—показалъ Рылѣевъ. На очной ставкѣ съ Рылѣевымъ (6 мая) Каховскій имѣлъ еще силы отрицать показанія Штейнгеля и Рылѣева. Рылѣевъ далъ подробныя объясненія о своемъ знакомствѣ съ Каховскимъ; въ началѣ работы мы приводили обширныя изъ нихъ выдержки. Отстраняя свое участіе въ замыслахъ на цареубійство, Рылѣевъ выдавалъ головой Каховскаго. Въ отвѣтъ на эти извѣты Рылѣева Каховскій разразился цѣлымъ рядомъ обвиненій противъ Рылѣева; на новой очной ставкѣ 8 мая не произошло никакого соглашенія между Рылѣевымъ и Каховскимъ. Они оба остались при своихъ показаніяхъ. 10 мая на очной ставкѣ съ Кюхельбекеромъ Каховскій не сознался въ томъ, что онъ ранилъ свитскаго офицера.

Но дальше нервы Каховскаго не выдержали. Запираться было мучительно. 11 мая онъ написалъ генералу Левашеву письмо съ полнымъ признаніемъ. Два

дня это письмо пролежало у него въ камерѣ. Каховскій, очевидно, колебался. Наконецъ 14 мая онъ написалъ новое, болѣе подробное признаніе и, приложивъ къ нему первое письмо, подалъ его Левашову.

Комитетъ могъ считать себя удовлетвореннымъ. Одинъ изъ самыхъ закоренѣлыхъ преступниковъ далъ сознаніе, лучше котораго комитету и желать было нельзя. Тяжело читать признаніе Каховскаго: слишкомъ уже обнажилъ онъ свою душу. Его изобличенія по адресу Рылѣева, Штейнгеля и другихъ не возмущаютъ насъ. Послѣ продолжительной тягостной борьбы съ самимъ собою Каховскій заплатилъ имъ тою же монетой: онъ разсказалъ о нихъ то же, что они сообщали о немъ. Возмущаютъ не извѣты Каховскаго, а крайнее обнаженіе души. Оно кажется ненужнымъ и безцѣльнымъ, но ужъ таковъ былъ Каховскій: во всемъ, что онъ ни дѣлалъ, онъ доходилъ до послѣднихъ глубинъ.

Каховскій началъ свое первое письмо къ Левашову слѣдующимъ образомъ:

Ваше Превосходительство,
Милостивый Государь!

Простите, что до сихъ поръ я имѣлъ низость обманывать Ваше доброе обо мнѣ мнѣніе. Участіе Ваше глубоко впечатлѣлось въ моемъ сердцѣ, и мнѣ совѣстно лгать передъ Вами. Очныя ставки никогда бы не могли меня заставить сознаться; онѣ лишь раздражаютъ самолюбіе; разъ сдѣланное показаніе, конечно, каждый старается удержать и притомъ показатели, столь низкіе душой, будучи сами виновными и въ намѣре-

пілхъ, а нѣкоторые и въ дѣйствіяхъ, не устыдились оскорблять меня въ присутствіи комитета, называя убійцею... дѣлаютъ отъ себя столько прибавленій и прибавленій, не согласныхъ съ моими правилами, что они меня ожесточили. Я чувствую самъ преступленія мои, могу быть въ глазахъ людей постороннихъ злодѣемъ, но не въ глазахъ заговорщиковъ, раздѣлявшихъ и дѣйствія и намѣренія. Безъ оправданій я убилъ графа Милорадовича, Стюрлера и ранилъ свитскаго офицера. Кюхельбекеръ говоритъ несправедливо, я ударилъ офицера не изъ за спины, но въ лицо; онъ не упалъ и не могъ примѣтить, кто ударилъ его, это было мгновеніе—я опомнился, мнѣ стало его жаль и я его отвелъ въ каре. Насчетъ показаній объ убійствѣ Государя Императора,—все ложь! Я не желаю никому несчастья, Богъ тому свидѣтель!—На меня говорятъ, что я вызывался убить, что стращалъ открыть общество, что я соглашался рѣзать; но все сіе несправедливо. Повѣрьте, я не стану клеветать, мнѣ необходимо погибнуть—неужели я желаю увлечь другихъ! Я могъ быть злодѣй въ изступленіи, но въ груди моей бьется сердце человѣческое...»

Моментами въ сознаніи Каховскаго отодвигалось на дальній планъ главное призваніе его жизни. Онъ какъ будто забывалъ о немъ и начиналъ каяться и разсуждать, какъ обыкновенный человѣкъ. Онъ не разъ называетъ свой поступокъ преступленіемъ. Но мы уже подчеркивали отношеніе Каховскаго, какъ оно окончательно сложилось, къ подвигу своей жизни. Каховскій могъ быть преступникомъ въ глазахъ государя и слѣдователей — онъ сознавалъ это. Онъ могъ быть преступникомъ въ глазахъ общества, но изъ только

что приведенной цитаты мы видимъ, что Каховскій даже попытку со стороны нѣкоторыхъ своихъ товарищей оцѣнить его дѣйствія, какъ убійство, считалъ до преступности невозможной. Былъ ли онъ преступникомъ въ собственныхъ своихъ глазахъ? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ: среди самыхъ интимныхъ своихъ раскаяній онъ все же утверждаетъ, что для блага родины онъ не видитъ преступленія.

Тяжело было положеніе Каховскаго: въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни онъ отторгся отъ своихъ друзей и товарищей по дѣлу. Какъ бы забывая о томъ, что онъ и самъ повиненъ въ извѣтахъ и оговорахъ, онъ съ величайшимъ негодованіемъ протестовалъ противъ подобнаго поведенія своихъ товарищей. «Первое мое письмо,—такъ заканчивалъ онъ свое второе и послѣднее признаніе,— къ вашему превосходительству я писалъ и еще щадилъ тѣхъ, которые столь низко мнѣ вредили; но разобравъ все, вижу, какъ они гадки, и говорю откровенно, мной руководствуетъ мщеніе. Они хотѣли оклеветать меня и черезъ то спастись — это подло! Вамъ извѣстны, ваше превосходительство, всѣ мои показанія, я болѣе себя открывалъ и щадилъ ихъ; и вотъ какая за то плата—ложь и клевета! Я не боюсь умереть; мои намѣренія были чисты, тому Богъ свидѣтель! Заблужденіе и пылкость сдѣлали меня злодѣемъ, но подлецомъ и клеветникомъ меня никто не въ силахъ сдѣлать. Если нужно, чтобъ я все сіе сказалъ имъ въ глаза, я согласенъ; но знаю, что они всѣ запрутся. Сдѣлайте милость, ваше превосходительство, не откажите моимъ покорнѣйшимъ просьбамъ, чѣмъ напчувствительнѣйше меня обяжете. Участіе Ваше ко мнѣ мнѣ драгоцѣнно. Я

злодѣй, но будьте увѣрены, имѣю чувство и умѣю быть благодарнымъ».

Каховскій просилъ о позволеніи написать родпымъ: этого позволенія ему не дали.

Всю жизнь Каховскій былъ заброшеннымъ и одинокимъ. Мечта о подвигѣ, о призваніи Брута скрашивала существованіе. Но судьба безжалостной рукой разбивала надежды Каховскаго. Въ началѣ заключенія мелькнула надежда, что счастье родины, во имя котораго онъ вышелъ на борьбу, будетъ устроено императоромъ, но эта иллюзія быстро разлетѣлась впухъ и прахъ.–Оставались еще наслажденія взаимной заговорищеской вѣрности и дружбы. Но грубо было разсѣяно и это утѣшеніе. Въ тѣхъ, кто поистинѣ должны были бы быть послѣдними друзьями, Каховскій увидѣлъ враговъ, и вотъ въ послѣдніе мѣсяцы, послѣдніе дни своей жизни Каховскій попрежнему былъ заброшеннымъ и одинокимъ. Процессъ растерзалъ его душу. Тоска и одиночество заволакивали его существованіе.

Исторія процесса декабристовъ въ общихъ чертахъ извѣстна.

Къ 30 мая слѣдственная комиссія закончила слѣдствіе по дѣлу декабристовъ и представила свой докладъ царю. 1 іюля послѣдовалъ Высочайшій указъ о назначеніи Верховнаго Уголовнаго Суда. Въ указѣ было сказано: «Мы единаго отъ Суда ожидаемъ и гребуемъ: справедливости нелицепріятной, ничѣмъ не колеблемой, на законѣ и силѣ доказательствъ утверждаемой». Верховный Уголовный Судъ былъ составленъ изъ членовъ Государственнаго Совѣта, Правительствующаго Сената и Святѣйшаго Синода и нѣсколькихъ сановниковъ. Предсѣдателемъ Суда былъ назначенъ князь Лопухинъ, министръ юстиціи исполнялъ обязанности генералъ-прокурора. Самъ Николай I и современное правительство гордилось организаціей суда, якобы совершенно независимаго въ своихъ дѣйствіяхъ. На самомъ дѣлѣ весь *Верховный Уголовный Судъ явился чистѣйшей комедіей.* Со словъ декабристовъ мы давно уже знали объ этомъ, но и изученіе архивнаго матеріала даетъ намъ право съ легкой совѣстью поддерживать это заключеніе.

Еще въ началѣ мая, т.-е. задолго до окончанія дѣйствій слѣдственной комиссіи, Николай Павловичъ

занялся разработкой тщательной программы судопроизводства. Какъ и при слѣдствіи, такъ и въ Судѣ Николай былъ непосредственнымъ руководителемъ и вдохновителемъ всѣхъ дѣйствующихъ въ слѣдственномъ и судебномъ процессѣ лицъ. Прямымъ его помощникомъ въ работахъ по организаціи Суда — тяжело и печально констатировать это — явился М. М. Сперанскій [60]. Это онъ разработалъ процессуальную сторону, онъ приготовилъ всѣ доклады Суда и комиссій, Судомъ выбранныхъ, онъ распредѣлилъ по разрядамъ вины обвиняемыхъ. О томъ, какъ идетъ дѣло въ Судѣ, онъ лично докладывалъ Николаю Павловичу. Николай Павловичъ вмѣстѣ со Сперанскимъ составилъ «обрядъ суда»; въ «дополнительныхъ степеняхъ обряда» и въ указаніяхъ, которыя были сдѣланы секретно предсѣдателю Суда, были предусмотрѣны всѣ дѣйствія Суда. Можно положительно утверждать, что члены Суда этими «обрядными» статьями, гласными и негласными, были лишены собственной мысли, воли, и, конечно, иниціативы. Въ первыхъ пяти засѣданіяхъ Судъ прочелъ докладъ слѣдственной комиссіи и записки о подсудимыхъ. Затѣмъ предстояло рѣшить вопросъ, какъ же провѣрить данныя слѣдствія; предстояло допросить подсудимыхъ и свидѣтелей. Но «независимый» Верховный Уголовный Судъ не получилъ отъ царя права входить въ болѣе тѣсныя отношенія съ обвиняемыми и даже права фактической провѣрки слѣдствія. Въ «обрядахъ» было указано, что, по прочтеніи слѣдственнаго матеріала, Судъ долженъ избрать ревизіонную комиссію, которая и должна была произвести «надлежащее положенное законами удостовѣреніе въ слѣдствіи». Кругъ дѣйствій

этой комиссіи былъ точно опредѣленъ Николаемъ Павловичемъ. Члены комиссіи отнюдь не должны были вступать въ разговоры съ обвиняемыми. Только три вопроса должна была предъявить ревизіонная комиссія каждому подсудимому: 1) его ли рукой подписаны показанія, въ слѣдственной комиссіи имъ данныя, 2) добровольно ли подписаны показанія, 3) были ли ему даны очныя ставки. «Токмо эти вопросы», никакихъ другихъ — такъ было сказано въ секретномъ предназначавшемся только для предсѣдателя суда документѣ. Понятно, ни одинъ изъ декабристовъ, выслушавъ эти три вопроса, не догадался, что этой формальностью начался и кончился для него «Верховный Уголовный Судъ».

8 и 9 іюня члены комиссіи отобралъ отъ всѣхъ подсудимыхъ отвѣтъ, и 10 іюня Судъ выбралъ новую комиссію для распредѣленія виновныхъ по разрядамъ. Въ нее вошли гр. П. А. Толстой, г.-ад. Васильчиковъ и Сперанскій; гр. Кутайсовъ, Барановъ, Энгель, Кушниковъ, бар. Строгановъ и гр. Комаровскій. Главнымъ дѣятелемъ былъ М. М. Сперанскій. Подъ его руководствомъ комиссія «опредѣлила главные роды преступленій, отличила въ каждомъ родѣ всѣ его виды и, оставивъ ихъ въ порядкѣ постепенности, изъ сложенія и сопряженія ихъ произвела начала разрядовъ».

28 іюня донесеніе комиссіи по распредѣленію разрядовъ было прочитано въ Судѣ; 2 іюля Судъ выбралъ сенатора Козодаева, ген.-ад. Бороздина и опять-таки М. М. Сперанскаго для составленія всеподданѣйшаго доклада.

9 іюля докладъ былъ подписанъ судомъ и поданъ царю. Оставивъ пятерыхъ (Рылѣева, Пестеля, Бесту-

жева-Рюмина, С. П. Муравьева-Апостола, Каховскаго) внѣ разряда, Судъ, согласно заключенію разрядной комиссіи, распредѣлилъ остальныхъ на 11 разрядовъ. Пяти, стоявшимъ внѣ разряда, Судъ опредѣлилъ смертную казнь четвертованіемъ. Для 3 человѣкъ, принадлежащихъ къ первому разряду, Судъ назначилъ смертную казнь; для 11 разряда — лишеніе чиновъ и сдачу въ солдаты съ выслугой. Въ докладѣ Судъ, между прочимъ, писалъ: «Хотя милосердію, отъ самодержавной власти исходящему, законъ не можетъ положить никакихъ предѣловъ, но Верховный Уголовный Судъ пріемлетъ дерзновеніе представить, что есть степени преступленія, столь высокія и съ общею безопасностію государства столь слитныя, что самому милосердію онѣ, кажется, должны быть недоступны». 10 іюля Николай Павловичъ утвердилъ приговоръ и, замѣнивъ первому разряду смертную казнь каторгой, сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія въ приговорѣ отнюдь не въ сторону облегченія участи подсудимыхъ.

А участь поставленныхъ внѣ разряда предоставилъ рѣшенію суда «и тому окончательному постановленію, какое о нихъ въ семъ судѣ состоится». По этому поводу покойный Шильдеръ писалъ:

«Сколько въ рѣшеніи, принятомъ императоромъ Николаемъ относительно лицъ, осужденныхъ верховнымъ уголовнымъ судомъ, принадлежитъ собственному побужденію, и какую роль играло въ этомъ дѣлѣ постороннее вліяніе, не скоро еще опредѣлится съ достаточной ясностью. Разсказываютъ, что когда князь Лопухинъ представилъ приговоръ суда, то государь замѣтилъ: «офицеровъ не вѣшаютъ, а разстрѣливаютъ», не желая поступить съ ними, по его выраженію,

какъ съ ворами; но ген.-ад. Бенкендорфъ будто бы настаивалъ на пользѣ примѣра позорнаго наказанія [61].

Покойный Шильдеръ оказался слишкомъ пристрастенъ къ своему герою. Въ дѣлахъ государственнаго архива, при нѣкоторомъ вниманіи, онъ могъ бы найти данныя, не оставляющія никакого сомнѣнія въ томъ, что вся инціатива рѣшенія суда лежитъ на Николаѣ Павловичѣ и только на немъ. И тутъ, разставаясь съ своими «преступниками», Николай Павловичъ не могъ не разыграть *комедіи милосердія*. Онъ въ указѣ по поводу доклада суда явился милосердымъ: смягчилъ наказанія почти всѣмъ, а судьбу поставленныхъ внѣ разрядовъ онъ предоставилъ рѣшенію суда. Казалось бы, если судъ все же присудилъ ихъ къ смерти, то въ смерти ихъ винить должны мы судъ, а не Николая I. Въ дѣйствительности же было какъ разъ обратное.

Сохранилась записка, писанная 10 іюля 1826 года—въ день представленія доклада предсѣдателемъ верховнаго суда кн. П. В. Лопухинымъ, слѣдующаго содержанія: «Государь изволилъ отозваться, что докладъ и всѣ приложенія просмотритъ и дастъ по оному свое повелѣніе, но тутъ же присовокупилъ, что если *неизбѣжная смертная казнь* кому подлежать будетъ, *государь ее самъ не утвердитъ*, а уполномочитъ верховный уголовный судъ окончательно самому разрѣшить тотъ предметъ».

Получивъ указъ государя о предоставленіи судьбы пяти поставленныхъ внѣ разрядовъ на окончательное усмотрѣніе суда, кн. Лопухинъ одновременно же 10 іюля 1826 года получилъ отъ начальника штаба барона Дибича слѣдующее примѣчательное доношеніе:

«Милостивый Государь
князь Петръ Васильевичъ!.

Въ Высочайшемъ указѣ о государственныхъ преступникахъ на докладъ верховнаго уголовнаго суда, въ сей день состоявшемся, между прочимъ, въ статьѣ 13-ой сказано, что преступники, кои по особенной тяжести ихъ злодѣяній не включены въ разряды и стоятъ внѣ сравненія, предаются рѣшенію верховнаго уголовнаго суда и тому окончательному постановленію, какое о нихъ въ семъ судѣ состоится.

На случай сомнѣнія о видѣ казни, какая симъ преступникамъ судомъ опредѣлена быть можетъ, Государь Императоръ повелѣть мнѣ соизволилъ предварить Вашу Свѣтлость, что Его Величество никакъ не соизволяетъ не токмо на четвертованіе, яко казнь мучительную, но и на разстрѣляніе, какъ казнь однимъ воинскимъ преступленіямъ свойственную, ни даже на простое отсѣченіе головы и словомъ ни на какую смертную казнь, съ пролитіемъ крови сопряженную.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть Вашей Свѣтлости покорнѣйшій слуга баронъ И. Дибичъ».

Послѣ этой бумаги Дибича нѣтъ мѣста сомнѣніямъ въ инициативѣ Николая Павловича.

Единственное милосердіе оказалъ Николай Павловичъ своему подданному Петру Каховскому. Онъ не пролилъ его крови, предавъ казни, съ пролитіемъ крови не сопряженной.

13 іюля 1826 году на разсвѣтѣ на валу кронверка Петропавловской крѣпости Каховскій былъ повѣшенъ... [62]

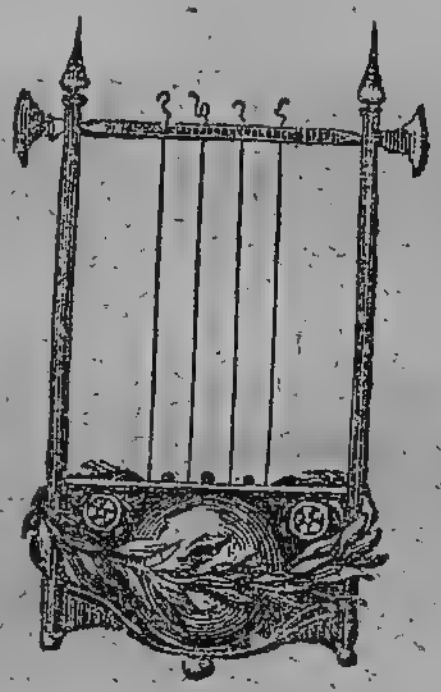
Генералъ-адъютантъ Голенищевъ-Кутузовъ, наблюдавшій 13 іюля 1826 года за исполненіемъ казни надъ декабристами, въ тотъ же день подалъ императору Николаю Павловичу слѣдующее донесеніе [63]:

«Экзекуція кончилась съ должною тишиною и порядкомъ, какъ со стороны бывшихъ въ строю войскъ, такъ со стороны зрителей, которыхъ было немного. По неопытности нашихъ палачей и неумѣнію устраивать висѣлицы, при первомъ разъ трое, а именно: Рылѣевъ, Каховскій и Муравьевъ сорвались, но вскорѣ опять были повѣшены и получили заслуженную смерть. О чемъ Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доношу».

Послѣ него остались слѣдующія вещи: фракъ черный суконный, шляпа пуховая круглая, жилетъ чер-

ный суконный, косынка шейная черная ветхая, рубашка холстинная и 41 руб. 50 коп. денегъ.

Вещи и деньги были препровождены 14 декабря 1826 года военнымъ министромъ смоленскому губернатору для выдачи законнымъ наслѣдникамъ. 27 ноября вещи и деньги были выданы подъ расписку дворовому человѣку роднаго брата Каховскаго.



ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Настоящій очеркъ основанъ, главнымъ образомъ, на матеріалахъ, до сихъ поръ неизданныхъ и находящихся въ Государственномъ Архивѣ. Дѣлая вообще ссылки на архивныя дѣла, мы не дѣлаемъ детальныхъ ссылокъ на дѣло Каховскаго (Г. А. І. В. № 354) и на письма его (Г. А. І. В. №№ 11 и 470).

2. Г. А. І. В. № 304, л. 124.

3. Г. А. І. В. № 315, л. 140—141, 170, 174—175. Любопытно, что, получивъ отъ ген.-губ. Хованскаго эти свѣдѣнія, военный министръ предложилъ генералъ-губернатору развѣдать подъ рукой, не женился ли братъ Каховскаго, такъ какъ де по бумагамъ казненнаго Каховскаго (этихъ бумагъ въ Государственномъ Архивѣ въ дѣлахъ декабристовъ не сохранилось!) видно, что братъ собирался выгодной женитьбой поправить свои дѣла. По собраннымъ подъ рукой свѣдѣніямъ оказалось, дѣйствительно, что Никаноръ Каховскій женился на дочери генерала Маркова и получилъ въ приданое 170 душъ крестьянъ.

Не являются ли результатомъ недоразумѣнія слѣдующія непріязненныя строки, приписывающія богатую невѣсту самому Каховскому? «Смоленскій помѣщикъ, проигравшись и разорившись въ игрѣ, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ надеждѣ жениться на богатой невѣстѣ; дѣло это ему не далось. Сойдясь съ Рылѣевымъ, онъ предался ему и обществу безусловно. Рылѣевъ и другіе товарищи содержали его въ Петербургѣ на свой счетъ». Изъ приведенныхъ нами данныхъ видно, что процессъ разоренія могъ длиться лишь весьма непродолжительное время. Строки эти взяты изъ статьи

«14 декабря», напечатанной Герценомъ въ «Запискахъ декабристовъ» (Вып. 2 и 3. Лонд. 1863 г. Стр. 134—162; перепечатана съ сокращеніями во «Всемірномъ Вѣстникѣ» 1904 г. №№ 6—7) и приписанной имъ И. И. Пущину. На самомъ дѣлѣ статья эта, какъ сообщалъ намъ покойный Е. И. Якушкинъ, написана И. Д. Якушкинымъ по разсказамъ Е. П. Оболенскаго, И. И. Пущина и нѣкоторыхъ другихъ его товарищей ссылки, принимавшихъ непосредственное участіе въ дѣлѣ 14 декабря. И. Д. Якушкинъ записывалъ эти разсказы спустя нѣкоторое время послѣ того, какъ ихъ слышалъ. Этимъ объясняются нѣкоторыя неточности.

4. Въ іюнѣ 1826 года портной Яухци чрезъ комитетъ потребовалъ съ Каховскаго уплаты денегъ. Жена Рылѣева, уплативъ долгъ своего мужа, выразила готовность заплатить и за Каховскаго. Комитетъ сдѣлалъ запросъ Каховскому, можетъ ли онъ заплатить. Это было послѣ 18 іюня. Каховскій просилъ позволенія написать брату о высылкѣ денегъ для уплаты. Не отвѣтивъ на эту просьбу, военный министръ, предсѣдатель комитета, сообщилъ чрезъ спб. ген.-губернатора, что Каховскій не имѣетъ средствъ для уплаты долга. Г. А. І. В. № 301, л. 47—48.

5. Н. И. Гречъ, «Записки о моей жизни». Спб. 1886, стр. 382—383.

6. Записки И. Д. Якушкина. М. 1905. Стр. 19.

7. См. «Русская Старина» 1874 г., т. XI (февр.), стр. 177—178.

8. «Записки декабристовъ», вып. 1-й. Записки И. Д. Якушкина. Лонд. 1862 г., стр. 19. Въ русскомъ изданіи 1905 г. эти строки цензурой не были пропущены.

9. Г. А. І. В. № 362.

10. См. П. Щеголевъ. «Первый декабристъ Владиміръ Раевскій». Спб. 1905 г., стр. 60.

11. Выраженія Боровкова въ его «Автобіограф. воспоминаніяхъ», «Русск. Стар.». 1898, т. XCVI, ноябрь, стр. 339.

12. Цитаты взяты изъ писемъ Каховскаго, писанныхъ въ крѣпости.

13. Г. А. I. В. № 387.

14. «Крестьянскій вопросъ въ Россіи во второй половинѣ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка» въ книгѣ «Крестьянскій строй». Т. I. Спб. 1905.

15. Излагая дѣятельность Каховскаго по тайному обществу, мы руководимся многочисленными указаніями, сдѣланными въ воспоминаніяхъ декабристовъ, но главнымъ образомъ основываемся на официальныхъ данныхъ слѣдствія. Слѣдственный матеріалъ всегда сомнителенъ, и опираться на него можно только послѣ тщательнаго критическаго анализа всѣхъ данныхъ—за и противъ. Въ дѣлѣ Каховскаго нужно исходить изъ послѣдняго признанія, сдѣланнаго имъ послѣ продолжительнаго запирательства 11 и 14 мая. Исторія процесса Каховскаго будетъ изложена ниже, но теперь слѣдуетъ указать, что въ этомъ послѣднемъ признаніи Каховскій сжигалъ корабли, объявлялъ о своемъ запирательствѣ и дѣлалъ сознаніе. Это признаніе должно быть сопоставляемо съ свидѣтельствами мемуаровъ и, только послѣ этого, съ показаніями участниковъ въ дѣлѣ. При анализѣ всякихъ показаній нужно устанавливать основную тенденцію поведенія во время слѣдствія. Признаніе напечатано въ приложеніяхъ къ книгѣ.

16. «Общ. движ. въ первую половину XIX в.». т. I, стр. 243. Оболенскій ошибается, утверждая, что онъ служилъ въ лейбъ-гренадерскомъ полку.

17. Сочиненія К. Ѳ. Рылѣева, ред. М. Н. Мазаева. Спб. 1893 г., стр. 82.

18. Это показаніе Рылѣева опровергается приведеннымъ выше свидѣтельствомъ Оболенскаго и словами Каховскаго.

19. Г. А. I. В. № 334. Въ дальнѣйшемъ ссылокъ на это дѣло Рылѣева не дѣлаемъ.

20. «Русск. Стар.» 1888, декабрь, стр. 610.

21. Сутгофъ на вопросъ о происхожденіи вольнаго образа мыслей отвѣчалъ: «въ 1825 году въ февралѣ

мѣсяцѣ г. Каховскій ежедневно посѣщалъ меня, во время моей болѣзни, стараясь передавать мнѣ свои мысли и приглашая вступить въ тайное общество, о существованіи коего онъ открылъ мнѣ въ мартѣ мѣсяцѣ». Въ другомъ показаніи Сутгофъ писалъ: «я поступилъ въ тайное общество въ сентябрѣ 1825 года. Принятъ былъ Каховскимъ, который увѣрилъ меня, что цѣль общества есть благо общее. Вѣря словамъ Каховскаго, я также началъ содѣйствовать къ благу общему». Г. А. І. В. № 344. Дѣло Сутгофа.

22. О принадлежности Палицына къ обществу Каховскій 17 февраля показалъ: «когда именно прапорщикъ Палицынъ принятъ мной въ члены тайнаго общества, я не помню; знаю, что за нѣсколько мѣсяцевъ до 14 декабря. О дѣлѣ общества и о намѣреніяхъ онаго онъ зналъ все то, что знали и всѣ прочіе члены. Обязанности особенной на него никакой не было возложено; обѣщаніе далъ онъ, какъ и каждый изъ членовъ, способствовать къ успѣху цѣли общества». (Г. А. І. В. № 86, л. 11). Палицынъ настаивалъ на томъ, что онъ былъ принятъ въ общество въ началѣ ноября, хотя не отрицалъ того, что въ апрѣлѣ или мартѣ онъ слышалъ отъ Каховскаго фразу: «есть люди, которые на тебя обращаютъ вниманіе». Но Палицынъ тогда не придалъ значенія этой фразѣ. (Въ томъ же дѣлѣ).

23. Пановъ показывалъ: «я былъ принятъ въ тайное общество въ моей квартирѣ, состоящей въ л.-гренад. казармахъ, г. Каховскимъ, около мѣсяца до 14 декабря... Цѣль, извѣстная мнѣ, благо общее» Г. А. І. В. № 343.

24. Въ чистосердечномъ признаніи Кожевниковъ разсказывалъ слѣдующее: «я сдѣлался сообщникомъ мятежниковъ въ началѣ прошедшаго ноября мѣсяца; бывъ однажды вмѣстѣ съ поручикомъ Сутгофомъ и отст. поруч. Каховскимъ, долго разсуждали о нашемъ правительствѣ; и сей послѣдній, исполненный краснорѣчія, убѣдительно доказывалъ, сколь велико благо народа вольнаго, сколь пріятно быть виновникомъ

общаго счастія и сколь унизительно не стремиться къ пользѣ отечества!» Послѣ такихъ рѣчей Кожевниковъ былъ принятъ въ общество. Г. А. I. В. № 53.

25. Жеребцову удалось избѣгнуть всякаго наказанія. Онъ показалъ, что вмѣстѣ съ государевой ротой л.-гренадерскаго полка пришелъ на Дворцовую площадь, и что Сутгофъ, дѣйствительно, открылъ ему о своихъ намѣреніяхъ, но онъ, не входя въ его виды, обозвалъ все пустой затѣей. По прочтеніи допроса Жеребцова Николай Павловичъ «изволилъ простить» его. Г. А. I. В. № 214.

26. 23 февраля Каховскій показывалъ о принадлежности Глѣбова къ обществу: «отъ Глѣбова я никогда и ничего не скрывалъ: отъ меня узналъ о тайномъ обществѣ, о возстаніи 14 декабря, но членомъ онъ не былъ. И вотъ всегдашнія слова его ко мнѣ: «я люблю отечество, счастіемъ почту умереть для блага его; но игрушкой таинственной быть не могу; не могу войти въ общество, хорошо не зная ни намѣреній ни силъ его». Глѣбовъ, сначала отпиравшійся отъ всего, не допуская до очной ставки, сознался, что Каховскій открылъ ему объ обществѣ, цѣль котораго—конституція, и что за недѣлю до 14 декабря онъ слышалъ отъ Каховскаго, что войска не будутъ присягать, и нужно итти на площадь. Глѣбовъ жилъ вмѣстѣ съ Палицынымъ. Г. А. I. В. № 388.

27. Г. А. I. В. № 335.

28. Г. А. I. В. № 375. Дѣло Штейнгеля. Каховскій въ своемъ отвѣтѣ на показаніе Штейнгеля не отрицаетъ сущности разговора и крайности своихъ предложеній. Его только крайне возмутило то, какъ могъ Штейнгель отнестись серьезно къ его заявленію о доносѣ на общество. «12 декабря я говорилъ не на совѣщаніи общества, а въ частномъ разговорѣ съ членами. Смыслъ словъ моихъ былъ, что крови бояться не должно. Но могъ ли я соглашаться рѣзать? и кого рѣзать? Народъ, для котораго мы возстали? Что я донесу на общество, было мной сказано со-

вершенно въ шутку, что тогда же мнѣ и замѣтилъ Александръ Бестужевъ, сказавъ: «ты шутишь, а другіе примутъ за правду». Говорилъ я на слова Николая Бестужева и Штейнгеля, которые были одного со мной мнѣнія, что члены общества лишь толкуютъ, а не распоряжаются къ дѣйствію». По поводу этого факта Рылѣевъ объяснилъ, что онъ лично не слышалъ подобныхъ словъ, но что Штейнгель говорилъ ему что-то подобное о Каховскомъ. Николай Бестужевъ заявилъ, что онъ не слыхалъ этого разговора, а Александръ Бестужевъ показалъ: «Каховскій говорилъ всегда подобный вздоръ, но его мало слушали и не обращали вниманія на его слова. Я самъ не помню, сказалъ ли онъ точно слова сіи, хотя очень вѣрю, что они были произнесены». См. Г. А. І. В. Дѣла всѣхъ этихъ лицъ.

29. Каховскій приписалъ эту мысль Рылѣеву.

30. Рылѣевъ призналъ, что онъ дѣйствительно предлагалъ Каховскому вечеромъ 13 декабря убить государя, и говорилъ, что можно исполнить это на площади. «По утру того дня, — добавилъ Рылѣевъ— долго обдумывая планъ нашего предпріятія, я находилъ множество неудобствъ, къ счастливому окончанію онаго. Болѣе всего страшился я, если государь не будетъ схваченъ нами, думая, что въ такомъ случаѣ непремѣнно послѣдуетъ междуусобная война. Тутъ пришло мнѣ на умъ, что для избѣжанія междуусобія должно его принести на жертву, и эта мысль была причиной моего злодѣйскаго предложенія». Пущинъ далъ уклончивое показаніе: «но если показанныя лица показываютъ изъясненное въ семъ пунктѣ обстоятельство, котораго я истинно не припомню, то я оное утверждаю; только не могу достовѣрно сказать, далъ ли Каховскій рѣшительное обѣщаніе»... А. Бестужевъ призналъ, что, входя къ Рылѣеву, онъ встрѣтилъ нѣсколько членовъ, которые прощались съ Каховскимъ, и Рылѣевъ сообщилъ ему, что Каховскій назначается для нанесенія удара.

31. Нужно принять во вниманіе основную тенденцію показаній А. Бестужева. Онъ разсказывалъ судьямъ, что онъ, не раздѣляя ни взглядовъ ни цѣлей общества и не выходя изъ него наружно, своими дѣйствіями старался разстроить его, привести къ естественному концу: такъ, напримѣръ, въ этомъ случаѣ онъ искусно отклонилъ попытку на цареубійство.

32. Объ этомъ посѣщеніи Каховскій показывалъ, что онъ, угнетенный предложеніемъ Рылѣева, сказалъ о немъ Панову, не открывая ему сущности. Но Пановъ на допросѣ не припомнилъ этого обстоятельства.

33. Воспоминанія А. П. Бѣляева. «Русск. Стар.» т. XXX. 1881 г., мартъ, стр. 496.

34. Общ. движ. въ первую половину XIX вѣка. Томъ I. Изд. М. В. Пирожкова. Спб. 1905. Стр. 441.

35. Свидѣтельство самого Сутгофа на поляхъ книги Корфа. См. «Былое». Апрѣль, 1907 г. Стр. 168.

36. Такъ показывалъ 1 мая кн. Одоевскій. Правда, Каховскій рѣшительно отрицалъ истину этого показанія, но вѣдь онъ въ это время запирался даже въ самомъ фактѣ нанесенія ранъ Стюрлеру.

37. «Историческій Вѣстникъ», 1905, янв., стр. 169—170.

38. Правда, въ своемъ показаніи Штейнгель заявляетъ, что, взявъ кинжалъ на память, онъ положилъ его тихонько на столъ, но сейчасъ же услышалъ выразительныя слова Каховскаго: «Такъ вы не хотите взять кинжалъ мой?» На эти слова Штейнгель отвѣчалъ: «Нѣтъ, возьму!» пожалъ руку Каховскаго и ушелъ, поцѣловавъ его въ щеку. Каховскій рѣшительно отрицаетъ этотъ эпизодъ: нужно думать, что Штейнгель просто изобрѣлъ его, чтобы какъ-нибудь реабилитировать себя въ такомъ непохвальномъ дѣяніи, какъ восхваленіе убійства.

39. Записки Греча, стр. 386.

40. «Воспоминанія декабриста» А. С. Гангеблова. М. 1888. Стр. 68—73, 119, 120.

41. Г. А. І. В. № 82. Дѣло Ѳ. Н. Глинки.

42. «Записки декабриста» (Розена) Лейпц. 1870 г., стр. 100.

43. «Обществ. движеніе въ Россіи въ первую половину XIX в.» Составили В. И. Семевскій, В. Богучарскій и П. Е. Щеголевъ. Томъ I. Спб. 1905. Стр. 414.

44. Ibid., стр. 449.

45. «Записки Басаргина». М. 1872. Стр. 35.

46. «Изъ записокъ декабриста Н. И. Лорера». Русск. Богатство, 1904, мартъ, 88—89.

47. «Записки И. Д. Якушкина». М. 1905. Стр. 84.

48. Къ этому свидѣтельству Н. И. Греча (Записки о моей жизни. Спб. 1886, стр. 352) можно отнестись съ довѣріемъ въ виду характера поведенія Трубецкого и въ день 14 декабря и затѣмъ во время слѣдствія. Но главное подтвержденіе этому факту находимъ въ запискѣ вел. кн. Михаила Павловича (рук.): «Когда вел. кн. вошелъ къ государю, была уже поздняя почь, и здѣсь представилось ему неожиданное зрѣлище: передъ государемъ стоялъ и въ ту минуту упадалъ на колѣни, моля о своей жизни, извѣстный кн. Трубецкой...

49. Г. А. І. В. № 334. Дѣло К. Ѳ. Рылѣева.

50. «Записки декабриста Д. И. Завалишина». Мюнхенъ, 1904, Т. II. Стр. 28.

51. Госуд. Арх. І. В. № 334.

52. Сочиненія К. Ѳ. Рылѣева, изд. подъ ред. М. П. Мазаева. Спб. 1893. Стр. 165.

53. Г. А. І. В. № 355. Дѣло кн. Оболенскаго. Цѣликомъ письмо напечатано въ нашей книгѣ: «А. С. Грибоѣдовъ и декабристы». Спб. 1905. Стр. 22, 23.

54. Объ записки въ дѣлѣ. № 465. Г. А. І. В. См. также въ приложеніи.

55. Г. А. І. В. № 35, л. 1.

56. Каховскій просилъ нѣсколько часовъ свободы для того, чтобы разыскать слугу Рылѣева и отъ него узнать, кто именно былъ посланъ къ нему. Каховскій дѣлалъ это сознательно, не желая дальнѣйшаго кровопролитія въ случаѣ возстанія на югѣ. Въ архивѣ крѣ-

пости сохранилась записка ген.-ад. Левашова: «Государь императоръ просьбѣ г. Каховскаго удовлетворить не можетъ, а токмо позволяетъ ему родственникамъ его писать, коего письма присылать сюда. 20 дек. 1825 г.» Въ крѣпостномъ же спискѣ всѣхъ, кому разрѣшена переписка, Каховскій помѣченъ, какъ арестантъ, не пользующійся правомъ переписки.

57. Г. А. I. В. №№ 11, л. 21.

58. Г. А. I. В. № 209, л. 2 и № 293, л. 335 и 336.

59. «Записки декабриста Завалишина». Мюнхенъ. 1905. Т. I, стр. 355. Ко всѣмъ остальнымъ сообщеніямъ Завалишина о Каховскомъ въ этомъ и другихъ мѣстахъ «Записокъ» должно относиться съ полнѣйшимъ недовѣріемъ. То, что онъ передастъ о признаніи Каховскаго передъ царемъ въ убійствѣ Милорадовича, просто вздорно.

60. То обстоятельство, что Сперанскій былъ приглашенъ Николаемъ I къ ближайшему участію въ судѣ надъ декабристами, объясняется не столько тѣмъ, что у Николая I было немного людей, которые могли бы справиться съ такимъ сложнымъ дѣломъ, сколько своеобразнымъ стремленіемъ отмстить Сперанскому за его либерализмъ. Декабристы намѣчали, въ случаѣ успѣха возстанія, Сперанскаго однимъ изъ членовъ временнаго правительства. Комиссіи было вмѣнено въ особенную задачу тщательно разслѣдовать вопросъ о прикосновенности Сперанскаго и нѣкоторыхъ другихъ высокихъ сановниковъ. Разслѣдованіе не дало возможности установить никакой фактической связи, но выяснило нѣкоторое совпаденіе и близость идейныхъ стремленій Сперанскаго и декабристовъ. Не безъ злорадпаго чувства, надо полагать, Николай поручалъ Сперанскому судить и распредѣлять наказаніе—отъ ссылки до казни—декабристовъ, среди которыхъ у Сперанскаго были и личные знакомые. Хотя, по словамъ дочери, Сперанскій волновался и плакалъ по ночамъ во время процесса, все-таки онъ перемогся и довелъ дѣло до конца. Приглашая Сперанскаго къ

этой работѣ, Николай I имѣлъ съ нимъ долгій разговоръ со Сперанскимъ. Память о немъ сохранилась въ слѣдующей, нами впервые оглашаемой записочкѣ Николая I къ Дибичу. По окончаніи дѣйствій Комитета, Дибичъ 1 іюня 1826 года представилъ заготовленные проекты объ учрежденіи суда съ слѣдующимъ рапортомъ: «Имѣю счастіе представить Вашему Величеству проекты отношеній министру юстиціи и графу Толстому» Николай I отвѣтилъ: «*C'est parfaitement bien. J'ai eu une longue conversation avec Speransky. Elle s'est passé d'une manière fort calme et amicale и онъ принесъ повинную*».

61. Н. К. Шильдеръ. Имп. Николай I. Т. I. Спб. 1903. Стр. 443.

62. Приводимыя нами (впервые) документальныя данныя объ отношеніи Николая I къ казни декабристовъ рисуютъ въ настоящемъ свѣтѣ его роль и опровергаютъ столь обильно распущенныя А. О. Смирновой и людьми придворнаго круга розсказни о его милосердіи, о его возмущеніи примѣненіемъ петли къ офицерамъ, о томъ, что онъ не зналъ, что Рылѣевъ—поэтъ, а знай это, то онъ простилъ бы его и т. д. Это все разсказываетъ извѣстная А. О. Смирнова (Записки, ч. I и II), прибавляя, что Бенкендорфъ явился виновникомъ повѣшенія. Ознакомившись съ достовѣрными свидѣтельствами документовъ, смѣшно читать разсказы А. О. Смирновой. Является вопросъ, сама ли Смирнова безсознательно въ атмосферѣ придворной лести и восторженности передъ словами и поступками Николая I создавала подобные эпизоды, или же они были внушены самимъ Николаемъ I, и тутъ обнаружившимъ свои способности къ игрѣ.

Въ добавленіе къ сообщеннымъ въ текстѣ свѣдѣніямъ о заботахъ Николая I о казни декабристовъ мы можемъ привести непольную еще записочку, посланную Николаемъ I Дибичу передъ исполненіемъ казни. Рѣчь идетъ о часѣ казни. «Я полагаю назначить часъ вамъ вмѣстѣ съ Кутузовымъ; я щитаю въ

4 часа утра; такъ чтобъ отъ 3 до 4 часовъ могла кончиться обѣдня, и ихъ можно бы было причастить». Мы не имѣемъ возможности привести еще одинъ архивный документъ, о которомъ говорилъ Н. К. Шильдеръ, не только постѣснявшійся привести его, но даже и не сдѣлавшій изъ него должныхъ выводовъ о роли Николая I. Это составленный и собственноручно написанный Николаемъ I съ многочисленными помарками обрядъ, по которому должна была быть совершена казнь и экзекуція надъ декабристами.

63. «Былое», 1906, мартъ, стр. 226

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Личность. Міросозерцаніе	3
Русскій Брутъ	39
Въ тайномъ обществѣ	65
На Сенатской площади	77
Императоръ	87
Слѣдствіе—Судъ—Смерть.	119
Примѣчанія.	143

Всѣ виньетки въ текстѣ книги взяты изъ книгъ, вышедшихъ въ свѣтъ не позднѣе 1825 года и или выпущенныхъ самими декабристами или имѣвшихъ среди нихъ большое распространеніе

Виньетка на титульномъ листѣ взята изъ книги, бывшей любимымъ чтеніемъ декабристовъ—сочиненія аббата Баррюэля о тайныхъ обществахъ.

Б[illegible]
Т-ку

Mats

9С
К-306

Цѣна 6 р.

РЭ
9 с Ц-341
К 306 265